

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Научный журнал издается
Пермским государственным
национальным исследовательским
университетом с 2010 г.

Тематика статей журнала отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований.

Издание включено в Перечень ВАК РФ по следующим научным специальностям, по которым принимаются статьи:

- 5.7.1 Онтология и теория познания
- 5.7.2 История философии
- 5.7.7 Социальная и политическая философия
- 5.7.8 Философская антропология, философия культуры
- 5.3.1 Общая психология, психология личности, история психологии
- 5.4.1 Теория, методология и история социологии
- 5.4.4 Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.7 Социология управления

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66481 от 14 июля 2016 г.

Подписка на журнал «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» осуществляется онлайн на сайте «Пресса России. Объединенный каталог» <https://www.pressa-rf.ru/cat/1/edition/e41011/>
Подписной индекс — 41011

Адрес редакционной коллегии
614990, Пермский край,
г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
Тел. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru,
fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru
Web-site: <http://www.philsoc.psu.ru/vestnik>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
Александр Юрьевич Внутских (докт. филос. наук, доцент, чл.-кор. РАН, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Заместитель главного редактора
Александра Юрьевна Бергфельд (канд. психол. наук, доцент, доцент кафедры общей и клинической психологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

ФИЛОСОФИЯ

Наталья Ириковна Береснева (докт. филос. наук, доцент, декан философско-социологического факультета, профессор кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Владимир Николаевич Железняк (докт. филос. наук, профессор, зав. кафедрой философии и права, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь).

Лариса Павловна Кищенко (докт. филос. наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, Москва).

Сергей Владимирович Комаров (докт. филос. наук, доцент, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Лева Асканазович Мусаев (докт. филос. наук, доцент, зав. кафедрой философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Сергей Анатольевич Никольский (докт. филос. наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии культуры, Институт философии РАН, Москва).

Сергей Владимирович Орлов (докт. филос. наук, профессор, профессор секции философии кафедры истории и философии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург).

Александр Владимирович Перцев (докт. филос. наук, профессор, акад. РАН, профессор кафедры истории философии и философии образования, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург).

ПСИХОЛОГИЯ

Юрий Петрович Зинченко (докт. психол. наук, профессор, акад. РАО, декан факультета психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва).

Виктор Дмитриевич Балин (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Елена Васильевна Левченко (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры общей и клинической психологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Наталья Анатольевна Логинова (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии развития и дифференциальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Ирина Анатольевна Мироненко (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии личности, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Людмила Александровна Мосунова (докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой издательского дела и редактирования, Вятский государственный гуманитарный университет, Киров).

Александр Октябринович Прохоров (докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой общей психологии, Казанский государственный педагогический университет, Казань).

Елена Евгеньевна Сапогова (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии образования, Московский педагогический государственный университет, Москва).

СОЦИОЛОГИЯ

Ольга Ивановна Бородкина (докт. социол. наук, доцент, профессор кафедры теории и практики социальной работы, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Зинаида Петровна Замираева (докт. социол. наук, профессор, зав. кафедрой социальной работы и конфликтологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Евгения Анатольевна Козай (докт. филос. наук, профессор, зав. кафедрой социологии, Курский государственный университет, Курск).

Наталья Александровна Лебедева-Несевера (докт. социол. наук, доцент, профессор кафедры социологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, зав. лабораторией методов анализа социальных рисков, Федеральный научный центр медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения, Пермь).

Елена Леонидовна Омельченко (докт. социол. наук, профессор, директор Центра молодежных исследований, профессор Департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (филиал), Санкт-Петербург).

Сергей Александрович Судбин (докт. социол. наук, доцент, заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Дмитрий Иванович Широков (докт. филос. наук, профессор, акад. НАН Беларуси, Минск, Беларусь),

Александр Алексеевич Строканов (докт. наук, профессор Департамента криминальной юстиции, истории и глобальных исследований, директор Института русского языка, истории и культуры, университет Северного Вермонта–Линдона, Линдонвилл, Вермонт, США).

Дёрдь Сарвари (доктор философии, директор Bardo Consulting Organizational Development Office, Будапешт, Венгрия).

Джорджо Де Маркус (доктор наук, профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Компелтенсе, Мадрид, Испания).

Стивен Д. МакДауэлл (доктор наук, профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, Таллахаси, Флорида, США).

Майкл Э. Рюэз (доктор наук, профессор философского факультета, университет штата Флорида, Таллахаси, Флорида, США).

Пол Эйткен (доктор наук, адъюнкт-профессор факультета бизнеса, Университет Бонд, Голд-Кост, Квинсленд, Австралия).

*Founder: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Perm State University»*

The scientific journal
has been published
by the Perm State University
since 2010

Subjects of articles of the journal reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles.

*The periodical is included
in the List of the Higher Attestation
Commission of the Russian Federation
in the following scientific specialties,
for which the articles are received:*

- 5.7.1 Ontology and theory of knowledge
- 5.7.2 History of philosophy
- 5.7.7 Social and Political philosophy
- 5.7.8 Philosophical anthropology,
philosophy of culture
- 5.3.1 General psychology, personality psychology, history of psychology
- 5.4.1 Theory, methodology and history of sociology
- 5.4.4 Social structure, social institutions and processes
- 5.4.7 Sociology of management

The periodical is registered
in the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media (Roskomnadzor).
The Mass Media Registration Certificate
ПН № ФС77-66481, July 14, 2016.

Subscription to the journal
«Perm University Herald.
Philosophy. Psychology. Sociology»
is available online at:
«The Press of Russia. The United Catalogue»
<https://www.pressa-ru.ru/cat/1/edition/e41011/>
Subscription index — 41011

Address of Editorial Board
Perm State University,
Bukirev st., build. 15, Perm,
Perm Krai, Russia, 614990.
Tel. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru,
fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru
Web-site: <http://www.philsoc.psu.ru/vestnik>

© Perm State University, 2022

EDITORIAL STAFF

Editor-in-Chief

Alexander Yu. Vnatskikh (Doctor of Philosophy, Corresponding Member of Russian Academy of Natural History, Professor of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm).

Deputy Editor-in-Chief

Alexandra Yu. Bergfeld (Candidate of Psychology, Associate Professor of the Department of General and Clinical Psychology, Perm State University, Perm).

PHILOSOPHY

Natalya I. Beresneva (Doctor of Philosophy, Dean of the Faculty of Philosophy and Sociology, Professor of the Department of Culturology and Social and Humanitarian Technologies, Perm State University, Perm),
Vladimir N. Zheleznyak (Doctor of Philosophy, Head the Department of Philosophy and Law, Perm National Research Polytechnic University, Perm),
Larisa P. Kiyashchenko (Doctor of Philosophy, Leading Researcher of Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow),

Sergey V. Komarov (Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Law, Perm National Research Polytechnic University, Perm),
Leva A. Musaelyan (Doctor of Philosophy, Head of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm),

Sergey A. Nickolsky (Doctor of Philosophy, Chief Researcher - Head of the Department of Philosophy of Culture, Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Sergey V. Orlov (Doctor of Philosophy, Professor of the Section of Philosophy of the Department of History and Philosophy, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg),

Alexander V. Pertsev (Doctor of Philosophy, Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of History of Philosophy and Philosophy of Education, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg).

PSYCHOLOGY

Yury P. Zinchenko (Doctor of Psychology, Academician of Russian Academy of Education, Professor, Dean of Psychology Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow),

Viktor D. Balin (Doctor of Psychology, Professor of the Department of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Elena V. Levchenko (Doctor of Psychology, Professor of the Department of General and Clinical Psychology, Perm State University, Perm),

Natalya A. Loginova (Doctor of Psychology, Professor of the Department of Developmental Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Irina A. Mironenko (Doctor of Psychology, Professor of the of the Department of Personality Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Lyudmila A. Mosunova (Doctor of Psychology, Head of the Department of Publishing and Editing, Vyatka State University of Humanities, Kirov),

Alexander O. Prokhorov (Doctor of Psychology, Head of the Department of General Psychology, Kazan Federal University, Kazan),

Elena E. Sapogova (Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Educational Psychology, Moscow State Pedagogical University, Moscow).

SOCIOLOGY

Olga I. Borodkina (Doctor of Sociology, Professor of the Department of Theory and Practice of Social Work, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Zinaida P. Zamaraeva (Doctor of Sociology, Head of the Department of Social Work and Conflictology, Perm State University, Perm),

Evgeniya A. Kogay (Doctor of Philosophy, Head of the Department of Sociology and Political Science, Kursk State University, Kursk),

Natalya A. Lebedeva-Neseyrya (Doctor of Sociology, Professor of the Department of Sociology, Perm State University, Head of Social Risk Analysis Laboratory, Federal Scientific Center for Medical and Preventive Health Risk Management Technologies, Perm),

Elena L. Omelchenko (Doctor of Sociology, Head of the Centre for Youth Studies, Head of the Department of Sociology, National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg),

Sergey A. Sudjin (Doctor of Sociology, Head of the Department of General Sociology and Social Work, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod).

EDITORIAL BOARD

Dmitriy I. Shirokanov (Doctor of Philosophy, Academician of National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus),

Alexandre A. Strokanov (Ph.D., Professor of Department of Criminal Justice, History and Global Studies, Director of the Institute of the Russian Language, History and Culture, Northern Vermont University – Lyndon, Lyndonville, VT, USA),

Gyorgy Sarvari (Ph.D., Director of Bardo Consulting Organizational Development Office, Budapest, Hungary),

Georgio De Marchis (Ph.D., Professor of the Department of Audiovisual Communication and Advertising, Complutense University of Madrid, Madrid, Spain),

Stefan D. McDowell (Ph.D., H. Phipps Professor of Communication, College of Communication and Information's Associate Dean for Academic Affairs, Florida State University, Tallahassee, FL, USA),

Michael E. Ruse (Ph.D., Lucyle T. Werkmeister Professor, Director of the History and Philosophy of Science Program, Florida State University, Tallahassee, FL, USA),

Paul Aitken (Ph.D., Adjunct Professor of the School of Business, Bond University, Gold Coast, QLD, Australia).

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ / PHILOSOPHY

«МАТЕМАТИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ,
СТРУКТУРЫ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВА»
(Тематический выпуск)

«MATHEMATICAL OBJECTS, STRUCTURES
AND PROOFS»
(Special issue)

Математические объекты, структуры и доказательства (введение к тематическому выпуску) <i>Ламберов Л.Д. (приглашенный редактор)</i>	361	Mathematical objects, structures and proofs (introduction to the special issue) <i>Lev D. Lamberov (guest editor)</i>
Исчисление задач А.Н. Колмогорова и гомотопическая теория типов <i>Родин А.В.</i>	368	A.N. Kolmogorov's calculus of problems and homotopy type theory <i>Andrei V. Rodin</i>
Модальный структурализм и проблема интеграции <i>Гущин И.А.</i>	380	Modal structuralism and the problem of integration <i>Ilya A. Gushchin</i>
Три отсутствующих факта математического структурализма <i>Ламберов Л.Д.</i>	389	Three absent facts of mathematical structuralism <i>Lev D. Lamberov</i>
Произвольные объекты, видовые структуры: метафизический математический структурализм <i>Хлебалин А.В.</i>	399	Arbitrary objects, species structures: metaphysical mathematical structuralism <i>Aleksandr V. Khlebalin</i>

ФИЛОСОФИЯ / PHILOSOPHY

Идея «археология взгляда» в процессе выстраивания доверия между пациентом и врачом <i>Филиппович М.С.</i>	406	The idea of «archaeology of perception» in the process of trust creation between patient and physician <i>Maria S. Filippovich</i>
Динамика философской рациональности и общественно-историческая практика <i>Лоскутов Ю.В.</i>	416	The dynamics of philosophical rationality and social-historical practice <i>Yuri V. Loskutov</i>
Отечественный опыт построения материалистической концепции этноса и перспектива ее философского углубления <i>Корякин В.В.</i>	427	Russian experience in building the materialist concept of ethnos and the prospect of its philosophical <i>Vyacheslav V. Koryakin</i>
Теоретико-мировоззренческие основания хронотопологической концепции в контексте переосмысления современного состояния философии и ее классических категориальных схем <i>Политов А.В.</i>	441	Theoretical and ideological foundations of the chronotopological conception in the context of rethinking the modern state of philosophy and its classical categorical schemes <i>Andrei V. Politov</i>

ПСИХОЛОГИЯ / PSYCHOLOGY

Каузальный след в индивидуально-интеллектуальных интеграциях. Сообщение 1. Интеграции и каузальность <i>Дорфман Л.Я., Калугин А.Ю.</i>	452	A causal footprint in individual-intellectual integrations. Part 1. Integrations and causality <i>Leonid Ya. Dorfman, Alexey Yu. Kalugin</i>
Роль пола, внешности и сходства в проявлениях перцептивного эффекта контраста <i>Балева М.В., Полянина О.И.</i>	465	The role of gender, appearance and similarity in the perceptual contrast effect <i>Milena V. Baleva, Olga I. Polyanina</i>
Взаимосвязь бодимодификаций и самоповреждающего поведения с психологическими травмами, пережитыми в детском возрасте <i>Кузнецова С.О., Мустафина К.А., Такмакова М.В.</i>	479	The relationship of body modification and self-harming behavior with psychological traumas experienced in childhood <i>Svetlana O. Kuznetsova, Kristina A. Mustafina, Marina V. Takmakova</i>

СОЦИОЛОГИЯ / SOCIOLOGY

Культурные факторы формирования доверия в организации: социологический анализ <i>Гордеева С.С., Шарыпова С.Ю.</i>	494	Cultural factors in trust formation in organizations: a sociological analysis <i>Svetlana S. Gordeyeva, Sofya Yu. Sharypova</i>
Информация для авторов	504	Guidelines for English-speaking authors

ФИЛОСОФИЯ**«МАТЕМАТИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ, СТРУКТУРЫ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВА»
(Тематический выпуск)**

УДК 1:51

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-3-361-367

**МАТЕМАТИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ, СТРУКТУРЫ
И ДОКАЗАТЕЛЬСТВА
(ВВЕДЕНИЕ К ТЕМАТИЧЕСКОМУ ВЫПУСКУ)***Ламберов Лев Дмитриевич (приглашенный редактор)**Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)*

Статья служит введением к проблематике, обсуждаемой в следующих статьях. Рассматривается гипотеза интеграции, предполагающая, что адекватное решение философской проблемы должно одновременно давать ответ и на онтологические, и на эпистемологические вопросы. Указанная проблема описывается спекулятивно, а также путем обращения к дилемме П. Бенацерафа, кроме того, иллюстрируется на примере сравнения классической и интуиционистской математики и интерпретации понятия компьютерного доказательства. Демонстрируется, что адекватная философия математики должна одновременно учитывать онтологические и эпистемологические аспекты математики и математической практики.

Ключевые слова: математические объекты, структуры, доказательства, предмет математики, философия математики.

**MATHEMATICAL OBJECTS, STRUCTURES AND PROOFS
(INTRODUCTION TO THE SPECIAL ISSUE)***Lev D. Lamberov (guest editor)**Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg)*

The paper serves as an introduction to the issues discussed in the following articles. It raises the problem (challenge) of integration, according to which an adequate solution of a philosophical problem should simultaneously be an answer to both ontological and epistemological questions. This problem is described speculatively and by referring to P. Benacerraf's dilemma. In addition, the problem is illustrated by comparing classical and intuitionistic mathematics and also through interpretation of the concept of computer proof. The paper demonstrates that adequate philosophy of mathematics must simultaneously take into account the ontological and epistemological aspects of mathematics and mathematical practice.

Keywords: mathematical objects, structures, proofs, subject of mathematics, philosophy of mathematics.

13 мая 2022 г. в рамках Международной научной конференции «uAnalytiCon-2022: Абстрактные объекты» (13–14 мая 2022 г., Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург) прошел круглый стол «Математические объекты, структуры и доказательства». Тема круглого

стола представляла собой попытку рассмотрения взаимосвязей между понятиями математического объекта, математической структуры и математического доказательства. Одна из основных гипотез, обсуждавшихся в ходе дискуссии, состоит в том, что указанные понятия пло-

дотворнее (а возможно, и правильнее) исследовать без отрыва друг от друга. Хотя понятия математического объекта и структуры относятся, скорее, к онтологическим вопросам математики, а понятие математического доказательства — к эпистемологическим вопросам, вряд ли такое «дисциплинарное» деление в философии математики соответствует сущностному делению в самой математике. С одной стороны, если доказательство является средством получения математического знания или же средством обоснования математических утверждений, то, скажем так, границы доказательства являются границами математически существующего (существующего с достаточной степенью математического обоснования). С другой стороны, если математические объекты и структуры обладают определенными характеристиками, то эти характеристики определяют способы получения знания о них. Например, если математические объекты и структуры являются чувственно воспринимаемыми, то доказательство может оказаться чем-то подобным эксперименту в естественных науках если не по степени обоснования (результаты экспериментов вряд ли могут быть признаны аподиктическими), то хотя бы по связи с некоторым чувственным созерцанием.

Обсуждаемую гипотезу можно представить в виде *вызова* (или *проблемы*) *интеграции*¹. Для начала посмотрим на этот вызов сугубо спекулятивно. В различных областях философии возникают сходные проблемы, а решение этих проблем в одной области накладывает ограничения на возможные решения в других. Суть проблемы интеграции состоит в том, чтобы дать не только адекватные и обоснованные ответы на онтологические и эпистемологические вопросы разных областей философского знания, но и дать их таким образом, чтобы они согласовывались друг с другом. Для достижения определенных целей философского исследования можно прийти к очень интересной онтологии, которая будет решать конкретную проблему за счет постулирования некоторого вида сущностей. Тем не менее такое решение может оказаться неже-

лательным по той причине, что у нас может не быть возможности построить соответствующую этой онтологии эпистемологию. Другими словами, сущности для решения этой проблемы мы постулируем, но вот объяснить то, каким образом эти сущности познаются, не сможем. Такое решение вряд ли можно назвать приемлемым. Возможна и обратная ситуация. Мы сначала придумаем адекватную эпистемологию, а потом попытаемся построить соответствующую ей онтологию. Однако и в этом случае существует вероятность того, что мы столкнемся с непреодолимыми трудностями. В частности, наша эпистемология будет описывать познавательные способности, для которых необходимые нам сущности окажутся вне досягаемости.

Если обратиться к более конкретным инкарнациям проблемы интеграции, то лучше всего коротко рассмотреть дилемму П. Бенаццерафа [Benacerraf P., 1973]. Дилемма демонстрирует следующее: адекватная философия математики должна сочетать в себе и онтологическую, и эпистемологическую части. Соответственно, в статье П. Бенаццерафа, в которой он представил эту дилемму, можно условно выделить два фрагмента: (1) формулировка онтологии и унифицированного объяснения языка математики в ущерб эпистемологии; (2) формулировка эпистемологии в ущерб унифицированному объяснению языка.

В первом фрагменте рассматривается позиция математического платонизма, согласно которому математические объекты представляют собой абстрактные сущности. Абстрактные сущности «населяют» отдельный мир, не располагаются в пространстве и времени (например, как физические вещи) и не участвуют в причинно-следственных отношениях. Такая концепция математических объектов позволяет использовать достаточно традиционный подход к объяснению языка математики — теорию истины А. Тарского [Tarski A., 1935, 1944]. В этом объяснении индивидуальные константы и индивидуальные переменные обозначают внеязыковые объекты, существующие независимо от говорящих агентов. Ключевое преимущество использования теории истины А. Тарского для объяснения языка математики заключается в том, что в этом случае мы имеем унифицированное объяснение языка, не отличающееся по своей форме и базовым понятиям (у

¹ Термин заимствован из [Reasocke C., 1999], которая иллюстрируется с помощью дилеммы П. Бенаццерафа [Benacerraf P., 1973], но касается не столько философии математики, сколько практически любой проблемы философии.

А. Тарского понятие истины (определяется через понятия обозначения и выполнимости) от (фрагмента) обыденного языка и языка естественных наук. Однако платонистская концепция математических объектов вызывает значительные эпистемологические трудности, т.к. не позволяет обращаться ни к каузальной теории знания [Goldman A.I., 1967], ни к релейабиллизму [Goldman A.I., 1975], а другие эпистемологические теории (например, обращающиеся к понятию математической интуиции) в настоящее время (особенно после натурализации эпистемологии в работах У.В.О. Куайна [Quine W.V.O., 1969]) вряд ли могут рассматриваться как серьезные и обоснованные концепции. Более того, то же самое затруднение может быть переформулировано через понятия математического убеждения и математического факта без обращения к какой-либо конкретной эпистемологической концепции [Field H., 1989, p. 227–281].

Во втором фрагменте рассматриваются попытки сформулировать философию математики исходя из эпистемологии. То есть сначала формулируется адекватная эпистемология, утверждающая, к примеру, что истинность математических утверждений зависит не от существующих объектов особого рода, а от доказательств или построений. В частности, такую позицию развивали, интуиционисты [Heyting A., 1956] и конструктивисты [Марков А.А., 1954, 1972]. В этом случае признаются существующими только те математические объекты, которые «создаются» умом работающего математика, или объекты, для которых можно задать процедуру построения. Соответственно, обращение к теории истины А. Тарского для объяснения языка математики уже не представляется возможным, т.к. никакие внеязыковые сущности, независимые от говорящих агентов, просто не предполагаются в качестве значений языковых выражений. Для объяснения языка математики в таком случае можно сформулировать верификационистскую или теоретико-доказательную семантику. Последняя, правда, приведет к тому, что объяснение математического языка уже не будет аналогично объяснению (фрагмента) обыденного языка или языка естественных наук.

Получается, дилемма П. Бенаццерафа создает затруднительную ситуацию в философии математики, в рамках которой мы можем иметь либо платонистскую онтологию и унифициро-

ванное объяснение языка математики, либо адекватную эпистемологию. Выбор одной из сторон этой дилеммы зачастую делается в ущерб другой стороне. Однако нельзя сказать, что дилемма П. Бенаццерафа вовсе не имеет решения; скорее, ее следует рассматривать как трудное испытание, задачу или вызов [Linnebo Ø., 2006]. Несколько иначе рассматриваемый вызов интеграции можно представить как ситуацию, в которой «[м]ы должны совместить адекватную концепцию того, в чем заключается истинность утверждений данного вида, с убедительной концепцией того, как мы можем знать эти утверждения, когда мы их [действительно] знаем» [Peacocke C., 1999, p. 1]. Иными словами, мы можем понимать, в чем состоит истинность утверждений некоторой области философии, но при этом не понимать, каким образом мы в принципе имеем убеждение в содержании этих утверждений, или мы можем понимать, каким образом у нас сформировались убеждения в содержании некоторых утверждений, но при этом мы не можем ясно описать их условия истинности.

Обратимся теперь к тому, каким образом в обсуждаемой гипотезе о взаимосвязи понятий математического объекта, структуры и доказательства могут влиять друг на друга. Наиболее очевидным примером, иллюстрирующим взаимоотношения между математическими объектами (будь они чем-то самостоятельным или лишь частями некоторых структур) и доказательствами, является различие между классической математикой и интуиционистской (и частью конструктивистской). Например, Л.Э.Я. Брауэр выделяет два акта интуиционизма [Brouwer L.E.J., 1981, p. 4–8]. Согласно первому акту интуиционизма, математика является безъязыковой деятельностью ума, а память и восприятие движения времени порождают натуральные числа. Второй же акт иллюстрирует то, что существует два способа создания новых сущностей, основанных на свободном выборе, порождающем бесконечные последовательности уже признанных объектов, что, в свою очередь, устанавливает существование интуиционистского континуума, в некоторых аспектах отличающегося от континуума в классической математике. Однако адекватно сравнить классическое и интуиционистское понятие континуума весьма затруднительно по той причине, что интуиционистские действительные числа обладают отличными от

классических действительных чисел свойствами. Поскольку интуиционисты признают только потенциальную бесконечность, допустимыми оказываются только такие бесконечные объекты, которые могут быть порождены «пошагово». Согласно Л.Э.Я. Брауэру, бесконечные последовательности конечных объектов (например, натуральных чисел) представляют собой последовательности, порожденные свободной волей. Такая последовательность может быть либо всюду определенной («законоподобной»), например, последовательность нулей или возрастающие обычным образом последовательности четных чисел, простых чисел или натуральных чисел), либо недетерминированной («беззаконной»), например, последовательность результатов броска кубика, когда заранее неизвестно, какое значение выпадет на любом отдельно взятом шаге). Для любой недетерминированной («беззаконной») последовательности известен только ее начальный фрагмент, сама же такая последовательность не завершена, т.к. число ее элементов зависит от свободной воли создающего субъекта (своего рода трансцендентального субъекта [Atten M. van, 2004, 2007]). Более того, любая детерминированная последовательность в любой момент в соответствии со свободной волей создающего субъекта может быть превращена в недетерминированную, а всякое действительное число представляется как такая последовательность выбора (или свободно становящаяся последовательность). Такие последовательности выбора обосновывают введение аксиом непрерывности, благодаря которым выводятся утверждения, являющиеся ложными в классической математике. Соответственно, понятие континуума в интуиционизме не является лишь ослаблением классического понятия континуума; эти два понятия «схватывают» сходные, но *разные* феномены².

Таким образом, особый подход к понятию доказательства в интуиционизме (интуиционистское понятие доказательства является более

строгим по сравнению с классическим и предполагает только прямые формы) вместе с определенными эпистемически мотивированными концепциями в конечном счете приводит к тому, что онтологии формулируемых математических теорий оказываются отличными от онтологий теорий классической математики. При этом различие между объектами двух «типов» онтологий математических теорий проявляется не столько в разных истинностных значениях математических утверждений, сколько в природе объектов этих онтологий.

Еще одним примером возможного влияния понятия «доказательство» на предмет математики и природу математических объектов являются некоторые попытки интерпретации компьютерных доказательств. Обычно под доказательством понимают обозримую и поддающуюся формализации конструкцию, целью которой является достижение убежденности [Tymoczko T., 1979, p. 59]. Вычислительная техника при доказательстве теорем зачастую используется для решения различного рода сложных в комбинаторном отношении задач. Такие доказательства предполагают перебор разных комбинаций и их последовательную проверку, а самым знаменитым компьютерным доказательством является, конечно же, доказательство теоремы о четырех красках [Appel K., Haken W., 1977; Appel K. et al., 1977]. Для отдельного человека, имеющего ограниченную продолжительность жизни и ограниченные умственные возможности, проверить компьютерную часть доказательства невозможно. Таким образом, у компьютерных доказательств отсутствует одна важная черта — обозримость. Компьютерное доказательство невозможно обозреть, как невозможно понять/проверить каждый отдельно взятый шаг этого доказательства. В каком смысле такие конструкции могут вообще считаться математическими доказательствами?

По мнению Т. Тимошко [Tymoczko T., 1979], компьютерные доказательства сближаются с результатами экспериментальных наук. Подобно тому как в рамках эксперимента или даже серии связанных экспериментов невозможно учесть все изменения параметров, так невозможно и обозреть каждый шаг компьютерного доказательства. Так как Т. Тимошко является последователем фаллибилистской философии математики И. Лакатоса, он предлагает пересмотреть статус математики, а также понятия доказатель-

² Различие проявляется, например, в том, что некоторые классически истинные утверждения о классическом континууме являются интуиционистски ложными или имеют неопределенное истинностное значение, тогда как некоторые интуиционистские утверждения об интуиционистском континууме оказываются классически ложными. Сходство же состоит в том, что некоторые утверждения о континууме являются истинными как с классической, так и с интуиционистской точек зрения.

ства и теоремы. По его мнению, математика не является чистой и априорной дисциплиной, предметом которой выступает нечто сугубо внеэмпирическое, а результаты математического исследования не являются аподиктическими, как это традиционно считается. Математика, по его мнению, схожа с эмпирическими науками; результаты математического исследования представляют собой вероятностные истины, которые со временем пересматриваются, а доказательства сродни эксперименту. Видимо, и математические объекты в таком случае следует понимать не как особый род вечных объектов, располагающихся в идеальном мире, а скорее, как нечто изменчивое, преходящее и брэнное.

Однако компьютерные доказательства (в частности, доказательство теоремы о четырех красках) можно интерпретировать и другим образом, например вслед за С. Шэнкером [Shanker S., 1987]. В его витгенштейнианской интерпретации доказательство представляет собой особые грамматические конструкции, которые определяют правила употребления символов математического языка. Если доказательство не является обозримым, то мы, изучая его, не можем понять правило. Тем самым мы не способны правильно употреблять соответствующие математические символы и делать значимые утверждения. В этом случае приходится говорить об отсутствии понимания отдельных математических результатов или даже целых разделов математики, в которых такие необозримые доказательства занимают центральное место. Вероятно, эту витгенштейнианскую мысль можно продолжить в духе П. Теллера [Teller P., 1980], выделяя «человеческую» математику (доступную для понимания ограниченными существами) и *собственно* математику. При таком подходе предметом «человеческой» математики являются математические объекты, доступные *человеческому* познанию с помощью *человеческих* математических доказательств, какими бы они ни были. Это математические объекты, которые можно обозначить как *человеческие* математические объекты. И кто знает, что за математические объекты скрываются за границами *человеческого* понимания, за границами *человеческих* доказательств?

Таким образом, изменение понятия доказательства, возникновение новых видов и форм доказательств приводит к изменению понимания предмета математики и математических объек-

тов. Однако нельзя утверждать, что эти изменения однонаправленны. Рассмотренный в начале статьи *вызов* (или *проблема*) *интеграции* предполагает, что не только эпистемология определяет или ограничивает онтологию, но и наоборот: влияние может осуществляться на эпистемологию со стороны онтологии, а при построении адекватной философии математики следует учитывать оба полюса философского исследования. Этому и некоторым другим связанным вопросам посвящены приведенные далее статьи.

Список литературы

Марков А.А. О логике конструктивной математики. М.: Знание, 1972. 47 с.

Марков А.А. Теория алгорифмов. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 376 с.

Appel K., Haken W. Every Planar Map is Four Colorable. Part I: Discharging // *Illinois Journal of Mathematics*. 1977. Vol. 21, iss. 3. P. 429–490. DOI: <https://doi.org/10.1215/ijm/1256049011>

Appel K., Haken W., Koch J. Every Planar Map is Four Colorable. Part II: Reducibility // *Illinois Journal of Mathematics*. 1977. Vol. 21, iss. 3. P. 491–567. DOI: <https://doi.org/10.1215/ijm/1256049012>

Atten M. van. Brouwer meets Husserl: On the phenomenology of choice sequences. Dordrecht, NL: Springer, 2007. 219 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-1-4020-5087-9>

Atten M. van. On Brouwer. Belmont, CA: Wadsworth/Thomson Learning, 2004. 96 p.

Benacerraf P. Mathematical Truth // *The Journal of Philosophy*. 1973. Vol. 70, iss. 19. P. 661–679. DOI: <https://doi.org/10.2307/2025075>

Brouwer L.E.J. Brouwer's Cambridge lectures on intuitionism / ed. by D. van Dalen. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1981. 122 p.

Field H. Realism, Mathematics and Modality. Oxford, UK: Basil Blackwell, 1989. 304 p.

Goldman A.I. A Causal Theory of Knowing // *The Journal of Philosophy*. 1967. Vol. 64, iss. 12. P. 357–372. DOI: <https://doi.org/10.2307/2024268>

Goldman A.I. Innate Knowledge // *Innate Ideas* / ed. by S.P. Stich. Berkeley, CA: University of California Press, 1975. P. 111–120.

Heyting A. Intuitionism. An Introduction. Amsterdam, NL: North-Holland Publishing Company, 1956. 147 p.

Linnebo Ø. Epistemological Challenges to Mathematical Platonism // *Philosophical Studies*. 2006. Vol. 129, iss. 3. P. 545–574. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11098-004-3388-1>

Peacocke C. Being Known. N.Y.: Oxford University Press, 1999. 368 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/0198238606.001.0001>

Quine W.V.O. Epistemology Naturalized // Ontological Relativity and Other Essayes. N.Y.: Columbia University Press, 1969. P. 69–90. DOI: <https://doi.org/10.7312/quin92204-004>

Shanker S. Wittgenstein and the Turning Point in the Philosophy of Mathematics. London, UK: Croom Helm, 1987. 370 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315823492>

Tarski A. Der Wahrheitsbegriff in den formalisierten Sprachen // Studia Philosophica. 1935. Vol. 1. P. 261–405.

Tarski A. The Semantical Concept of Truth and the Foundations of Semantics // Philosophy and Phenomenological Research. 1944. Vol. 4, no. 3. P. 341–375. DOI: <https://doi.org/10.2307/2102968>

Teller P. Computer Proof // The Journal of Philosophy. 1980. Vol. 77, iss. 12. P. 797–803. DOI: <https://doi.org/10.2307/2025805>

Tymoczko T. The Four-Color Theorem and Its Philosophical Significance // The Journal of Philosophy. 1979. Vol. 76, iss. 2. P. 57–83. DOI: <https://doi.org/10.2307/2025976>

Получена: 01.08.2022. Принята к публикации: 18.08.2022

References

Appel, K. and Haken, W. (1977). Every planar map is four colorable. Part I: Discharging. *Illinois Journal of Mathematics*. Vol. 21, iss. 3, pp. 429–490. DOI: <https://doi.org/10.1215/ijm/1256049011>

Appel, K., Haken, W. and Koch, J. (1977). Every planar map is four colorable. Part II: Reducibility. *Illinois Journal of Mathematics*. Vol. 21, iss. 3, pp. 491–567. DOI: <https://doi.org/10.1215/ijm/1256049012>

Atten, M. van (2004). On Brouwer. Belmont, CA: Wadsworth/Thomson Learning Publ., 96 p.

Atten, M. van (2007). *Brouwer meets Husserl: On the phenomenology of choice sequences*. Dordrecht, NL: Springer Publ., 219 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-1-4020-5087-9>

Benacerraf, P. (1973). Mathematical truth. *The Journal of Philosophy*. Vol. 70, iss. 19, pp. 661–679. DOI: <https://doi.org/10.2307/2025075>

Brouwer, L.E.J. (auth.), D. van Dalen (ed.) (1981). *Brouwer's Cambridge lectures on intuitionism*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 122 p.

Field, H. (1989). *Realism, mathematics and modality*. Oxford, UK: Basil Blackwell Publ., 304 p.

Goldman, A.I. (1967). A causal theory of knowing. *The Journal of Philosophy*. Vol. 64, iss. 12, pp. 357–372. DOI: <https://doi.org/10.2307/2024268>

Goldman, A.I. (1975). Innate knowledge. S.P. Stich (ed.) *Innate ideas*. Berkeley, CA: University of California Press, pp. 111–120.

Heyting, A. (1956). *Intuitionism. An introduction*. Amsterdam, NL: North-Holland Publishing Company, 147 p.

Linnebo, Ø. (2006). Epistemological challenges to mathematical Platonism. *Philosophical Studies*. Vol. 129, iss. 3, pp. 545–574. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11098-004-3388-1>

Markov, A.A. (1954). *Teoriya algorifmov* [The theory of algorithms]. Moscow, Leningrad: AS USSR Publ., 376 p.

Markov, A.A. (1972). *O logike konstruktivnoy matematiki* [On the logic of constructive mathematics]. Moscow: Znanie Publ., 47 p.

Peacocke, C. (1999). *Being known*. New York: Oxford University Press, 368 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/0198238606.001.0001>

Quine, W.V.O. (1969). *Epistemology naturalized. Ontological relativity and other essays*. New York: Columbia University Press, pp. 69–90. DOI: <https://doi.org/10.7312/quin92204-004>

Shanker, S. (1987). *Wittgenstein and the turning point in the philosophy of mathematics*. London, UK: Croom Helm Publ., 370 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315823492>

Tarski, A. (1935). [The concept of truth in formalized languages]. *Studia Philosophica*. Vol. 1, pp. 261–405.

Tarski, A. (1944). The semantical concept of truth and the foundations of semantics. *Philosophy and Phenomenological Research*. Vol. 4, no. 3, pp. 341–375. DOI: <https://doi.org/10.2307/2102968>

Teller, P. (1980). Computer proof. *The Journal of Philosophy*. Vol. 77, iss. 12, pp. 797–803. DOI: <https://doi.org/10.2307/2025805>

Tymoczko, T. (1979). The four-color theorem and its philosophical significance. *The Journal of Philosophy*. Vol. 76, iss. 2, pp. 57–83. DOI: <https://doi.org/10.2307/2025976>

Received: 01.08.2022. Accepted: 18.08.2022

Об авторе

Ламберов Лев Дмитриевич

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры онтологии и теории познания,
Уральский гуманитарный институт

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
620002, Екатеринбург, пр. Ленина, 51;
e-mail: lev.lamberov@urfu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9228-4909>
ResearcherID: Q-5183-2016

About the author

Lev D. Lamberov

Candidate of Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department
of Ontology and Theory of Knowledge,
Ural Institute of Humanities

Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin,
51, Lenin av., Ekaterinburg, 620002, Russia;
e-mail: lev.lamberov@urfu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9228-4909>
ResearcherID: Q-5183-2016

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Ламберов Л.Д. Математические объекты, структуры и доказательства (введение к тематическому выпуску) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 3. С. 361–367. DOI: 10.17072/2078-7898/2022-3-361-367

For citation:

Lamberov L.D. [Mathematical objects, structures and proofs (introduction to the special issue)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 3, pp. 361–367 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-3-361-367

УДК: 1:51

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-3-368-379

ИСЧИСЛЕНИЕ ЗАДАЧ А.Н. КОЛМОГОРОВА И ГОМОТОПИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ТИПОВ

Родин Андрей Вячеславович

Русское общество истории и философии науки (Москва)

А.Н. Колмогоров в 1932 г. предложил оригинальный вариант математического интуиционизма Л. Бауэра, в котором центральную роль играет различие задач и теорем, отличающихся по своему содержанию от интуиционизма А. Гейтинга и других последователей. У современных историков и логиков существуют разные мнения по вопросу о том, следует ли считать различие между задачами и теоремами у А.Н. Колмогорова логическим или же в интуиционистской интерпретации высказываний можно считать «проблемы» А.Н. Колмогорова просто альтернативным термином для теорем. В популярной ВНК-интерпретации интуиционистской логики, названной так по именам Л. Брауэра, А. Гейтинга и А.Н. Колмогорова, предлагается синтез подходов этих трех авторов, в котором различие между задачами выносится за пределы логики и трактуется как контекстуальное или чисто лингвистическое. В статье показывается, что различие между задачами и теоремами играет ключевую роль в подходе А.Н. Колмогорова, и приводится логическая интерпретация этого различия с использованием гомотопической теории типов (ГТТ). Используемое в этой теории понятие гомотопического уровня позволяет вслед за А.Н. Колмогоровым различать задачи, которые сводятся к доказательству утверждений, и задачи на реализацию конструкций более высоких уровней. Таким образом, ГТТ соотносится с точкой зрения А.Н. Колмогорова в его полемике с А. Гейтингом. В то же время в ГТТ не решается поставленная А.Н. Колмогоровым задача поиска конструктивного понятия отрицания, применимого к задачам общего вида, которая на сегодняшний день остается по-прежнему открытой.

Ключевые слова: исчисление задач, интуиционистская логика, гомотопическая теория типов, конструктивное отрицание.

A.N. KOLMOGOROV'S CALCULUS OF PROBLEMS AND HOMOTOPY TYPE THEORY

Andrei V. Rodin

Russian Society for History and Philosophy of Science (Moscow)

In 1932 A.N. Kolmogorov proposed an original version of mathematical intuitionism where the distinction between problems and theorems plays a central role and which differs in its content from the versions of intuitionism developed by A. Heyting and other followers of L. Brouwer. In view of today's historians and logicians, it remains a controversial point whether this distinction is to be treated as logical or Kolmogorov's «problems» should be regarded as propositions, provided the latter term is interpreted intuitionistically. The popular ВНК semantics of intuitionistic logic, so called after Brouwer, Heyting, and Kolmogorov and supposed to provide a synthesis of ideas of these authors, does not formally distinguish between problems and theorems and treats this distinction as contextual or purely linguistic. We argue that the distinction between problems and theorems is a crucial element of Kolmogorov's approach and provide a logical interpretation of this distinction using homotopy type theory (HoTT). The notion of homotopy level of a given type in HoTT allows one to distinguish, after Kolmogorov, between problems reduced to proving a sentence and problems that require realization of higher-order constructions. Thus, HoTT provides a support for Kolmogorov's view on intuitionistic logic in his polemics with Heyting. At

the same time, HoTT does not solve the problem of finding a constructive notion of negation applicable to general problems, which is raised by Kolmogorov in the same paper and still remains open.

Keywords: calculus of problems, intuitionistic logic, homotopy type theory, constructive negation.

Введение

Наследие Андрея Николаевича Колмогорова в области математической логики включает в себя всего две статьи [Колмогоров А.Н., 1925; Kolmogoroff A., 1932], опубликованные в довоенный период; к ним примыкает философская статья «Современные споры о природе математики» [Колмогоров А.Н., 1929], содержащая критический анализ текущих дебатов между сторонниками формализма Д. Гильберта и интуиционизма Л. Брауэра¹.

Вклад этих небольших по объему работ А.Н. Колмогорова в развитие математической и философской логики XX века является очень значительным. В статье «О принципе tertium non datur» [Колмогоров А.Н., 1925] А.Н. Колмогоров предложил исторически первую частичную аксиоматизацию интуиционистской логики высказываний [Troelstra A.S., 1990]; построенное в этой работе пропозициональное исчисление может быть охарактеризовано в современных терминах как негативно-импликативный фрагмент *минимального пропозиционального* исчисления, предложенного в 1937 г. Йогансоном [Плиско В.Е., 1988]. Фундаментальным результатом статьи А.Н. Колмогорова 1925 г. является интерпретация классической логики высказываний внутри данного фрагмента интуиционистской (минимальной) логики. Для построения этой интерпретации А.Н. Колмогоров сначала выделяет класс интуиционистских высказываний (формул), к которым применимо правило снятия двойного отрицания, т.е. таких высказываний А, для которых в исчислении А.Н. Колмогорова доказуема (т.е., выводима) формула $\neg\neg A \rightarrow A$. Как показывает А.Н. Колмогоров, если высказывания (формулы) А, В относятся к этому типу, то формулы $A \rightarrow B$ и $\neg A$ тоже относятся к этому типу, т.е. класс формул данного типа замкнут относительно импликации и отрицания. Отсюда следует, что если некоторая формула Φ доказу-

ема (выводима) в классическом исчислении высказываний², в символах

$$\vdash_{cl} \Phi,$$

то интуиционистский аналог (перевод) формулы Φ , обозначаемый Φ^* , который получается с помощью замены всех атомарных подформул этой формулы на их двойные отрицания, выводится в интуиционистском исчислении А.Н. Колмогорова в символах

$$\vdash_{Kolm} \Phi^*.$$

Идея такого перевода в неформальном виде была впервые высказана еще Л. Брауэром и после публикации статьи А.Н. Колмогорова 1925 года получила дальнейшее развитие в работах Валерия Ивановича Гливенко, Герхарда Генцена и Курта Геделя [Atten M. van, 2022]. В современной теории топосов эта идея приобрела изящную геометрическую форму, которая позволила прояснить топологические характеристики классической и интуиционистской логики [MacLane S., Moerdijk I., 1994, ch. 6].

Как известно, в интуиционистской критике классических математических результатов включается аргумент о неправомерности применения закона исключенного третьего как универсального логического принципа без учета особенностей той предметной области, к которой относятся эти рассуждения [Хинчин А.Я., 1926]. Огрубляя, можно сказать, что с интуиционистской точки зрения подходы классической логики применимы только в тех областях математики, которые имеют дело с конечными совокупностями объектов и конечными процедурами³. Но, разумеется, интуиционисты не ставили и не ставят сегодня своей целью редуцировать всю математику к такого рода конечным случаям. Многие классические математические теоремы, доказываемые с помощью классических

¹ См. также близкую по своей тематике и опубликованную в те же годы философскую работу коллеги и соавтора А.Н. Колмогорова Александра Яковлевича Хинчина «Идеи интуиционизма и борьба за предмет в современной математике» [Хинчин А.Я., 1926].

² А.Н. Колмогоров пользуется здесь классическим исчислением высказываний, ранее предложенным Д. Гильбертом.

³ В такой словесной формулировке данное условие не является вполне четким и допускает множество альтернативных уточнений, анализ которых выходит за рамки настоящей работы.

рассуждений, которые с интуиционистской точки зрения являются неприемлемыми (в частности, из-за неправомерного, с точки зрения интуиционистов, использования закона исключенного третьего), допускают интуиционистски приемлемые переформулировки, получаемые с помощью двойного отрицания. Например, теорема о существовании некоторого математического объекта x обладающего заданным свойством P , в символах

$$\exists xPx,$$

которая в классической математике доказывается приведением к противоречию гипотезы о том, что такой объект не существует, и допускает интуиционистскую переформулировку, согласно которой неверно, что все объекты рассматриваемого класса не обладают свойством P , в символах

$$\neg\forall x\neg Px.$$

В качестве примера можно привести известную топологическую теорему Брауэра о существовании неподвижной точки для всякого непрерывного отображения замкнутого шара в себя, которая доказывается приведением к противоречию гипотезы о том, что такой точки не существует, т.е. все точки шара при действии данного преобразования переходят в какие-то другие точки.

Таким образом, описанной А.Н. Колмогоровым в статье 1925 г. интуиционистская интерпретация классической логики и математики дает представление об интуиционистской математике как о расширении классической математики, а не как о ее ограничении только теми рассуждениями, в которых закон исключенного третьего применяется только по отношению к конечным совокупностям [Coquand T., 2007]. Впрочем, нужно иметь в виду, что такой прямолинейный перевод классических математических утверждений и их доказательств в интуиционистски приемлемую форму невозможно использовать во всех случаях, поскольку многие понятия классической математики с интуиционистской точки зрения просто не имеют смысла и наоборот. В частности, с интуиционистской точки зрения нужно, по-видимому, считать бессмысленной аксиому выбора (за исключением тех редких случаев, когда она имеет конструктивный смысл и по сути является излишней), а с классической точки зрения нужно признать математически некорректными или по меньшей

мере нерелевантными используемые Брауэром понятия свободно становящейся последовательности и творческого субъекта. Оговоримся, что поскольку конкретное содержание «интуиционистской точки зрения» и «классической точки зрения» допускает много альтернативных вариантов, подобные утверждения описывают ситуацию в целом, но не могут претендовать на математическую строгость и окончательность.

Если принять интуиционистский тезис о том, что классическая логика корректно отражает только формы правильных рассуждений о конечных совокупностях, то можно сделать вывод, что семантика интуиционистской логики должна включать в качестве частного случая классическую логическую семантику или, точнее говоря, скорректированную с интуиционистской точки зрения версию такой семантики. Таким образом, построение интуиционистской логической семантики на основе классической должно включать в себя два момента (которые не обязаны быть независимыми): интуиционистскую переформулировку классической логической семантики и расширение сферы применения логики за счет новых предметных областей, в которых общая интуиционистская логика применима, но ее классическая разновидность, допускающая возможность использования закона исключенного третьего, не применима.

Именно такого рода проект предлагает и частично осуществляет А.Н. Колмогоров в своей статье «Об истолковании интуиционистской логики»⁴ [Колмогоров А.Н., 1985b], утверждая, что интуиционистская логика применима не только к допускающим истинностные оценки высказываниям и их доказательствам, но и к *задачам* более общего вида, включая традици-

⁴ Оригинальное название статьи, опубликованной на немецком языке, «Zum Deutung der Intuitionistischen Logik». Использованный В.А. Успенским русский перевод статьи А.Н. Колмогорова «Об интерпретации интуиционистской логики» вслед за принятым английским переводом этой работы смягчает исходную формулировку названия, которое говорит скорее о «настоящем смысле» интуиционистской логики, а не просто о ее возможной интерпретации. Об этом можно судить на основании авторской формулировки основного тезиса этой статьи: «[И]нтуционистская логика [...] **должна** быть заменена исчислением задач, поскольку ее объекты суть **в действительности** не теоретические высказывания, а напротив, задачи» (выделено нами. — А.Р.) [Колмогоров А.Н., 1985b, с. 142]. Здесь и далее в основном тексте статьи указанная работа А.Н. Колмогорова цитируется по русскому переводу Успенского 1985 г.

онные геометрические задачи на построение, в которых с помощью ограниченных средств, обычно с помощью циркуля и линейки, требуется построить геометрическую фигуру с заданными свойствами.

Прежде чем говорить более подробно об *исчислении задач* А.Н. Колмогорова, предложенном в его статье 1932 г., сформулируем основной тезис настоящей работы и представим план дальнейшего изложения. В отличие от статьи А.Н. Колмогорова 1925 г., которая была опубликована на русском языке и долгое время оставалась неизвестной за пределами Советского Союза, статья 1932 г., написанная на немецком языке и опубликованная в одном из ведущих европейских математических журналов своего времени, была хорошо известна Аренду Гейтингу и другим ключевым исследователям в области интуиционистской логики того времени и оказала очевидное влияние на последующее развитие этой математической и философской дисциплины [Troelstra A.S., 1990]. Тем не менее, как будет видно далее, центральная идея этой статьи — идея формального различения задач на доказательство математических утверждений (теорем) и задач более общего вида, включая геометрические задачи на построение, — выпала из поля зрения большинства исследователей и до сих пор остается нереализованной в строгом математическом смысле. Постараемся показать, что эта идея остается важной и актуальной в контексте современных логических исследований, и рассмотрим некоторые известные на сегодняшний день подходы к ее реализации, которые были предложены в последние годы, по всей видимости, независимо от прямого влияния работ А.Н. Колмогорова. Это касается в первую очередь гомотопической теории типов (ГТТ), начало которой было положено во второй половине 2000-х гг. Владимиром Воеводским и которая продолжает быстро развиваться в настоящее время [Homotopy Type Theory..., 2013]. Затем мы более подробно рассмотрим понятие неразрешимой задачи по А.Н. Колмогорову и покажем, что адекватная формализация этого понятия до сих пор остается открытой проблемой.

Исчисление задач Колмогорова и ВНК-семантика интуиционистской логики

Статья А.Н. Колмогорова «Zur Deutung der intuitionistischen Logik. Mathematische Zeitschrift»

[Kolmogoroff A., 1932] состоит из двух частей. В первой части А.Н. Колмогоров показывает, что интуиционистское исчисление высказываний, предложенное Арендом Гейтингом в серии статей [Heyting A., 1930], может быть интерпретировано как *исчисление задач*: зафиксированные А. Гейтингом формальные правила конструктивных математических рассуждений применимы не только к доказательствам утверждений, но и к решениям задач более общего вида. Во второй части статьи, которая носит более философский характер, А.Н. Колмогоров утверждает, что интерпретация интуиционистской логики как *логики задач* более полно соответствует теоретико-познавательным принципам математического интуиционизма, нежели использованная А. Гейтингом интерпретация этой логики как логики высказываний.

Интересно, что в этой работе А.Н. Колмогоров ограничивается ссылкой на статью [Heyting A., 1930], но не ссылается на свою собственную работу [Колмогоров А.Н., 1925], которая содержит более раннюю попытку формализации конструктивных математических рассуждений. Это можно объяснить тем, что статья А.Н. Колмогорова 1932 г. была предназначена немецкоязычному научному сообществу, а статья 1925 г. была написана и опубликована на русском языке и оставалась недоступной для большинства немецкоязычных читателей. Важное отличие интуиционистского исчисления А.Н. Колмогорова 1925 г. от исчисления А. Гейтинга 1930 г. состоит в том, что исчисление А. Гейтинга использует классическое правило *ex falso quodlibet* (из лжи следует что угодно), тогда как исчисление А.Н. Колмогорова не использует этого правила. Возможно, А. Гейтингу удалось убедить А.Н. Колмогорова в преимуществах своего исчисления или же А.Н. Колмогоров не считал это различие принципиальным.

Понятие задачи А.Н. Колмогоров не определяет, но иллюстрирует с помощью примеров, ссылаясь при этом на то, что базовые понятия классической логики, включая понятие высказывания, также не могут быть определены в терминах более простых логических понятий. Для целей настоящей работы достаточно рассмотреть первые два примера А.Н. Колмогорова: «(1) Найти такие четыре целые числа x, y, z, n , для которых выполняются соотношения $x^n + y^n = z^n$, $n > 2$; (2) Доказать, что [Великая]

теорема Ферма [ВТФ] неверна» [Колмогоров А.Н., 1985b, с. 142–143].

Как известно, утверждение ВТФ состоит в том, что четверки чисел, удовлетворяющих условию (1), не существует. Таким образом, решение задачи (1) влечет за собой решение задачи (2); другими словами, решение задачи (2) сводится к решению задачи (1). Однако обратное с интуиционистской точки зрения, которой в 1932 г. придерживается А.Н. Колмогоров, неверно. Если из утверждения ВТФ можно вывести противоречие, то это даст интуиционистски приемлемое решение задачи (2), т.е. интуиционистское доказательство отрицания ВТФ. Однако отрицание ВТФ с интуиционистской точки зрения не равносильно утверждению о существовании четверки натуральных чисел, удовлетворяющих условиям задачи (1). Таким образом, задачи (1) и (2) с этой точки зрения не тождественны и не эквивалентны.

Как замечает Вагнер Санз в статье, посвященной работе А.Н. Колмогорова 1932 г. [Sanz W., 2021], указание на *решения* задач при объяснении отношения сводимости между задачами является проблематичным, поскольку оно не учитывает случай, когда одна или обе находящиеся в этом отношении задачи не имеют решений. Этот случай А.Н. Колмогоров рассматривает отдельно; мы обсудим его более подробно в следующем разделе настоящей работы. Вслед за В. Санзом, мы будем говорить «задача B сводится к задаче A », имея в виду то, что *если* эти задачи имеют решения, то решение задачи A позволяет получить (может быть преобразовано в) решение задачи B .

Примеры (1) и (2) иллюстрируют следующий фундаментальный момент исчисления задач А.Н. Колмогорова: доказательство утверждения (высказывания, теоремы) представляет собой задачу специального вида, однако многие задачи, например (1), имеют другую форму, а их решения не являются доказательствами. Таким образом, понятие задачи (проблемы) с точки зрения А.Н. Колмогорова является более общим, чем понятие теоремы. В качестве классических примеров задач, которые не являются теоремами, можно привести традиционные задачи на геометрические построения циркулем и линейкой из «Начал» Евклида или любого современного учебника. Заметим, что формулировки этих задач не являются логическими пропозициями, т.е. не принимают истинностных оценок.

Стандартную на сегодняшний день теоретико-доказательную семантику интуиционистской логики принято называть ВНК-семантикой (или ВНК-интерпретацией) по первым буквам имен Л. Брауэра (Brouwer), А. Гейтинга (Heyting) и А.Н. Колмогорова^{5,6}. Ниже представлена ее обычная формулировка [Atten M. van, 2022]:

- 1) доказательство конъюнкции $A \wedge B$ дается доказательством A и доказательством B ;
- 2) доказательство дизъюнкции $A \vee B$ дается доказательством A или доказательством B ;
- 3) доказательство импликации $A \rightarrow B$ — это конструктивная процедура, которая позволяет преобразовать всякое доказательство A в доказательство B ;
- 4) абсурд (противоречие) \perp не имеет доказательства;
- 5) доказательство отрицания $\neg A$ — это конструктивная процедура, которая преобразует любое гипотетическое доказательство A в доказательство противоречия⁷ (перевод наш. — *A.P.*).

По умолчанию переменные A, B обозначают здесь высказывания, к которым относятся соответствующие доказательства. Таким образом,

⁵ Впервые эта аббревиатура была использована Троелстрой в 1997 г., причем буква К первоначально указывала на имя Г. Крейзеля, а не на А.Н. Колмогорова [Van Atten M., 2022].

⁶ Поскольку интуиционистское (и, говоря шире, конструктивное) направление в логике оспаривает принятые в классической логике основные логические принципы и понятия, включая стандартное различие между синтаксисом и семантикой, терминология в этой области не является на сегодняшний день вполне устойчивой. Существует точка зрения, согласно которой выражения «ВНК-семантика» и «ВНК-интерпретация» являются некорректными и уместнее говорить об «объяснении значения» (meaning explanation) логических констант в стиле ВНК или *теоретико-доказательном* объяснении значения. Хотя за этими терминологическими спорами в ряде случаев стоят важные философские аргументы, мы оставляем их здесь в стороне и используем все указанные выражения как взаимозаменяемые.

⁷ Обратим внимание на спорный характер семантики отрицания в стандартной формулировке ВНК-семантики. Что такое «гипотетическое доказательство» и как оно может быть преобразовано в «доказательство противоречия», если противоречие не допускает доказательства? Синтаксически здесь речь идет, конечно, о выводе из высказывания A пары высказываний вида $B, \neg B$, т.е. о выводе формального противоречия. Однако это синтаксическое указание само по себе ничего не говорит о теоретико-доказательной семантике отрицания. Это замечание предваряет наш анализ критики интуиционистского отрицания А.Н. Колмогоровым в следующем разделе настоящей работы.

данная обобщенная интерпретация не принимает во внимание соображение А.Н. Колмогорова о том, что задачи на доказательства высказываний представляют собой задачи специального вида, а также то, что интуиционистская логика допускает более широкую область применения.

Насколько это упущение является существенным? С точки зрения А. Гейтинга и его современных последователей (Пер Мартин-Леф, Марк ван-Аттен), ответ на этот вопрос отрицательный. По мнению этих авторов, интуиционистская точка зрения на математическое доказательство обнаруживает единство проблем (задач) и теорем, высказываний и построений (конструкций) и выносит различия между этими понятиями за пределы логики. Аргумент состоит в этом, что во всех подобных случаях речь идет о некоторой *интенции*, которая либо реализуется (удовлетворяется) в виде доказательства теоремы или решения проблемы, либо нет. Следуя этому подходу, П. Мартин-Леф при презентации ранней версии своей интуиционистской теории типов (ТТМЛ) перечисляет следующие возможные альтернативные интерпретации формальных типов и их термов:

- 1) как множества и их элементы;
- 2) как высказывания и их доказательства;
- 3) как интенции (ожидания) и их реализации;
- 4) как задачи и методы их решений [Martin-Lof P., 1984, p. 5].

Также автор обосновывает мнение, что понятия высказывания и множества по сути тождественны⁸.

Во второй половине 2000-х гг. В.А. Воеводским и его соавторами была предложена интерпретация ТТМЛ в терминах современной *теории гомотопий*, что послужило толчком к созданию гомотопической теории типов (ГТТ) и развитию программы построения унивалент-

ных оснований математики [Homotopy Type Theory..., 2013]. При такой интерпретации стало возможным определить понятие *гомотопической иерархии типов*, в которой формально различаются *пропозициональные* типы (т.е. типы, интерпретируемые как высказывания), *множество-подобные* типы, *группоидные* типы и следующие в порядке иерархии другие *высшие* типы. Таким образом, в ГТТ приводится математический аргумент в пользу точки зрения А.Н. Колмогорова, согласно которой различие между доказательствами высказываний и решением задач более общего вида имеет формальный логический характер, и против точки зрения А. Гейтинга (которой ранее также придерживался Мартин-Леф), согласно которой это различие является чисто лингвистическим и контекстуальным. Важно подчеркнуть, что структура гомотопической иерархии типов, позволяющая формально различать доказательства высказываний и решение проблем более общего вида, не была привнесена в ГТТ внешним образом на основании тех или иных философских соображений и предпочтений. Гомотопическая стратификация типов является объективным математическим свойством синтаксиса МЛТТ, которое никак не зависит от намеренной логической интерпретации этой теории. Эта неочевидная на первый взгляд синтаксическая структура стала доступной для математического описания и логического анализа благодаря открытой В.А. Воеводским гомотопической интерпретации данной формальной теории.

Неразрешимые задачи

Как подчеркивает А.Н. Колмогоров, «мы нигде не предполагали, что каждая задача разрешима. [...] Соответственно этому $\neg A$ означает задачу “предположив, что решение задачи A дано, получить противоречие”» [Колмогоров А.Н., 1985b, с. 143]. Случай, когда поставленная задача не имеет решения, т.е. является *неразрешимой*, в понимании А.Н. Колмогорова подразумевает, что сам этот факт математически *доказан*, т.е. решение задачи состоит в том, чтобы «доказать, что задача A не имеет решения». В противном случае нужно говорить не о неразрешимой, а о *нерешенной* (открытой) задаче. Нерешенные

⁸ «Если принять всерьез идею о том, что высказывание определяется способом формирования своих канонических доказательств, а множество определяется способом формирования своих канонических элементов, то становится ясным, что различие этих понятий (а также связанных с ними понятий доказательства высказывания и элемента множества) приводит только к ненужному удвоению [терминологии]. Вместо этого мы их просто отождествляем и рассматриваем в качестве одного и того же понятия» (перевод наш. — А.Р.) [Martin-Lof P., 1984, p. 13].

задачи А.Н. Колмогоров оставляет за рамками своей теории⁹.

В качестве стандартных примеров неразрешимых задач можно привести задачи квадратуры круга или трисекции угла с помощью циркуля и линейки. Эти задачи не имеют решений в обычном смысле, но поскольку сегодня сам факт этого является строго математически доказанным, то эти задачи нельзя считать открытыми и допускать возможность того, что они будут решены в будущем. Поэтому в более общем смысле эти задачи все же нужно считать на сегодняшний день решенными. В подобных случаях иногда говорят об «отрицательных решениях», называя обычные решения «положительными» [Sanz W., 2021]. Используя такую терминологию, нужно иметь в виду, что если понятие об обычном «положительном» решении задачи (как и само понятие задачи) является в теории А.Н. Колмогорова примитивным, т.е. неопределяемым, то понятие об «отрицательном» решении исчерпывающе определяется в терминах положительных решений, как это было сделано выше. Поэтому говорить о двух типах решений — положительных и отрицательных — в данном контексте можно только с большими оговорками.

В целях более глубокого осмысления понятия неразрешимой задачи мы отдельно рассмотрим специальный случай, когда проблема A представляет собой задачу на доказательство теоремы, т.е. когда A — это утверждение, которое требуется доказать. В этом случае доказательство неразрешимости задачи A представляет собой доказательство того, что утверждение A недоказуемо. Такое доказательство, *в частности*, может представлять собой вывод противоречия из A или, что то же самое (в согласии с

принятой Л. Брауэром и А. Гейтингом интуиционистской семантикой отрицания, которая сегодня является общепринятой), представлять собой доказательство отрицания утверждения A в символах $\neg A$. Как видно из приведенной выше цитаты, А.Н. Колмогоров переносит это интуиционистское определение отрицания на случай задач общего вида и определяет отрицательные проблемы, т.е. проблемы вида $\neg A$, как задачи на вывод противоречия из предположения о том, что задача A имеет (положительное) решение.

Заметим, что при такой интерпретации отрицания задача вида $\neg A$ в любом случае представляется задачей на доказательство *утверждения* независимо от того, относится ли к этому классу задач сама задача A . Это обстоятельство, на наш взгляд, идет вразрез с общей стратегией А.Н. Колмогорова считать задачи на доказательство утверждений задачами специального вида и развивать общую теорию задач и их решений, не опираясь на этот специальный случай. На то, что А.Н. Колмогоров сам не был удовлетворен тем понятием интуиционистского отрицания, которое он заимствовал у А. Гейтинга, указывает критика этого понятия, представленная во второй части статьи [Колмогоров А.Н., 1985b]. Как поясняет А.Н. Колмогоров, предложенное Л. Брауэром и использованное впоследствии А. Гейтингом понятие отрицания утверждения как возможности вывода из него противоречия является по сути неконструктивным, поскольку оно не включает в себя требования о предъявлении такого вывода в явном виде. Если же включить в понятие отрицания такое конструктивное требование, то, поскольку задача построения вывода противоречия может оказаться неразрешимой (как и любая другая задача), придется отказаться от обычного предположения о том, что для всякого осмысленного утверждения (задачи) A утверждение (задача) $\neg A$ также является осмысленной. Как замечает А.Н. Колмогоров, такой шаг ставит под угрозу весь проект построения интуиционистской логики: если ограничиться в логике только такими утверждениями, отрицание которых заведомо имеет конструктивный смысл, то в такой логике будет выполняться правило исключенного третьего и в этом случае она совпадет с классической

⁹ В статье 1932 г. А.Н. Колмогоров последовательно опирается на интуиционистское понимание истинности утверждения как возможности предъявить его доказательство. Но, в отличие от Брауэра, А.Н. Колмогоров избегает отсылку к состоянию знаний познающего субъекта в данный момент реального времени и поэтому выносит нерешенные задачи за пределы области применимости своего логического исчисления. Таким образом, тот вариант математического интуиционизма, который А.Н. Колмогоров развивает в этой статье, лишен элементов субъективизма, которые есть в интуиционизме Брауэра. Ср. со статьей [Kolmogoroff A., 1932, с. 148], где А.Н. Колмогоров анализирует понятие утверждения о существовании (экзистенциального высказывания) у Брауэра и выделяет в нем «объективный элемент» и «субъективный элемент».

[Колмогоров А.Н., 1985b, с. 148]¹⁰. Однако А.Н. Колмогоров усматривает здесь также возможность для развития нового логического проекта, а именно проекта построения логики высказываний (задач), отрицание которых не имеет смысла. Мотивированные этой идеей логические исчисления были предложены впоследствии G.W.C. Griss [Griss G.W.C., 1948–1949] (по всей видимости независимо от А.Н. Колмогорова).

Вывод статьи А.Н. Колмогорова 1932 г. состоит в том, что «[р]ешение задач [в математике] должно рассматриваться как ее самостоятельная цель, наряду с доказательством теоретических высказываний» [Колмогоров А.Н., 1985b, с. 148]. Чтобы прокомментировать этот вывод, заметим вслед за А.Н. Колмогоровым, что доказательство $\neg A$ — это не единственный способ доказательства неразрешимости задачи A : $\neg A$ влечет за собой неразрешимость A , но обратное неверно [Колмогоров А.Н., 1985b, прим. 4]. Например, неразрешимость задачи трисекции угла циркулем и линейкой не влечет за собой утверждение о том, что гипотетическое решение этой задачи содержит противоречие. Это замечание сохраняет силу и для случая, который А.Н. Колмогоров специально не выделяет: когда A является утверждением. Дей-

ствительно, возможна ситуация, когда утверждение A является (доказуемо) недоказуемым, и утверждение $\neg A$ также является (доказуемо) недоказуемым. Существование таких утверждений в формальной арифметике было доказано в 1931 г. Куртом Геделем и соответствующее утверждение известно сегодня как первая теорема о неполноте.

Вопрос о том, был ли А.Н. Колмогоров знаком с результатами К. Геделя при подготовке своей статьи 1932 г. и принимал ли их во внимание, требует отдельного исследования; мы не располагаем свидетельствами в пользу этой гипотезы или против этой гипотезы. Однако, на наш взгляд, такая историческая гипотеза в любом случае является излишней для объяснения позиции А.Н. Колмогорова, для которого синтаксическая неполнота построенного им исчисления задач (на основе формализованной интуиционистской логики А. Гейтинга) была сама собой разумеющейся.

Действительно, допустим, что нам удалось построить формальное исчисление задач, обладающее свойством синтаксической полноты относительно стандартного интуиционистского отрицания; в таком исчислении любая задача A либо разрешима, либо отрицание этой задачи $\neg A$ разрешимо, причем всякий раз реализуется ровно одна из этих двух возможностей¹¹. В рамках такого исчисления для любого непротиворечивого набора условий можно без всяких дополнительных усилий предполагать существование объектов и конструкций, которые удовлетворяют этим условиям. С точки зрения Д. Гильберта и развитого им аксиоматического подхода, такой способ математических рассуждений является совершенно корректным. Однако с интуиционистской (конструктивной) точки зрения, которой придерживается А.Н. Колмогоров в статье 1932 г., дело обстоит совершенно иначе. Трисекция произвольного угла циркулем и линейкой невозможна не потому, что понятие о разделенном на три равные части угле содержит противоречие, а потому, что циркуля и линейки для решения данной задачи недостаточно. Напомним еще раз замечание

¹⁰ А.Н. Колмогоров не приводит в статье оснований для этого вывода. Попробуем их реконструировать. Сначала заметим, что общее утверждение об осмысленности (содержательности) формулы $\neg A$ в предположении об осмысленности формулы A в рамках данного логического исчисления является *мета*-теоретическим и, таким образом, не может имплицитно валидность какого-либо формального правила внутри данного исчисления. По всей видимости, А.Н. Колмогоров имеет в виду следующий семантический аргумент: данное мета-теоретическое свойство логического исчисления имеет место только в том случае, если область применимости этого исчисления ограничена рассуждениями о конечных совокупностях. Но в таких случаях выполняется и правило исключенного третьего (в его интуиционистской формулировке). Правило исключенного третьего А.Н. Колмогоров интерпретирует как задачу, которая состоит в том, что требуется предъявить общий метод, который для любой задачи A позволяет либо решить эту задачу, либо вывести противоречие из предположения о том, что такое решение существует. Как иронически замечает А.Н. Колмогоров, «[е]сли наш читатель не считает себя всезнающим, то он, пожалуй, согласится, что [правило исключенного третьего] не может находиться в списке решенных им задач» [Kolmogoroff A., 1932, p. 146]. Однако для задач о конечных совокупностях такой общий метод есть: это прямой перебор всех случаев.

¹¹ Еще раз подчеркнем, что мета-теоретическое свойство синтаксической полноты данного исчисления задач не указывает непосредственно на использование правила исключенного третьего в этом исчислении.

А.Н. Колмогорова о том, что неразрешимость данной задачи A не влечет за собой разрешимость задачи $\neg A$ [Колмогоров А.Н., 1985b, прим. 4]. В гипотетическом исчислении задач, обладающих свойством синтаксической полноты относительно отрицания, для такого рода конструктивной неразрешимости нет места¹².

Из этих соображений понятно, почему А.Н. Колмогоров не стремился к построению синтаксически полного (относительно стандартного интуиционистского отрицания) исчисления задач. Напомним, что интуиционистское исчисление А. Гейтинга, которое использовал А.Н. Колмогоров, этим свойством не обладает. Вопрос о семантической полноте построенного исчисления А.Н. Колмогоров в статье 1932 г. в явном виде не ставил, да и не мог строго поставить, сохраняя принятый в этой работе неформальный стиль изложения. Современную попытку формализации задачной семантики и доказательство корректности и полноты исчисления относительно этой семантики А.Н. Колмогорова можно найти в работе W. Sanz [Sanz W., 2021].

Заключение

Можно с уверенностью утверждать, что построенное на основе интуиционистской логики А. Гейтинга исчисление задач А.Н. Колмогоров не считал окончательным результатом развития своей идеи о расширении сферы логики на задачи общего вида¹³. В частности, он не был удовлетворен тем интуиционистским понятием отрицания, которым он пользовался вслед за А. Гейтингом, и которое сегодня является общепринятым. Критика этого понятия в статье А.Н. Колмогорова 1932 г. до сих пор остается актуальной и позволяет считать вопрос о кон-

структивном отрицании по-прежнему открытым. Раннюю попытку решить (или, во всяком случае, обойти) эту проблему можно увидеть в работе А. Гейтинга в области интуиционистской геометрии, в которой используется примитивное понятие *различимости* точек вместо обычного определения различия как отрицания тождества [Dalen D. van, 1990]. Работы [Odintsov S.P., 2008] и [Agudelo-Agudelo L.S., Sicard-Ramirez A., 2022] представляют собой примеры современных попыток введения нового конструктивного понятия отрицания в рамках паранепротиворечивой логики. Хотя в ГТТ и поддерживается различие между утверждениями и задачами более общего вида в духе А.Н. Колмогорова, используется при этом обычное для конструктивной математики понятие отрицания как сведение к противоречию. Действительно, в рамках ГТТ нет другого способа доказать, что данная задача неразрешима (т.е. некоторая конструкция уровня множеств или выше нереализуема) кроме как доказать, что соответствующий тип пуст. Пустой тип в согласии с определением гомотопической иерархии типов интерпретируется в ГТТ как (ложное) высказывание¹⁴. Поэтому мы не можем утверждать, что на сегодняшний день в

¹⁴ Согласно этому определению, тип является пропозициональным, если он содержит максимум один элемент. Поэтому в ГТТ существует только два пропозициональных типа (с точностью до гомотопической эквивалентности): пустой тип и тип, содержащий единственный элемент, который в геометрических контекстах иногда называют «точкой». Эти два пропозициональных типа можно интерпретировать как привычные истинностные значения, как ложь и истину соответственно. Множество-подобные типы и другие высшие типы редуцируются к пропозициональным типам посредством специальной процедуры, которую в ГТТ (по геометрическим соображениям) называют *обрезанием* (англ. *truncation*) [Homotopy Type Theory..., 2013, p. 117]. Эта процедура может быть неформально описана как внешнее отождествление всех термов данного высшего типа. В согласии с исходной теоретико-доказательной семантикой ТТМЛ об этих терминах можно думать как о различных доказательствах высказывания, которое получается в результате пропозиционального обрезания данного высшего типа; в результате этой процедуры все различия между такими «доказательствами» стираются и все соответствующие термы сливаются в единственное истинностное значение. Однако, как и в других подобных случаях, такое семантическое рассуждение опирается на случай истинного высказывания, не отвечая на поставленные А.Н. Колмогоровым вопросы по поводу интуиционистского понятия отрицания. Применительно к ГТТ вопрос можно сформулировать так: как интерпретировать процедуру обрезания в том случае, когда получающийся в результате этой процедуры пропозициональный тип пуст?

¹² Конечно, невозможность трисекции угла циркулем и линейкой может быть доказана сведением к противоречию предположения о том, что такое построение осуществимо. Однако такой способ доказательства неразрешимости этой задачи не является конструктивным в том смысле этого слова, который имеет в виду А.Н. Колмогоров, говоря о неконструктивном характере стандартного интуиционистского отрицания.

¹³ Об этом А.Н. Колмогоров говорит совершенно определенно в комментарии к своей статье 1932 г., сделанном десятилетия спустя при подготовке первого тома собрания его сочинений: «Предполагалось создание единого логического аппарата, имеющего дело с объектами двух типов — высказываниями и задачами» [Колмогоров А.Н., 1985a].

ГТТ полностью реализуются высказанные А.Н. Колмогоровым в 1932 г. логические идеи.

Критика А.Н. Колмогоровым стандартного понятия интуиционистского отрицания как сведения к противоречию указывает на замысел автора ограничить область применимости этого понятия высказываниями и дополнить исчисление задач новыми конструктивными средствами доказательства неразрешимости. Эта задача остается на сегодняшний день нерешенной. Ее решение было бы не только важным с теоретической точки зрения, но и имело бы большое прикладное значение для разработки систем представления знаний и других систем искусственного интеллекта, использующих логические подходы.

Выражение признательности

Автор благодарит Марка ван Аттена (Mark van Atten), Олега Доманова и Георгия Шабата за ценные советы и обсуждение при подготовке этой статьи.

Работа выполнена в рамках проекта РНФ «Эпистемология цифрового представления знаний: эмпирические гипотезы, формальные доказательства и человеческое понимание», грант 22-28-01420.

Acknowledgements

The author thanks Mark van Atten, Oleg Domanov, and Georgy Shabat for valuable advice and discussion in preparing this article.

The research was supported by RSF, project “Epistemology of Digital Representation of Knowledge: Empirical Hypotheses, Formal Proofs and Human Understanding”, grant 22-28-01420.

Список литературы

Колмогоров А.Н. О принципе tertium non datur // Математический сборник. 1925. Т. 32, вып. 4. С. 646–667.

Колмогоров А.Н. Современные споры о природе математики // Научное слово. 1929. Вып. 6. С. 41–54.

Колмогоров А.Н. К работам по интуиционистской логике // Колмогоров А.Н. Избр. труды. Кн. 1: Математика и механика / отв. ред. С.М. Никольский. М.: Наука, 1985. С. 393.

Колмогоров А.Н. К толкованию интуиционистской логики / пер. с нем. В.А. Успенского // Колмогоров А.Н. Избр. труды. Кн. 1: Математика и

механика / отв. ред. С.М. Никольский. М.: Наука, 1985. С. 142–149.

Плиско В.Е. Исчисление А.Н. Колмогорова как фрагмент минимального исчисления // Успехи математических наук. 1988. Т. 43, вып. 6(264). С. 79–91.

Хинчин А.Я. Идеи интуиционизма и борьба за предмет в современной математике // Вестник коммунистической академии. 1926. Кн. 16. С. 184–192.

Agudelo-Agudelo J.S., Sicard-Ramirez A. Type Theory with Opposite Types: A Paraconsistent Type Theory // Logic Journal of IgPL. 2022. Vol. 30, iss. 5. P. 777–806. DOI: <https://doi.org/10.1093/jigpal/jzab022>

Atten M. van. The Development of Intuitionistic Logic // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. by E.N. Zalta. 2022. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/intuitionistic-logic-development/> (accwssed: 22.07.2022).

Coquand T. Kolmogorov’s Contribution to Intuitionistic Logic // Kolmogorov’s Heritage in Mathematics / ed. by E. Charpentier, A. Lesne, N.K. Nikolski. Berlin: Springer, 2007. P. 19–40. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-540-36351-4_2

Dalen M. van. Heyting and Intuitionistic Geometry // Mathematical Logic / ed. by P.P. Petkov. N.Y.: Plenum Press, 1990. P. 19–27. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4613-0609-2_2

Griss G.W.C. Sur la Négation (dans les mathématiques et la logique) // Synthese. 1948–1949. Vol. 7, iss. 1–2. P. 71–74.

Heyting A. Die formalen Regeln der intuitionistische Logik // Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin: Verlag der Akademie der Wissenschaften, 1930. S. 43–56 (I), S. 57–71 (II), S. 158–169 (III).

Homotopy Type Theory: Univalent Foundations of Mathematics. Princeton, NJ: The Univalent Foundations Program: Institute for Advanced Study, 2013. 480 p.

Kolmogoroff A. Zur Deutung der intuitionistischen Logik // Mathematische Zeitschrift. 1932. Bd. 35, ht. 1. S. 58–65. DOI: <https://doi.org/10.1007/bf01186549>

MacLane S., Moerdijk I. Sheaves in Geometry and Logic. N.Y.: Springer, 1994. 642 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-1-4612-0927-0>

Martin-Lof P. Intuitionistic Type Theory. Napoli, IT: Bibliopolis, 1984. 91 p.

Odintsov S.P. Constructive Negations and Paraconsistency. Dordrecht, NL: Springer, 2008. 248 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-1-4020-6867-6>

Sanz W. Kolmogorov and the General Theory of Problems // Festschrift for Peter Heister-Schroeder. 2021. URL: https://www.researchgate.net/publication/349517286_Kolmogorov_and_The_General_Theory_of_Problems?channel=doi&linkId=60345796a6fdcc37a846345e&showFulltext=true (accessed: 22.05.2022). DOI: <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.31753.16488>

Troelstra A.S. On the Early History of Intuitionistic Logic // *Mathematical Logic* / ed. by P.P. Petkov. N.Y.: Plenum Press, 1990. P. 3–17. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4613-0609-2_1

Получена: 01.08.2022. Принята к публикации: 18.08.2022

References

- Agudelo-Agudelo, J.S. and Sicard-Ramirez, A. (2022). Type theory with opposite types: a paraconsistent type theory. *Logic Journal of IgPL*. Vol. 30, iss. 5, pp. 777–806. DOI: <https://doi.org/10.1093/jigpal/jzab022>
- Atten, M. van (2022). The development of intuitionistic logic. *E.N. Zalta (ed.) The Stanford encyclopedia of philosophy*. Available at: <https://plato.stanford.edu/entries/intuitionistic-logic-development/> (accessed 22.07.2022).
- Coquand, T. (2007). Kolmogorov’s contribution to intuitionistic logic. *E. Charpentier, A. Lesne, N.K. Nikolski (eds.) Kolmogorov’s heritage in mathematics*. Berlin: Springer Publ., pp. 19–40. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-540-36351-4_2
- Dalen, M. van (1990). Heyting and intuitionistic geometry. *P.P. Petkov (ed.) Mathematical Logic*. New York: Plenum Press, pp. 19–27. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4613-0609-2_2
- Griss, G.W.C. (1948–1949). [On negation (in mathematics and logic)]. *Synthese*. Vol. 7, iss. 1–2, pp. 71–74.
- Heyting, A. (1930). [The formal rules of intuitionistic logic]. *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften* [Proceedings of the Prussian Academy of Sciences]. Berlin: Academy of Sciences Publ., pp. 43–56 (I), pp. 57–71 (II), pp. 158–169 (III).
- Homotopy type theory: Univalent foundations of mathematics* (2013). Princeton, NJ: The Univalent Foundations Program Publ., Institute for Advanced Study Publ., 480 p.
- Khinchin, A.Ya. (1926). [Ideas of intuitionism and the struggle concerning the subject matter in the context of modern mathematics]. *Vestnik kommunisticheskoy akademii* [Bulletin of the Communist Academy]. Book 16, pp. 184–192.
- Kolmogorov, A. (1932). [On the interpretation of intuitionistic logic]. *Mathematische Zeitschrift* [Mathematical Journal]. Vol. 35, iss. 1, pp. 58–65. DOI: <https://doi.org/10.1007/bf01186549>
- Kolmogorov, A.N. (1925). [On the principle of tertium non datur]. *Matematicheskii Sbornik*. Vol. 32, iss. 4, pp. 646–667.
- Kolmogorov, A.N. (1929). [Contemporary debate on the nature of mathematics]. *Nauchnoe slovo* [Scientific Word]. Iss. 6, pp. 41–54.
- Kolmogorov, A.N. (1985). [On the interpretation of intuitionistic logic]. *Izbrannye trudy. Kn. 1: Matematika i mekhanika, otv. red. S.M. Nikol’skiy* [S.M. Nikolsky (ed.) Selected works. Book 1: Mathematics and mechanics]. Moscow: Nauka Publ., p. 142–149.
- Kolmogorov, A.N. (1985). [On the publications on intuitionistic logic]. *Izbrannye trudy. Kn. 1: Matematika i mekhanika, otv. red. S.M. Nikol’skiy* [S.M. Nikolsky (ed.) Selected works. Book 1: Mathematics and mechanics]. Moscow: Nauka Publ., p. 393.
- MacLane, S. and Moerdijk, I. (1994). *Sheaves in geometry and logic*. New York: Springer Publ., 642 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-1-4612-0927-0>
- Martin-Lof, P. (1984). *Intuitionistic type theory*. Napoli, IT: Bibliopolis Publ., 91 p.
- Odintsov, S.P. (2008). *Constructive negations and paraconsistency*. Dordrecht, NL: Springer Publ., 248 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-1-4020-6867-6>
- Plisko, V.E. (1988). [Kolmogorov’s calculus of problems as a fragment of minimal calculus]. *Uspekhi matematicheskikh nauk* [Successes of Mathematical Sciences]. Vol. 43, iss. 6 (264), pp. 79–91.
- Sanz, W. (2021). Kolmogorov and the General Theory of Problems. *Festschrift for Peter Heister-Schroeder*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/349517286_Kolmogorov_and_The_General_Theory_of_Problems?channel=doi&linkId=60345796a6fdcc37a846345e&showFulltext=true (accessed 22.05.2022). DOI: <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.31753.16488>
- Troelstra, A.S. (1990). On the early history of intuitionistic logic. *P.P. Petkov (ed.) Mathematical Logic*. New York: Plenum Press, pp. 3–17. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4613-0609-2_1

Received: 01.08.2022. Accepted: 18.08.2022

Об авторе

Родин Андрей Вячеславович

доктор философских наук, научный сотрудник

Русское общество истории и философии науки,
109240, Москва, Гончарная, 12/1;

andrei@philomatica.org

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3541-8867>

ResearcherID: N-1546-2013

About the author

Andrei V. Rodin

Doctor of Philosophy, Researcher

Russian Society for History
and Philosophy of Science,

12/1, Goncharnaya st., Moscow, 109240, Russia;

andrei@philomatica.org

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3541-8867>

ResearcherID: N-1546-2013

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Родин А.В. Исчисление задач А.Н. Колмогорова и гомотопическая теория типов // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 3. С. 368–379. DOI: 10.17072/2078-7898/2022-3-368-379

For citation:

Rodin A.V. [A.N. Kolmogorov's calculus of problems and homotopy type theory]. *Vestnik Permskogo universiteta.*

Filosofia. Psihologia. Sociologia [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 3, pp. 368–379 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-3-368-379

УДК 141:51

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-3-380-388

МОДАЛЬНЫЙ СТРУКТУРАЛИЗМ И ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ*Гуцин Илья Андреевич**Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)*

Модальный структурализм представляет собой попытку преодоления проблем платонизма в философии математики. Продемонстрирована аргументация П. Бенацерафа против платонизма и теоретико-множественного редукционистского реализма как одна из предпосылок возникновения модального структурализма. В качестве другой предпосылки возникновения модального структурализма описан подход Х. Патнэма. Представлен обзор основных положений модального структурализма, среди которых особое внимание уделено переформулировке положений математики с использованием модальностей как способу ухода от теоретико-множественного фундирования утверждений математики. Такая переформулировка наталкивается на проблему потенциального круга в объяснении, т.к. возможные миры как стандартный способ интерпретации модальностей сами являются теоретико-множественными. Для успешного решения этой проблемы используется предложение Дж. Хэллмана, которое заключается в том, что модальности нужно понимать как примитивы. При этом использование модальностей как примитивов создает дополнительные сложности: возможные структуры, о которых делает утверждения математика, обладают непроявленным метафизическим статусом, а объяснение наличия эпистемического доступа к таким структурам представляется крайне затруднительным. Для ухода от этих сложностей предлагается совместить модальный структурализм и модальный нормативизм. Согласно модальному нормативизму, утверждения с модальностями не являются высказываниями об объектах или фактах, они являются утверждениями о правилах языка, на котором они сформулированы. Принятие такой позиции лишает возможные структуры метафизического статуса, а проблема эпистемического доступа к ним трансформируется в проблему знания пользователем языка семантических правил этого языка. Также указывается, что модальный нормативизм может помочь решить проблемы структурализма, не связанные с модальностями, например идею зависимости «объектов» структурализма от структур.

Ключевые слова: модальный структурализм, модальный нормативизм, платонизм, модальная метафизика, модальная эпистемология, объект, структура.

MODAL STRUCTURALISM AND THE PROBLEM OF INTEGRATION*Ilya A. Gushchin**Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg)*

Modal structuralism attempts to solve the problems of Platonism in the philosophy of mathematics. First, the paper presents the view that modal structuralism emerges out of Benacerraf's arguments against Platonism and set-theoretic reductionist realism. Putnam's account is showed to be another source of influence on modal structuralism. Second, the basic ideas of modal structuralism are reviewed, with special attention paid to how the translation of mathematical statements into modal sentences helps to avoid the set-theoretic grounding of such statements. However, since possible worlds are conceived as set-theoretic entities, the translation itself faces the problem of potential circular explanation. To solve the problem, Hellman suggests taking modalities as primitives, but his solution faces additional issues. Two of them are an unclear metaphysical status of the possible structures mathematicians make statements about and an obscure epistemic access mathematicians have to these structures. In order to avoid these issues, the

paper suggests combining modal structuralism with modal normativism. According to the latter, modal statements are not about objects or facts but about linguistic rules. Since modal normativists interpret the possible structures as non-metaphysical entities, the problem of epistemic access to such structures transforms into the problem of the agent's knowledge of the semantic rules of mathematical language. It is also pointed out that modal normativism might solve another set of structuralist problems, not specifically concerned with modalities, e.g., the problem of objects' dependence on the structures in which they are embedded.

Keywords: modal structuralism, modal normativism, Platonism, modal metaphysics, modal epistemology, object, structure.

1. Модальный структурализм

Одной из наиболее динамично развивающихся современных концепций в философии математики является модальный структурализм. В данной статье будут представлены некоторые преимущества этой концепции, а также те виды проблем, которые у возникают у этой концепции: 1) проблемы, которые являются общими для различных видов структурализма; 2) проблемы, которые возникают из-за использования модальностей как важнейшего элемента этой концепции. Во второй группе выделяется проблема интеграции, которая не может быть решена средствами самого модального структурализма. Показывается, что эту проблему можно попытаться решить при помощи совмещения модального структурализма и одной из концепций в рамках исследования модальностей — модального нормативизма. Также показано, что одновременное принятие модального структурализма и модального нормативизма может снять ряд проблем первого вида.

1.1. Предпосылки возникновения модального структурализма

Существует множество математических утверждений, значения которых кажутся тривиальными. Например, утверждения о натуральных числах вида « $2 + 2 = 4$ ». Однако присваивание значений таким утверждениям связано с некоторыми фундаментальными вопросами философии математики, и при детальном рассмотрении эта тривиальность оказывается только кажущейся.

Одним из таких фундаментальных вопросов является вопрос об объектах (и объектах ли?), о которых идет речь в некотором утверждении математики. В общем виде этот вопрос можно сформулировать так: какие сущности изучает математика и есть ли эти сущности вообще? Второй фундаментальный вопрос тесно связан

с первым — вопрос о том, почему утверждения математиков об этих объектах (и объектах ли?) являются истинными. Иными словами, каким именно образом можно получить эпистемический доступ к тому, что изучает математика? Эти вопросы не являются единственными; в связи с этим вполне можно поднять вопросы о моральной ответственности математиков и прагматической полезности математического знания. Однако для целей исследования, представленного в этой статье, достаточно остановиться на указанных выше двух вопросах, т.к. с ними связано абсолютное большинство проблемных полей философии математики. Для простоты назовем первый вопрос *метафизическим* (т.к. он в первую очередь связан с теми сущностями, которые изучает математика), а второй — *эпистемологическим* (т.к. напрямую касается нашего математического знания).

Каковы традиционные способы отвечать на эти вопросы? Их достаточно много, но в качестве «классической» концепции в статье будет использоваться упрощенный и обобщенный вариант платонизма, ввиду его популярности в математическом сообществе. Итак, платонистский ответ на первый вопрос является очевидным: математика изучает абстрактные объекты, реально существующие вне пространства и времени. В концепции Платона предполагалось существование мира идей, однако в рамках современного платонизма многие исследователи обходятся без принятия этой концепции, пользуясь другими способами задания этих абстрактных сущностей (современный пример такого способа можно найти у Э. Линнебо [Linnebo Ø., 2018]). Самый распространенный способ ответа на вопрос «что конкретно представляют из себя эти абстрактные объекты?» заключается в том, что все объекты математики есть множества. Эта идея лежит в основании так называемого теоретико-множественного редукционного реализма, о котором пойдет

речь ниже. Такой способ отвечать на метафизический вопрос не лишен недостатков, одним из которых является чрезмерное количество сущностей, постулируемых платонизмом.

Ответ на эпистемологический вопрос в духе платонизма также является достаточно прямолинейным: утверждения математиков являются истинными, потому что для познания математических объектов они могут пользоваться особой познавательной способностью, например мышлением. Иными словами, предполагается наличие некоторой отдельной способности, специально предназначенной для познания абстрактных сущностей. Очевидным недостатком такого ответа является неочевидный статус этой способности: каким образом она реализована физически, как можно быть уверенным в непогрешимости знания, полученного при ее помощи и т.д.

В рамках современной философии математики исследователем, который сформулировал развернутую аргументацию, направленную против платонизма и других версий реализма, является П. Бенацераф. В двух статьях [Benacerraf P., 1965, 1973] он сформулировал дилеммы, которые в совокупности представляют собой аргументацию против математического реализма, конкретнее — против теоретико-множественного редукционистского реализма. Этот вид реализма очень близок «классической» концепции Платона. В частности, они совпадают в том, что математика изучает некоторые сущности — множества. Если сторонник теоретико-множественного редукционистского реализма примет идею, что множества — это абстрактные объекты, то они полностью совпадут с платонизмом. Однако даже если эта идея не принимается, положения теоретико-множественного редукционистского реализма все равно во многом совпадают с платонизмом: например, в обеих этих концепциях обязательным принимается тезис об уникальности каждого конкретного математического объекта (если некоторое конкретное множество существует, то оно существует только в единственном экземпляре).

Как было отмечено ранее, аргументация П. Бенацерафа состоит из нескольких частей. Одна из них направлена против тезиса реализма о том, что возможно однозначное сведение математических объектов к множествам. Традиционным способом демонстрации уязвимо-

сти этого тезиса является ссылка на тот факт, что натуральные числа могут быть представлены в виде множеств по-разному, а это означает, что *однозначное* сведение их к множествам невозможно [Целищев В.В., 2002]. Для примера обратимся к концепциям Э. Цермело и Дж. фон Неймана. В концепции Э. Цермело число 0 означает пустое множество, а каждое следующее число представляет собой синглетон, содержащий предыдущее число, что дает следующее представление натуральных чисел:

$$\begin{aligned} 0 &= \{\} \\ 1 &= \{\{\}\} \\ 2 &= \{\{\{\}\}\} \\ 3 &= \{\{\{\{\}\}\}\} \end{aligned}$$

Концепция Дж. фон Неймана также представляет число 0 как пустое множество, а вот каждое следующее число получается путем объединения синглтона, содержащего предыдущее число, и предыдущего числа:

$$\begin{aligned} 0 &= \{\} \\ 1 &= \{\{\}\} \\ 2 &= \{\{\}, \{\{\}\}\} \\ 3 &= \{\{\}, \{\{\}\}, \{\{\}, \{\{\}\}\}\} \end{aligned}$$

Эти две концепции являются равноправными, т.е. между ними невозможно сделать выбор некоторым объективным образом. Более того, существуют и другие способы представления натуральных чисел через множества [Lucas J.R., 2000]. Подобное положение дел представляет серьезную угрозу для теоретико-множественного редукционистского реализма, т.к. наличие равноправных способов представления чисел как множеств нарушает один из важнейших тезисов этого вида реализма — тезис об уникальности математических объектов. Более подробно анализ этой части аргументации П. Бенацерафа изложен в работе Л.Д. Ламберова [Ламберов Л.Д., 2021].

Другая часть аргументации П. Бенацерафа часто понимается как аргумент от эпистемического доступа. В упрощенном виде он представляет собой следующее: как пространственно-временные математики могут познавать не пространственно-временные сущности? Если мы принимаем каузальную теорию познания, согласно которой знание возникает в результате причинно-следственного взаимодействия

агентов и объектов, то тогда необходимо объяснить, как сущности, постулируемые теоретико-множественным реализмом, каузально воздействуют на агентов-математиков. Ответить на этот вопрос крайне затруднительно, т.к. сложно себе представить, как нечто не пространственно-временное может каузально воздействовать на то, что находится во времени и пространстве.

Эти и другие сложности привели к развитию нового направления в философии математики, которое получило название структурализм. Существуют различные версии математического структурализма, общей для всех них является идея о том, что математика изучает структуры, а не объекты. Принятие этой идеи порождает следующий вопрос: существуют ли эти структуры как нечто реальное? Положительный ответ на него (см., напр., [Shapiro S., 1997]) приводит к возникновению ряда проблем, общих с платонизмом, т.к. структуры мыслятся как нечто реальное.

При этом дать отрицательный ответ на данный вопрос не так просто. Если структур не существует, то означает ли это, что математика изучает что-то несуществующее? Тем более интересным выглядит разновидность структурализма, получившая название модальный структурализм. Первой причиной этого повышенного интереса является основное положение модального структурализма: математика изучает *возможные* структуры. Таким образом, эта разновидность структурализма пытается уйти от платонистских проблем, представляя утверждения математики как утверждения о чем-то, что могло бы быть, но совершенно необязательно должно быть. Вторая причина заключается в том, что интерпретация предложенной математики с использованием модальностей создает ряд затруднений, напрямую не связанных с философией математики.

1.2. Основные положения модального структурализма

Концепция модального структурализма была предложена Дж. Хэллманом [Hellman G., 1989] и развивалась им в ряде других работ [Hellman G., 1996, 2005]. Как отмечал сам Дж. Хэллман, на его идеи оказала влияние статья Х. Патнэма «Mathematics without Foundations» [Putnam H., 1967]. В этой статье Х. Патнэм предлагает альтернативный способ

понимания утверждений математики. Например, «2» и «4» в рамках утверждения « $2 + 2 = 4$ » можно понимать не как обозначающие конкретные уникальные объекты-сущности. Вместо этого можно понимать «2» и «4» как то, что может быть «2» и «4» в некоторой модели. Иными словами, это необязательно должны быть числа в платонистском понимании, сущностные свойства которых фундируют утверждение « $2 + 2 = 4$ ». Такую интерпретацию Х. Патнэм считает равноправной классической платонистской интерпретации. Но у предложенной им альтернативной интерпретации есть особенность: у математических утверждений нет метафизических оснований, но при этом все утверждения математики, истинные до принятия этой идеи, продолжают быть истинными и после ее принятия. Чтобы достичь этого, Х. Патнэм предлагает использовать модальности. Например, модальность необходимости для утверждения « $2 + 2 = 4$ » позволяла бы добиться истинности этого утверждения для всех релевантных моделей.

Более подробно этот подход развивает Дж. Хэллман. В рамках его проекта все утверждения математики можно переформулировать с использованием модальностей. Тогда утверждения математики перестанут быть утверждениями о каких-то абстрактных сущностях, а истинность утверждений математики будет гарантироваться модальными свойствами этих утверждений. Утверждения такого вида оказываются утверждениями о возможных структурах — т.е. о структурах, которые могли бы существовать в какой-то альтернативе нашему миру, но не существуют в нашем. Однако при такой интерпретации сразу же возникает проблема, сущность которой заключается в следующем.

Стандартным способом выражать модальные свойства в рамках современной философии является использование идеи возможных миров. Необходимое понимается как то, что истинно во всех возможных мирах, достижимых из мира оценки, а возможное — как то, что истинно хотя бы в одном возможном мире, достижимом из мира оценки. Если понимать модальности таким образом в рамках модального структурализма, то возникает потенциальный круг в объяснении. Одной из основных целей модального структурализма является уход от теоретико-множественного редукционистского реализма, т.е. от идеи, что все утверждения ма-

тематики сводятся к множествам (как и от любого другого фундирования). Представим, что мы переформулировали все утверждения математики с использованием модальностей. Модальности при этом мы понимаем при помощи множеств возможных миров. Тогда все полученные нами утверждения математики с модальностями опять оказываются фундированы множествами, т.к. идея возможных миров является теоретико-множественной. Значит, утверждения математики снова оказываются фундированы множествами и уход от платонизма при помощи такой стратегии невозможен.

Дж. Хэллман знал об этой проблеме и предложил свое решение. Причина возникновения проблемы — теоретико-множественный характер возможных миров. Значит, если мы будем понимать необходимое и возможное без обращения к возможным мирам, то эта проблема не возникнет. Но как тогда их понимать? Ответ Дж. Хэллмана следующий: мы должны понимать необходимое и возможное как примитивы, т. е. не анализируемые далее понятия. Нельзя сказать, что подобный ответ является полностью убедительным с точки зрения «здравого смысла» (как и в случае с пониманием любых других понятий как примитивов), однако в рамках модального структурализма это действительно решает проблему фундирования утверждений математики множествами.

Чтобы оценить успешность проекта модального структурализма, обратимся к двум фундаментальным вопросам философии математики, о которых речь шла в начале статьи, — метафизическому и эпистемологическому. Ответ на первый вопрос кажется очевидным: никаких абстрактных сущностей не возникает. Но сложности все равно есть. Дж. Хэллман прямо заявляет, что его целью является создание структурализма без структур. Несмотря на это, понимание утверждений математики как утверждений о возможных структурах все равно предполагает некоторую метафизическую нагруженность данной концепции: речь не идет о том, что утверждения математики о чем-то конкретном — это утверждения о том, чего в прямом смысле нет, а значит, они ложны (как, например, в случае с фикционализмом [Field H., 1980]). При этом понимание возможного и необходимого как примитивов делает метафизический статус этих структур еще более туманным. Несмотря на это, сторонник мо-

дального структурализма не обязан задумываться об этом затруднении, т.к. его концепция успешна, если возможно переформулировать математические утверждения с использованием модальностей (см., напр., [Ламберов Л.Д., 2022]). Таким образом, в строгом смысле метафизические проблемы платонизма в модальном структурализме не решаются, хотя понимание утверждений математики как утверждений о возможных структурах позволяет исключить этот вопрос из активного рассмотрения.

Ответить на второй фундаментальный вопрос философии математики — эпистемологический — также затруднительно: утверждения математики являются истинными из-за структурных и модальных свойств, но проблема эпистемического доступа к возможным структурам продолжает возникать из-за описанного выше туманного характера этих структур. Несмотря на эти затруднения, прогресс в предложении ответов на фундаментальные вопросы философии математики по сравнению платонизмом у модального структурализма есть.

2. Проблемы модального структурализма

Затруднения в ответе на фундаментальные вопросы философии математики порождают множество проблем, с которыми сталкивается модальный структурализм. Эти проблемы можно разделить на два вида. Проблемы первого вида возникают из-за неоднозначности понятия структуры и являются общими для различных видов структурализма. В этом смысле их можно обозначить как внутренние проблемы модального структурализма, т.к. они возникают непосредственно внутри структурализма. Проблемы второго вида специфичны именно для модального структурализма: они «унаследованы» из модальной метафизики и модальной эпистемологии, что произошло в результате использования модальностей в рамках концепции модального структурализма. Иными словами, модальности оказываются удобным и эффективным способом выражения математического знания о возможных структурах, однако модальности сами по себе являются проблемными. Проблемы этого второго вида можно условно назвать внешними проблемами, т.к. они возникают и решаются в рамках исследований модальностей (в модальной метафизике и в модальной эпистемологии), а не в философии математики. В силу того что они являются

внешними, поиск решения усложняется, т.к. сам модальный структурализм не может их решить. Следовательно, для решения проблем такого вида нужно обращаться к области исследований модальностей.

2.1. Проблема интеграции и модальный нормативизм

Одной из самых масштабных проблем в рамках современной модальной метафизики и модальной эпистемологии является так называемая проблема интеграции, сформулированная К. Пикоком [Peacock C., 1999]. Эта проблема заключается в следующем: зачастую оказывается, что при принятии приемлемой метафизики возникают проблемы с тем, что мы можем знать факты о метафизических сущностях, но в рамках принимаемой нами эпистемологии становится непонятно, как именно существуют те сущности, о которых мы знаем какие-то факты. Такое положение дел представляется крайне нежелательным, поэтому для определенной области философии нужно сформулировать одновременно приемлемые метафизику и эпистемологию.

В отношении модальной метафизики и эпистемологии эта проблема может быть представлена так: приемлемым способом выразить наше знание о модальных фактах является использование идеи возможных миров. И это поднимает вопрос о метафизическом статусе возможных миров: существуют ли они в пространственно-временном или абстрактном смысле и как мы можем получить к ним эпистемический доступ. С другой стороны, простая приемлемая метафизика представляется как та, в которой возможные миры не существуют в любом из смыслов — пространственно-временном или абстрактном. Но тогда все наши высказывания, содержащие модальности, оказываются в странной ситуации — у них нет референтов.

Как можно заметить, проблема интеграции во многом схожа с аргументацией П. Бенацерафа против теоретико-множественного редукционистского реализма, представленной в первой части статьи. Модальный структурализм напрямую не отвечал на эту аргументацию П. Бенацерафа, однако одним из его явных преимуществ был уход от теоретико-множественного редукционистского реализма. Таким образом, «проблема П. Бенацерафа» в

модальном структурализме из-за самого структурализма не возникает. Но она возникает в нем из-за модальностей, которые были взяты из области модальной метафизики и модальной эпистемологии.

В общем виде спектр затруднений, вызванных использованием модальностей, был представлен в конце предыдущего раздела. Более формально его можно выразить так: за счет чего выражение «необходимо, что $2 + 2 = 4$ » является истинным? Принятие необходимости как примитива снимает привязку этого утверждения к множествам, т.е. это утверждение не фундировано какими-то абстрактными сущностями. Но тогда почему оно истинно? Поскольку в нем используется модальность, значит оно подразумевает какие-то модальные свойства, но чьи это свойства? И мы вновь возвращаемся к ответу, что это модальные свойства некоторых возможных структур с непроясненным метафизическим статусом. Поэтому данную проблему модального структурализма можно отнести к группе внешних проблем.

Раз эта проблема является внешней для модального структурализма, то и решение для нее стоит искать внешнее. В области исследований модальностей существуют разные подходы к решению проблемы интеграции, но большинство из них принимать вместе с модальным структурализмом нельзя. Дело в том, что модальности в нем являются примитивами, что представляется достаточно радикальной позицией. По этой причине в рамках исследований модальностей имеет смысл обратиться к радикальным концепциям, одной из которых является модальный нормативизм [Thomasson A.L., 2021].

Согласно модальному нормативизму, высказывания с модальностями не нужно понимать как высказывания о каких-либо объектах или фактах, обладающих модальными свойствами. Ранее уже была отмечена возможность такого подхода — отказа от модальной метафизической нагруженности. Но тогда возникает вопрос: почему высказывания с модальностями в принципе имеют какое-то значение? Подход Э. Томассон состоит в том, что высказывания с модальностями в действительности отсылают к правилам нашего языка, а не к модальным свойствам объектов и фактов [Thomasson A.L., 2021]. Высказывание «возможно, что существуют инопланетяне» не является утверждением о другой параллельной реальности, где дей-

ствительно существуют такие объекты. Оно отсылает к значению слова «инопланетянин», которое предполагает, что это живое существо, живущее не на Земле. Это значение не входит в противоречие с имеющимися у нас знаниями (у нас нет доказательств, что жизнь существует только на Земле), поэтому мы считаем это утверждение истинным.

Если применить такой подход к математическим утверждениям, то получится следующее: «необходимо, что $2 + 2 = 4$ » оказывается истинным совсем не потому, что это утверждение схватывает некоторые структурные и модальные свойства, а потому что оно отсылает к определенным семантическим правилам нашего языка, в данном случае языка математики. Такой подход Э. Томассон действительно выглядит удачным для решения проблемы интеграции.

Остается вопрос о совместимости модального структурализма и модального нормативизма. Он не представляется до конца решенным и требует дальнейшего исследования. О наличии такой совместимости свидетельствует то, что подход интерпретации модальностей как примитивов в принципе схож с идеей о том, что модальные высказывания не выражают никаких «реальных» свойств объектов и фактов. Однако модальный нормативизм все же говорит о модальностях больше, чем модальный структурализм, который предпочитает не говорить о них вовсе. Само по себе это не является неразрешимым противоречием, тем не менее необходимо проследить, не возникнут ли нежелательные последствия для модального структурализма от принятия интерпретации модальных высказываний как высказываний о правилах языка.

2.2. Может ли модальный нормативизм помочь в решении внутренних проблем модального структурализма?

Теперь хотелось бы обратить внимание на то, что принятие модального нормативизма полезно и для решения некоторых внутренних проблем модального структурализма.

Проблема метафизической туманности структур, возникающая в контексте метафизического фундаментального вопроса философии математики, в принципе решается модальным нормативизмом, потому что, как было указано выше, утверждения математики оказываются

утверждениями не о возможных структурах как о сущностях, а о правилах построения утверждений о чем-то возможном в соответствии со значением используемых в утверждении понятий. Иными словами, происходит уход от фундирования утверждений математики даже возможными сущностями. Данное решение уже приводилось, но еще раз отмечено здесь, потому что это проблема не только модального структурализма. Вопрос о том, какой метафизический статус имеют структуры возникает и в других версиях структурализма.

Проблема эпистемического доступа к структурам, возникающая в контексте эпистемологического фундаментального вопроса философии математики, также тривиальным образом решается при принятии модального нормативизма. Модальные утверждения о возможных структурах в действительности являются не утверждениями о модальных свойствах этих структур, а утверждениями о правилах математического языка, следовательно, вопрос об истинности утверждений математики оказывается семантическим вопросом.

В качестве еще одного примера можно рассмотреть проблему зависимости математических «объектов» (в структуралистском смысле) от структур [Linnebo Ø, 2008]. Проблема формулируется следующим образом: согласно структурализму, основное свойство всякого постулируемого математикой «объекта» — его позиция в структуре. Например, конкретные натуральные числа зависят от структуры натуральных чисел, где они находятся в определенной позиции. Возникает ряд вопросов: какова природа этой зависимости, чем она обусловлена и почему не может быть изменена? Данная проблема не оказывает сильного влияния на сам модальный структурализм благодаря принятию тезиса о том, что математика изучает возможные структуры, а значит, природа этой зависимости является модальной. Модальный нормативизм может дополнить этот тезис. Природа зависимости математических «объектов» в структуралистском смысле от структур является сугубо языковой: конкретные позиции в структуре зависят от структуры так же, как составные части сложного предложения зависят от семантических значений. Если всякое утверждение математики понимать таким обра-

зом, то «2» и «4» в рамках утверждения « $2 + 2 = 4$ » зависят от структуры из-за своих определений и общих семантических правил, принятых в данном языке.

В завершении можно сделать несколько выводов о совмещении модального структуриализма и модального нормативизма:

1) принятие модального нормативизма позволит решить проблему интеграции в рамках модального структуриализма или хотя бы ту часть этой проблемы, которая возникает из-за использования модальностей;

2) интерпретация модальностей в духе модального нормативизма снимает ряд проблем, специфичных для структуриализма в философии математики;

3) преградой на пути совмещения модального нормативизма с модальным структуриализмом является необходимость полноценного обоснования совместимости этих двух позиций. Отсутствие видимых противоречий не означает, что они не могут стать следствиями развития такой концепции. Например, проблемой может стать теоретико-множественное представление семантики в рамках модального нормативизма, и тогда вновь возникнет потенциальный круг в объяснении, как в случае с возможными мирами.

Список литературы

- Ламберов Л.Д. Бенацераф и теоретико-множественный редукционистский реализм // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58, № 1. С. 142–160. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps202158115>
- Ламберов Л.Д. Математический структуриализм с точки зрения (модальной) теории множеств // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 65. С. 28–36. DOI: <http://doi.org/10.17223/1998863X/65/3>
- Целищев В.В. Философия математики. Новосибирск: Наука, 2002. 212 с.
- Benacerraf P. What Numbers Could not Be // *The Philosophical Review*. 1965. Vol. 74, no. 1. P. 47–73. DOI: <https://doi.org/10.2307/2183530>
- Benacerraf P. Mathematical Truth // *The Journal of Philosophy*. 1973. Vol. 70, iss. 19. P. 661–679. DOI: <https://doi.org/10.2307/2025075>
- Field H. *Science Without Numbers: The Defence of Nominalism*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1980. 144 p.

Hellman G. *Mathematics Without Numbers: Towards a Modal-Structural Interpretation*. N.Y.: Clarendon Press, 1989. 168 p.

Hellman G. Structuralism // *The Oxford Handbook of Philosophy of Mathematics and Logic* / ed. by S. Shapiro. N.Y.: Oxford University Press, 2005. P. 536–562. DOI: <https://doi.org/10.1093/0195148770.003.0017>

Hellman G. Structuralism Without Structures // *Philosophia Mathematica*. 1996. Vol. 4, iss. 2. P. 100–123. DOI: <https://doi.org/10.1093/philmat/4.2.100>

Linnebo Ø. Structuralism and the Notion of Dependence // *The Philosophical Quarterly*. 2008. Vol. 58, iss. 230. P. 59–79. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9213.2007.529.x>

Linnebo Ø. *Thin Objects: An Abstractionist Account*. N.Y.: Oxford University Press, 2018. 288 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780199641314.001.0001>

Lucas J.R. *The Conceptual Roots of Mathematics*. London, UK: Routledge, 2000. 470 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203028421>

Peacocke C. *Being Known*. N.Y.: Oxford University Press, 1999. 368 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/0198238606.001.0001>

Putnam H. Mathematics without Foundations // *The Journal of Philosophy*. 1967. Vol. 64, iss. 1. P. 5–22. DOI: <https://doi.org/10.2307/2024603>

Shapiro S. *Philosophy of Mathematics: Structure and Ontology*. N.Y.: Oxford University Press, 1997. 296 p.

Thomasson A.L. How Can We Come to Know Metaphysical Modal Truths? // *Synthese*. 2021. Vol. 198. P. 2077–2106. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11229-018-1841-5>

Получена: 01.08.2022. Принята к публикации: 18.08.2022

References

- Benacerraf, P. (1965). What numbers could not be. *The Philosophical Review*. Vol. 74, no. 1, pp. 47–73. DOI: <https://doi.org/10.2307/2183530>
- Benacerraf, P. (1973). Mathematical truth. *The Journal of Philosophy*. Vol. 70, iss. 19, pp. 661–679. DOI: <https://doi.org/10.2307/2025075>
- Field, H. (1980). *Science Without Numbers: The Defence of Nominalism*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 144 p.
- Hellman, G. (1989). *Mathematics without numbers: Towards a modal-structural interpretation*. New York: Clarendon Press, 168 p.

Hellman, G. (1996). Structuralism without structures. *Philosophia Mathematica*. Vol. 4, no. 2, pp. 100–123. DOI: <https://doi.org/10.1093/philmat/4.2.100>

Hellman, G. (2005). Structuralism. S. Shapiro (ed.) *The Oxford handbook of philosophy of mathematics and logic*. New York: Oxford University Press, pp. 536–562. DOI: <https://doi.org/10.1093/0195148770.003.0017>

Lamberov, L.D. (2021). [Benacerraf and set-theoretic reductionist realism]. *Epistemologiya i filozofiya nauki*. Vol. 58, no. 1, pp. 142–160. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps202158115>

Lamberov, L.D. (2022). [Mathematical structuralism from the standpoint of (modal) set theory]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science]. No. 65, pp. 28–36. DOI: <http://doi.org/10.17223/1998863X/65/3>

Linnebo, Ø. (2008). Structuralism and the notion of dependence. *The Philosophical Quarterly*. Vol. 58, iss. 230, pp. 59–79. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9213.2007.529.x>

Linnebo, Ø. (2018). *Thin objects: An abstractionist account*. New York: Oxford University Press, 288 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780199641314.001.0001>

Lucas, J.R. (2000). *The conceptual roots of mathematics*. London, UK: Routledge Publ., 470 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203028421>

Peacocke, C. (1999). *Being known*. New York: Oxford University Press, 368 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/0198238606.001.0001>

Putnam, H. (1967). Mathematics without foundations. *The Journal of Philosophy*. Vol. 64, iss. 1, pp. 5–22. DOI: <https://doi.org/10.2307/2024603>

Shapiro, S. (1997). *Philosophy of mathematics: Structure and ontology*. New York: Oxford University Press, 296 p.

Thomasson, A.L. (2021). How can we come to know metaphysical modal truths? *Synthese*. Vol. 198, pp. 2077–2106. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11229-018-1841-5>

Tselischev, V.V. (2002). *Filosofiya matematiki* [Philosophy of mathematics]. Novosibirsk: Nauka Publ., 212 p.

Received: 01.08.2022. Accepted: 18.08.2022

Об авторе

Гущин Илья Андреевич

ассистент кафедры онтологии и теории познания,
Уральский гуманитарный институт

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
620002, Екатеринбург, пр. Ленина, 51;
e-mail: gushchin.ilya.66@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0816-4467>
ResearcherID: ABG-9582-2021

About the author

Ilya A. Gushchin

Assistant Lecturer of the Department
of Ontology and Theory of Knowledge,
Ural Institute of Humanities

Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin,
51, Lenin av., Ekaterinburg, 620002, Russia;
e-mail: gushchin.ilya.66@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0816-4467>
ResearcherID: ABG-9582-2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Гущин И.А. Модальный структурализм и проблема интеграции // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 3. С. 380–388. DOI: [10.17072/2078-7898/2022-3-380-388](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-3-380-388)

For citation:

Gushchin I.A. [Modal structuralism and the problem of integration]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 3, pp. 380–388 (in Russian). DOI: [10.17072/2078-7898/2022-3-380-388](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-3-380-388)

УДК 1:51

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-3-389-398

ТРИ ОТСУТСТВУЮЩИХ ФАКТА МАТЕМАТИЧЕСКОГО СТРУКТУРАЛИЗМА

Ламберов Лев Дмитриевич

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

Математический структурализм М. Резника является вариантом ответа на поставленные П. Бенацерафом затруднения для всякой адекватной философии математики. Кратко излагается эпистемологическая часть концепции и показывается, каким образом, согласно М. Резнику, происходит познание математических объектов на основе абстрагирования от данных восприятия. Также рассматривается онтологическая часть, в соответствии с которой в качестве критерия существования берется непротиворечивость. Для понимания позиций М. Резника использует метафору геометрической точки. Так, позиции не могут сравниваться друг с другом, если они принадлежат разным структурам, подобно тому, как точки не могут быть индивидуированы, если они не принадлежат одной и той же плоскости. Математические структуры могут находиться в отношениях конгруэнтности, встречаемости (включенности), эквивалентности, но среди этих отношений нет отношения тождества, т.к. позиции структур не обязательно совпадают. Кроме того, сравнивается концепция структурной относительности М. Резника с онтологической относительностью У.В.О. Куайна. Из концепции структурной относительности естественным образом вытекает то, что может быть названо доктриной трех типов отсутствующих фактов. Каждый тип отсутствующих фактов поясняется отдельно, затем демонстрируется, что некоторые интерпретации проблемы отождествления П. Бенацерафа являются некорректными.

Ключевые слова: математический структурализм, математический объект, структура, тождество, онтологическая относительность.

THREE ABSENT FACTS OF MATHEMATICAL STRUCTURALISM

Lev D. Lamberov

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg)

The mathematical structuralism of M. Resnik is a possible solution to the problems posed by P. Benacerraf for any adequate philosophy of mathematics. In the paper, the epistemological part of the concept is briefly outlined, and it is shown how, according to M. Resnik, we can obtain the knowledge of mathematical objects by disregarding the perceptual data. The ontological part, according to which consistency is taken as a criterion of existence, is also considered. To understand positions, M. Resnik uses the metaphor of a geometrical point. Thus, positions cannot be compared with one another in case they belong to different structures just as points cannot be individuated in case they do not belong to the same plane. Mathematical structures can be in relations of congruence, occurrence, and definitional equivalence, but there is no identity relation for them since the positions of the structures do not necessarily coincide. In addition, the paper compares M. Resnik's conception of structural relativity with W.V.O. Quine's ontological relativity. From the conception of structural relativity naturally follows what can be called the doctrine of three types of absent facts. Each type of absent facts is explained separately, then it is demonstrated that some interpretations of P. Benacerraf's identification problem are incorrect.

Keywords: mathematical structuralism, mathematical object, structure, identity, ontological relativity.

Математический структурализм, рассматриваемый в настоящей статье, является одной из нескольких разнородных структуралистских концепций, так или иначе распространенных в философии и ряде конкретных научных дисциплин. Отношения между ними вряд ли могут быть интересны для исследователя истории идей, поскольку эти отношения в целом просто не имеют места. Настоящая статья никаким образом не касается ни структурализма в математике XVIII–XIX вв., ни французского структурализма в философии XX в., ни структурализма в философии науки; статья посвящена структуралистской интерпретации математики в рамках аналитической философии математики, которая развивается со второй половины XX в. по настоящее время. Если более конкретно определить тематику данной статьи, то в ней рассматриваются структурализм М. Резника, вопросы онтологической относительности и некоторые следствия, естественным образом вытекающие из указанной философской точки зрения на сущность и предмет математики. Основная цель статьи — показать, каким образом М. Резник решает затруднения, сформулированные П. Бенаццерафом, и как из его концепции следует то, что три разных типа фактов не могут иметь места.

I

Позиция М. Резника представляет собой разновидность структуралистской интерпретации математики. Это *философская* позиция, которая являет собой попытку ответить на *философские* вопросы касательно математики. Свою структуралистскую интерпретацию М. Резник начал развивать с середины 1970-х гг. [Resnik M., 1975] в качестве попытки разрешить затруднения для всякой адекватной философии математики, представленные П. Бенаццерафом в статьях «Чем не могут быть числа» [Benacerraf P., 1965] и «Математическая истина» [Benacerraf P., 1973].

Первое затруднение обычно называется проблемой отождествления¹ и представляет со-

бой аргумент, согласно которому натуральные числа не могут быть множествами [Ламберов Л.Д., 2021] и, более того, никакие математические объекты вообще не являются объектами. По мнению П. Бенаццерафа, корректнее говорить о местах, которые *произвольные* объекты занимают в структурах. Правда, с точки зрения П. Бенаццерафа, никаких структур самих по себе нет, а разговор о структурах просто является удобным способом разговора об изоморфных наборах объектов. Например, последовательность числительных какого-либо естественного языка и последовательность нумералов некоторой формализованной арифметики обладают одинаковой структурой, а потому, можно сказать, описывают структуру *любой* ω-последовательности. Кроме того, представленное П. Бенаццерафом затруднение можно понимать как разновидность проблемы неопределенности или неполноты (математических) объектов. Например, одна и та же структура может быть «реализована» различными способами с помощью множеств. Так, натуральные числа можно представить и как нумералы Цермело, и как конечные ординалы фон Неймана, и вообще бесконечным количеством разных вариантов. При этом разные варианты будут совместимы друг с другом «арифметически» (т.е. для них будут истинны одни и те же арифметические утверждения), но не будут совместимы в теоретико-множественном отношении (для них будут истинны разные теоретико-множественные утверждения, причем найдутся и такие, которые для одного варианта будут истинны, а для другого — ложны). Другими словами, позиция в одной «реализации» некоторой структуры, сохраняя определенный набор отношений, в другой «реализации» приобретает новые структурные свойства (участвует в новых отношениях). Так, число 2 в виде нумерала Цермело представляется как $\{\{\{\}\}\}$, а в виде конечного ординала фон Неймана — как $\{\{\}, \{\{\}\}\}$. Оба представления «реализуют» в контексте соответствующих определений «роль»

¹ Проблема формулируется в виде истории о мальчиках Эрни и Джонни, которых их родители сначала обучают теории множеств, а потом показывают, как с помощью теоретико-множественных понятий можно выразить числа. Родители Эрни научили его, что числа задаются как

конечные ординалы фон Неймана, а родители Джонни сказали последнему, что числа определяются как нумералы Цермело. Хотя в целом Эрни и Джонни могут договориться друг с другом, существуют некоторые утверждения о числах как множествах, которые для них имеют *разные* истинностные значения.

(позицию) числа 2 в кумулятивной иерархии множеств, однако одновременно с этим участвуют в иногда совершенно разных теоретико-множественных отношениях (например, $\{\{\{\}\}\}$ является подмножеством $\{\{\}, \{\{\}\}\}$, но не наоборот), которые, конечно же, к арифметике никакого отношения не имеют. В этом смысле описания «одних и тех же»² математических объектов разными математическими теориями оказываются неполными.

Второе затруднение представлено П. Бенаццерафом в виде дилеммы, согласно которой мы можем иметь либо адекватную эпистемологию для математики, либо объяснение (семантику) математического языка, совместимое со стандартной семантикой А. Тарского. Если верен математический реализм и если математические объекты (допустим, таковые имеются) являются абстрактными, то каким образом мы можем получать к ним когнитивный доступ при условии, что абстрактные объекты не располагаются в пространстве-времени и не участвуют в причинно-следственных отношениях? При этом абстрактные объекты вполне являются значениями констант и переменных, как того требует теория истины А. Тарского, а истинностные значения математических предложений оказываются независимыми от пользователей математического языка и определяются экстралингвистическими факторами (как в случае, например, и физических объектов). То есть если мы желаем задать семантику математического языка подобно стандартной семантике других областей знания, то нам придется решать «трудную проблему» построения адекватной эпистемологии математики (без постулирования разного рода мистических прозрений и интуиции). Если же мы начнем наше исследование или философскую реконструкцию математики с ответа на эпистемологические вопросы (например, скажем, что путем к познанию математических объектов является доказательство или построение), то будем вынуждены отказаться от стандартной семантики для языка математики, т.к. наше решение эпистемологических вопросов уже не будет совместимо, например, с идеей о том, что сингуляр-

ные термы обозначают какие-то не зависящие от нас экстралингвистические объекты. В этом случае мы будем вынуждены строить, например, верификационистскую или теоретико-доказательную семантику для математического языка, что, скорее всего, приведет к такой ситуации, когда языки для разных областей знания не будут иметь единообразного семантического объяснения.

В этом состоят два затруднения, представленные П. Бенаццерафом, на которые, как указано выше, должна ответить любая адекватная философия математики. Теперь перейдем к обсуждению того, каким образом эти затруднения разрешаются в рамках структуралистской концепции М. Резника.

II

Наиболее полно собственная разновидность математического структурализма формулируется М. Резником в книге «Математика как наука о паттернах» [Resnik M., 1997]. По его изначальному замыслу эта концепция должна быть платонистской в том отношении, что математика понимается как «наука об абстрактных сущностях, то есть, нематериальных и нементальных вещах, которые не существуют в пространстве и времени» [Resnik M., 1981, p. 529]. Последнее гарантирует, что «логические формы математических высказываний понимаются буквально, а их семантика представляет собой стандартную референциальную семантику, например, в духе Тарского» [Resnik M., 1981, p. 529]. Хотя изначальное концепция М. Резника является платонистской, в более поздних работах он характеризует ее уже не как онтологическую концепцию, а как эпистемологическую [Resnik M., 1997] и даже как методологическую (понимая ее как синоним для термина «неонтологическая концепция») [Resnik M., 2019]. Этот переход от платонизма к своего рода умолчанию онтологической позиции связан с концепцией онтологической (и структурной) относительности, что будет рассмотрено ниже.

Как видим, к дилемме П. Бенаццерафа концепция математического структурализма М. Резника подходит со стороны семантики. Таким образом, перед ней стоит нетривиальная задача построения эпистемологии математики.

² Что означает «одних и тех же», нам еще предстоит выяснить, однако мы лишь попытаемся это сделать.

Эпистемология выстраивается им в спекулятивном ключе, хотя, как он заявляет, это может получить поддержку от эмпирических исследований, например школы Ж. Пиаже [Resnik M., 1982, p. 97]. С его точки зрения, познание математических структур³ основывается на чувственном восприятии и абстрагировании и предполагает несколько стадий. Во-первых, это восприятие вещей как чего-то подпадающего под некоторые паттерны. На этой стадии различаются отдельные вещи, их формы и наборы. Во-вторых, это выявление структурных отношений эквивалентности в данных восприятия. На этой стадии обнаруживаются сходства между различными вещами, их формами или наборами вещей, а для различных отношений сходства и различия (эквивалентности) формулируются отдельные предикаты. В-третьих, к сформулированным предикатам добавляются «имена для форм, типов и других паттернов» [Resnik M., 1982, p. 98]. То есть происходит переход от отношений эквивалентности к классам эквивалентности, где классы (подобно множествам) уже считаются отдельными сущностями. Кроме того, такие классы эквивалентности уже предполагают описание отношений между их элементами и позиции, составляющие некоторую структуру, начинают «жить самостоятельной жизнью». Таким образом, эпистемология математики, предлагаемая М. Резником, развивается от чувственных восприятий путем выявления сходств и различий в воспринимаемых предметах и их наборах, а затем последовательного абстрагирования. Такого общего и даже крайне огрубленного представления о предлагаемой эпистемологии будет вполне достаточно для дальнейшего обсуждения, т.к. цель настоящей статьи состоит в обсуждении других моментов.

Онтологическая же часть концепции М. Резника заключается в том, что «математические объекты представляют собой позиции в паттернах» [Resnik M., 1988, p. 413]. Может показаться, что в таком случае должна существовать некоторая теория структур, описывающая

структуру, в которой все математические объекты представляют собой позиции, либо структуру, в которой все (математические) структуры являются такими математическими объектами и занимают соответствующие позиции. Тем не менее такая точка зрения идет в разрез с основной задумкой М. Резника, т.к. свою позицию он определяет именно как *философскую*, а математике он дает структурную интерпретацию. Философия сама по себе не является наукой о структурах, поэтому философская интерпретация математики не описывает какую-то сверхструктуру, включающую в себя все математические структуры в том или ином виде. Однако, возможно, все теории описывают некие структуры, а потому неосторожная попытка построить теорию структур может с легкостью привести к противоречиям.

По мнению М. Резника, «структуры существуют независимо от людей и человеческого языка» [Resnik M., 1988, p. 414]. В качестве критерия существования здесь берется непротиворечивость в духе Д. Гильберта, которая предполагает, что для существования объектов, описываемых некоторой математической теорией, достаточно, чтобы эта теория была непротиворечива. Не важно, что окружающее нас пространство не является евклидовым, а потому не содержит в себе параллельных прямых, евклидовых треугольников и других объектов евклидовой геометрии. В силу того что геометрия Евклида является непротиворечивой теорией, описываемые ею пространство и объекты, расположенные в нем, признаются существующими в соответствии с указанным критерием существования.

Конкретные математические объекты (например, число 42, или множество всех подмножеств натуральных чисел, или прямая, лежащая на плоскости) являются позициями в соответствующих структурах и не обладают какими-либо сверхструктурными свойствами. Кажется бы, различные математические объекты могут в одних случаях являться позициями в структуре, а в других — структурами. Например, хотя пространство обычно является структурой, позициями которой будут точки, в рамках теории категорий векторные пространства понимаются как объекты категории векторных пространств. Не получается ли при этом, что

³ Термины «структура» и «паттерн» используются М. Резником как синонимы, хотя он полагает, что термин «паттерн» является более иллюстративным [Resnik M., 1996, p. 84].

один и тот же математический объект может быть то структурой, то позицией структуры? Ответ на этот вопрос может дать более строгое разграничение структуры и позиции в структуре [Resnik M., 1994]. Так, структура описывается теорией, индивидуальные переменные которой «пробегают» по позициям структуры, но не могут получить в качестве значения саму структуру. Соответственно, позиция структуры — это (возможное) значение переменной некоторой теории. Значениями переменных теории чисел являются числа, поэтому они представляют собой позиции в соответствующей структуре. Однако возможна ситуация, когда, например, натуральные числа представляются в виде множеств, и тогда можно взять множество натуральных чисел, функцию взятия следующего числа и представить всю последовательность натуральных чисел в виде упорядоченного множества. Такое множество, безусловно, будет являться объектом теории множеств, а потому — позицией в кумулятивной иерархии. Более того, это множество каким-то образом структурировано и его элементы, сами будучи множествами, также являются позициями теории множеств. Такие структурированные позиции остаются полноправными объектами теории (в данном случае — теории множеств), а значит и значениями для соответствующих переменных. Такая ситуация говорит о возможности сведения одной математической теории к другой. Если же сформулировать отдельную теорию для каждого натурального числа, представив таким образом каждое число как структуру, а затем сформулировать теорию чисел как теорию теорий таких структурированных натуральных чисел (ее можно назвать «надтеорией»), то получившаяся теория не будет теорией последовательности структур, т.к. структурированные натуральные числа в рамках этой надтеории будут значениями соответствующих переменных, а потому будут являться структурированными позициями, а не самостоятельными структурами или подструктурами более обширной структуры⁴.

Кратко рассмотрим, как М. Резник описывает структуру (паттерны) и отношения между ними. В рамках его концепции структура состоит из одного или нескольких объектов, называемых позициями. Для позиций не важны их внутренние свойства⁵, только отношения с другими (или теми же самими, если отношение рефлексивно) позициями. Позиции М. Резник предлагает понимать через геометрическую метафору точки. Различные структуры могут находиться в следующих отношениях: (1) конгруэнтность (структурный изоморфизм) — это отношение эквивалентности как между абстрактными структурами, так и между конкретными наборами вещей (конкретный набор вещей может реализовывать абстрактную структуру, тогда конкретные вещи «занимают позиции» в структуре); (2) встречаемость (или включение) — «рефлексивное и транзитивное отношение, имеющее место между структурами P и Q , когда P изоморфно структуре R , чьи позиции являются позициями Q и чьи отношения определимы в Q » [Resnik M., 1997, p. 205; Резник М., 2010, с. 223]; частным случаем отношения встречаемости является отношение подпаттерности (структура встречается в другой структуре, и всякая позиция первой является позицией второй); (3) дефинитивная эквивалентность — отношение, при котором две эквивалентные структуры воплощают более крупную структуру, из которой они могут быть получены путем удаления некоторых отношений. Однако для структур, по мнению М. Резника, нет подходящего отношения тождества, т.к. «тождественные паттерны содержат одни и те же позиции, тогда как эквивалентные, взаимно включающие и[ли] конгруэнтные паттерны не обязательно [содержат одни и те же позиции]» [Resnik M., 1997, p. 209].

Соответственно, проблема отождествления, поставленная П. Бенацерафом (на примере представления натуральных чисел в виде множеств), решается в концепции М. Резника следующим образом. Следует признать, что структура арифметики натуральных чисел (в любом ее виде, например заданная через ноль и следующее число) встречается в структуре куму-

⁴ Аналогичную ситуацию М. Резник рассматривает с точки зрения теории категорий, а также при сравнении своих идей с идеями П. Зиффа [Resnik M., 1994, pp. 60–61].

⁵ Хотя в более широком смысле структуры (особенно вне математики) могут содержать позиции с «монадическими» отношениями (цвет, тон и др.) [Resnik M., 1997, p. 203].

лятивной иерархии множеств большое количество раз и «реализуется» разными наборами множеств. Например, она может встречаться в виде нумералов Цермело, где ноль определен как пустое множество, а следующее число — как синглетон («текущего» числа, для которого задается следующее); в виде конечных ординалов фон Неймана, где ноль также определен как пустое множество, а следующее число — как объединение («текущего») числа с его же синглетоном. Позиции в такой подструктуре (на деле — усечении) структуры множеств, являющейся «реализацией» структуры натуральных чисел, могут занимать разные множества, разные объекты. Однако говорить о том, что число 2 является множеством $\{\{\{\}\}\}$ или же множеством $\{\{\}, \{\{\}\}\}$ некорректно. Указанные множества могут занимать позицию 2 в структуре натуральных чисел, могут «играть роль» числа 2, но они не являются числом 2. Никакой объект не является позицией в структуре, но может лишь занимать позицию в структуре. Другими словами, ошибочно утверждать какое-либо из двух равенств: $2 = \{\{\}, \{\{\}\}\}$ или $2 = \{\{\{\}\}\}$. Число 2 в структуре натуральных чисел является не множеством, а позицией. Какие-либо (сверхарифметические) отношения (например, отношение *быть подмножеством*) объектов, занимающих в той или иной ситуации позицию числа 2, не являются отношениями структуры натуральных чисел. Таким образом, мы подходим к концепции структурной относительности, которая развивается аналогично концепции онтологической относительности У.В.О. Куайна, но еще больше радикализирует последнюю.

III

С точки зрения У.В.О. Куайна, имеются лишь две возможные точки зрения: точка зрения описания того, как строится теория, и точка зрения самой теории. Однако это не означает, что какая-то из них (либо какая-то третья) является привилегированной в онтологическом смысле. Постулирование каких-то объектов как реально существующих выполняется с точки зрения теории, но невозможно противопоставить теорию и нечто внетеоретическое, некоторый факт например. По У.В.О. Куайну, не может быть нейтральной точки зрения чистого исследования. Всякое исследование осуществ-

ляется изнутри некоторой принимаемой теории, онтология которой в этом случае является собой *фоновую онтологию*. Теории создаются людьми, но это не вступает в противоречие с тем, что объекты этих теорий реальны. Безусловно, можно исследовать вопрос построения теории, что, в свою очередь, предполагает выбор точки зрения, принимающей выстраиваемую теорию как нечто данное, как нечто описывающее реальность. Если основной задачей онтологии является ответ на вопрос «Что есть?» и этот ответ дается в рамках конкретных научных дисциплин, то никакой специально философской точки зрения, которая могла бы поставить под сомнение постулированные нашими наилучшими научными теориями объекты, нет. Исследование знания происходит изнутри принимаемой теории и предполагает реальность объектов этой теории. Другими словами⁶, эпистемология предполагает онтологию и само объяснение того, каким образом мы выстраиваем теорию, описывающую мир, является частью этой самой теории. В решении эпистемологических вопросов мы вынуждены опираться на нашу теорию о мире, а наше объяснение того, почему мы обладаем именно такой теорией, является эпистемологическим вопросом.

Онтология, предполагаемая теорией, относительна, а «сказать, о каких объектах некто ведет речь, означает сказать не более того, как мы предлагаем переводить его термины в наши; мы свободны изменять наш выбор опосредующей функции... для теории структура важна, а не выбор объектов» [Quine W.V.O., 1981, p. 20]. При этом такой «глобальный» структурализм У.В.О. Куайна является переформулировкой его концепции онтологической относительности, а вовсе не относится к онтологии как какому-то философскому исследованию. Итак, задать опосредующую функцию (прокси-функцию), которая переводит онтологию некоторой теории в другой домен, сохраняя при этом общую структуру, значит дать перевод или интерпретацию теории с помощью нового домена. Например, термин «кролик»

⁶ Ср. с описанием того, как эпистемология «содержит» естественные науки и сама «содержится» в естественных науках в [Quine W.V.O., 1969, p. 83].

может быть переведен в «манифестируемая кроликовость», «неотделимые части кролика», «мереологическое дополнение кролика» и т.д. Такой перевод, если он сохраняет структуру теории, не меняет истинностных значений ее предложений. Допустим, у нас имеется теория множеств и теория натуральных чисел. Мы можем определить опосредующую функцию, выполняющую перевод теории натуральных чисел в теорию множеств некоторым образом (например, используя для натуральных чисел конечные ординалы фон Неймана). В этом случае о теории множеств говорится как о теории, задающей *фоновую онтологию*. При этом для У.В.О. Куайна как сторонника классической логики важным является сохранение закона исключенного третьего⁷, что означает следующее: для любого натурального числа то, что это число тождественно некоторому множеству, должно быть либо истинно, либо ложно. Однако такое сведение, сохраняя структуру теории, не сохраняет объекты, а элиминирует их в пользу объектов фоновой онтологии. Последнее означает, что никаких натуральных чисел в нашем случае вовсе нет, а есть только множества, т.к. натуральные числа сводимы к строго определенным множествам, которые мы получаем в качестве значений опосредующей функции, примененной к натуральным числам при переводе одной теории в другую.

Структурная относительность в концепции М. Резника проявляется в выборе инструментов для суждения о некоторой структуре, в первую очередь это касается *фоновой теории*. Так, структуры натуральных чисел с точки зрения первопорядковой логики, с точки зрения второпорядковой логики и с точки зрения теории множеств различаются в плане определенности. К примеру, в структуре первопорядковой арифметики позициями будут числа, а во второпорядковой арифметике уже имеется возможность утверждать, что существуют не только числа, но и (благодаря кодированию и функции взятия следующего числа) сама последовательность чисел. Если же мы обратимся к теоретико-множественному описанию структуры

натуральных чисел, то обнаружим, что числа определяются уже не как позиции, а как структурированные позиции, да и роль числовой последовательности может играть уже не только упорядоченное множество из множества натуральных чисел и функции взятия следующего числа, но и упорядоченное множество, в котором эти два элемента поменяны местами. Очевидно, требуется соответствующая переформулировка теории, чтобы такой подход работал, однако два указанных упорядоченных множества все равно будут *разными* объектами. Соответствующим образом для разных пониманий той или иной структуры (на основе первопорядковой логики, второпорядковой логики или теории множеств) будут по-разному формулироваться отношения между структурами, и даже понятие изоморфизма оказывается относительным, если у нас, например, недостаточно выразительных средств для описания каких-то особенностей. Другими словами, использование формальных языков *более высоких* порядков дает *более подробное и точное* описание различных структур⁸.

Однако хотелось бы подчеркнуть другую особенность структурной относительности в концепции М. Резника, которая может быть названа доктриной отсутствующих фактов трех типов. В рамках структурной интерпретации математического знания позиция с необходимостью является позицией некоторой структуры. Используя визуальную метафору, М. Резник предлагает понимать позиции как точки. Точка сама по себе не отличима от любой другой точки; точка не может быть каким-то образом индивидуирована, если она не расположена на некоторой плоскости; о тождестве и различии точек имеет смысл говорить только в том случае, если они принадлежат одной и той же плоскости. Точно так же позиция не может быть отличима от другой позиции, если они не принадлежат одной и той же структуре или «реализации» этой структуры. Другими словами, не могут существовать факты о тождестве и различии позиций в тех или иных структурах за исключением ситуации, когда

⁷ Ср. с рассуждениями М. Резника по поводу структурализма и закона исключенного третьего у У.В.О. Куайна в [Resnik M., 2019, p. 307–308].

⁸ Ср. с рассуждениями о структурной относительности у М. Резника в [Resnik M., 1996; 1997, pp. 250–254].

учитывается сама эта структура, к которой относятся рассматриваемые позиции. Это первый тип отсутствующих фактов. Соответственно, не могут существовать факты о правильной сводимости математических теорий. Например, не могут существовать факты о том, какое представление натуральных чисел как множеств является правильным. Это второй тип отсутствующих фактов. Кроме того, не могут существовать факты о том, указывают или нет термины (константы и даже предикаты) некоторой математической теории на позиции (или их группы с отношениями) в разных включениях структуры, даже если речь идет о конгруэнтных структурах. Следовательно, если не могут существовать факты о том, что числа являются множествами, то не могут существовать и факты о том, что термин «число» указывает на множество или конкретные нумералы указывают на какие-то конкретные множества. Это третий тип отсутствующих фактов. Если же акцент при рассмотрении структурной интерпретации математики переносится с объектов на теории, как это делается в более поздних работах М. Резника [Resnik M., 2019], то второй тип фактов (например, фактов о том, какое представление натуральных чисел как множеств является правильным) заменяется на соответствующий тип фактов о том, какая интерпретация одной теории в другой теории является правильной (в нашем случае — какой перевод теории натуральных чисел в теорию множеств является правильным). И факты такого типа тоже не имеют места.

В заключение хотелось бы указать на то, что спор⁹ Эрни и Джонни из формулировки проблемы отождествления П. Бенацерафа не может быть разрешен в силу того, что оба спорщика ошибаются, а не потому, что ими для указания на числа используются неперебиваемые каузальные цепи с точки зрения каузальной теории референции С. Крипке [Хлебалин А.В., 2008]. Связано это обстоятельство именно с тем, что теория натуральных чисел описывает определенную структуру, которая многократно встречается (включается) в структуре, описываемой теорией множеств. Выбор одной или

другой «реализации» натуральных чисел как множеств не зависит от правильности выбираемой «реализации», поскольку утверждения тождества для позиций структуры имеют смысл *только* при сравнении с другими позициями той же самой структуры. Предполагать при этом, что «[т]еория множеств Г. Кантора, ее аксиоматизации, предложенные фон Нейманом, а также Цермело и Френкелем, являются каноническим описанием чисел» [Хлебалин А.В., 2008, с. 12], либо означает ошибку относительно оснований математики, либо свидетельствует в пользу доктрины У.В.О. Куайна об экспликации как элиминации с неявно принимаемой (необоснованной) гипотезой о том, что теория множеств является наилучшей научной теорией для оснований математики. Согласиться с последним весьма и весьма сложно.

Список литературы

- Ламберов Л.Д.* Бенацераф и теоретико-множественный редукционистский реализм // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58, № 1. С. 142–160. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps202158115>
- Хлебалин А.В.* Тождество, указание и истина в математике: перспективы структурализма // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 1. С. 11–16.
- Резник М.* Структурализм и идентичность математических объектов // Логические исследования / Ин-т философии РАН. М., СПб.: Центр гуманитар. инициатив, 2010. Вып. 16. С. 221–232.
- Benacerraf P.* Mathematical Truth // The Journal of Philosophy. 1973. Vol. 70, iss. 19. P. 661–679. DOI: <https://doi.org/10.2307/2025075>
- Benacerraf P.* What Numbers Could not Be // The Philosophical Review. 1965. Vol. 74, no. 1. P. 47–73. DOI: <https://doi.org/10.2307/2183530>
- Quine W.V.O.* Epistemology Naturalized // Ontological Relativity and Other Essays. N.Y.: Columbia University Press, 1969. P. 69–90. DOI: <https://doi.org/10.7312/quin92204-004>
- Quine W.V.O.* Things and Their Place in Theories // Theories and Things. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1981. P. 1–23.
- Resnik M.* Mathematical Knowledge and Pattern Cognition // Canadian Journal of Philosophy. 1975. Vol. 5, iss. 1. P. 25–39. DOI: <https://doi.org/10.1080/00455091.1975.10716095>
- Resnik M.* Mathematics as a Science of Patterns. N.Y.: Oxford University Press, 1997. 304 p.

⁹ См. примеч. 1.

Resnik M. Mathematics as a Science of Patterns: Epistemology // *Nous*. 1982. Vol. 16, no. 1. P. 95–105. DOI: <https://doi.org/10.2307/2215419>

Resnik M. Mathematics as a Science of Patterns: Ontology and Reference // *Nous*. 1981. Vol. 15, no. 4. P. 529–550. DOI: <https://doi.org/10.2307/2214851>

Resnik M. Mathematics from the Structuralist Point of View // *Revue Internationale de Philosophie*. 1988. Vol. 42, no. 167(4). P. 400–424.

Resnik M. Non-ontological Structuralism // *Philosophia Mathematica*. 2019. Vol. 27, iss. 3. P. 303–315. DOI: <https://doi.org/10.1093/phimat/nky002>

Resnik M. Numbers as Structures and as Positions in Structures // *Language, Mind, and Art. Essays in Appreciation and Analysis*, in Honor of Paul Ziff / ed. by D. Jamieson. Dordrecht, NL: Kluwer Academic Publishers, 1994. P. 55–67. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-015-8313-8_5

Resnik M. Structural Relativity // *Philosophia Mathematica*. 1996. Vol. 4, iss. 2. P. 83–99. DOI: <https://doi.org/10.1093/phimat/4.2.83>

Получена: 01.08.2022. Принята к публикации: 18.08.2022

References

Benacerraf, P. (1973). Mathematical truth. *The Journal of Philosophy*. Vol. 70, iss. 19, pp. 661–679. DOI: <https://doi.org/10.2307/2025075>

Benacerraf, P. (1965). What numbers could not be. *The Philosophical Review*. Vol. 74, no. 1, pp. 47–73. DOI: <https://doi.org/10.2307/2183530>

Khlebalin, A.V. (2008). [Identity, reference and truth in mathematics: The structuralists' prospects]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanitarian Sciences in Siberia]. No. 1, pp. 11–16.

Lamberov, L.D. (2021). [Benacerraf and set-theoretic reductionist realism]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology & Philosophy of Science]. Vol. 58, no. 1, pp. 142–160. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps202158115>

Quine, W.V.O. (1969). *Epistemology naturalized. Ontological relativity and other essays*. New York: Columbia University Press, pp. 69–90. DOI: <https://doi.org/10.7312/quin92204-004>

Quine, W.V.O. (1981). *Things and their place in theories. Theories and things*. Cambridge, MA: Harvard University Press, pp. 1–23.

Resnik, M. (1975). Mathematical knowledge and pattern cognition. *Canadian Journal of Philosophy*. Vol. 5, iss. 1, pp. 25–39. DOI: <https://doi.org/10.1080/00455091.1975.10716095>

Resnik, M. (1981). Mathematics as a science of patterns: Ontology and reference. *Nous*. Vol. 15, no. 4, pp. 529–550. DOI: <https://doi.org/10.2307/2214851>

Resnik, M. (1982). Mathematics as a science of patterns: Epistemology. *Nous*. Vol. 16, no. 1, pp. 95–105. DOI: <https://doi.org/10.2307/2215419>

Resnik, M. (1988). Mathematics from the structuralist point of view. *Revue Internationale de Philosophie* [International Journal of Philosophy]. Vol. 42, no. 167(4), pp. 400–424.

Resnik, M. (1994). Numbers as structures and as positions in structures. *D. Jamieson (ed.) Language, mind, and art. Essays in appreciation and analysis, in honor of Paul Ziff*. Dordrecht, NL: Kluwer Academic Publ., pp. 55–67. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-015-8313-8_5

Resnik, M. (1996). Structural relativity. *Philosophia Mathematica*. Vol. 4, iss. 2, pp. 83–99. DOI: <https://doi.org/10.1093/phimat/4.2.83>

Resnik, M. (1997). *Mathematics as a Science of Patterns*. New York: Oxford University Press, 304 p.

Resnik, M. (2010). [Structuralism and the identity of mathematical objects]. *Logicheskie issledovaniya* [Logical Investigations]. Moscow, St. Petersburg: IPh RAS Publ., Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ Publ., iss. 16, pp. 221–232.

Resnik, M. (2019). Non-ontological structuralism. *Philosophia Mathematica*. Vol. 27, iss. 3, pp. 303–315. DOI: <https://doi.org/10.1093/phimat/nky002>

Received: 01.08.2022. Accepted: 18.08.2022

Об авторе

Ламберов Лев Дмитриевич

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры онтологии и теории познания,
Уральский гуманитарный институт

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
620002, Екатеринбург, пр. Ленина, 51;
e-mail: lev.lamberov@urfu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9228-4909>
ResearcherID: Q-5183-2016

About the author

Lev D. Lamberov

Candidate of Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department
of Ontology and Theory of Knowledge,
Ural Institute of Humanities

Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin,
51, Lenin av., Ekaterinburg, 620002, Russia;
e-mail: lev.lamberov@urfu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9228-4909>
ResearcherID: Q-5183-2016

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Ламберов Л.Д. Три отсутствующих факта математического структурализма // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 3. С. 389–398. DOI: 10.17072/2078-7898/2022-3-389-398

For citation:

Lamberov L.D. [Three absent facts of mathematical structuralism]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 3, pp. 389–398 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-3-389-398

УДК 1:51

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-3-399-405

ПРОИЗВОЛЬНЫЕ ОБЪЕКТЫ, ВИДОВЫЕ СТРУКТУРЫ: МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ МАТЕМАТИЧЕСКИЙ СТРУКТУРАЛИЗМ

Хлебалин Александр Валерьевич

Институт философии и права Сибирского отделения РАН (Новосибирск)

В рамках неэлиминативного структурализма, например в версии С. Шапиро, происходят столкновения с так называемой проблемой неполноты математических объектов, а также с проблемой перестановки. В статье анализируется разрабатываемая Л. Хорстеном концепция родового математического структурализма, претендующая при соблюдении неэлиминативистских, реалистских позиций на решение указанных проблем. Представлены ключевые характеристики концепции видового математического структурализма, основанной на понятии произвольного объекта К. Fine, и идеи родовых структур. Согласно этой концепции, с каждым произвольным объектом ассоциирована область индивидуальных объектов — его значений. Так, с каждым произвольным числом ассоциирована область индивидуальных чисел; с каждым произвольным человеком — область индивидуальных людей. Произвольный объект обладает свойствами, общими для индивидуальных объектов ассоциированной области. Родовой структурализм трактует математические структуры как родовые структуры, а математические объекты — как произвольные. Сами родовые структуры определяются отношением инстанциации, т.е. отношением нахождения в состоянии. Являясь версией неэлиминативного структурализма, концепция родового структурализма избегает трудностей, с которыми сталкиваются другие формулировки этой позиции. Наравне с этим интересной особенностью концепции является смещение внимания с онтологической проблематики к метафизической, игравшей второстепенную роль в дебатах о математическом структурализме. В силу этого одной из важных проблем мы считаем проблему независимости и определенности произвольных объектов, на которую указывал еще К. Fine. Применительно к файнсовской концепции произвольных объектов уже получены интересные результаты посредством применения независимо-дружественной логики, концептуальный аппарат которой, на наш взгляд, позволит получить важные для структуралистской философии математики метафизические результаты. Обозначены преимущества анализируемой концепции и охарактеризованы направления ее дальнейшего развития.

Ключевые слова: математический структурализм, неэлиминативный структурализм, произвольные объекты, неполнота математического объекта, математический реализм, метафизика математических объектов.

ARBITRARY OBJECTS, SPECIES STRUCTURES: METAPHYSICAL MATHEMATICAL STRUCTURALISM

Aleksandr V. Khlebalin

*Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk)*

Non-eliminative structuralism, for example that in the version of S. Shapiro, faces the problem of the so-called incompleteness of mathematical objects and the problem of permutation. The article analyzes the concept of generic mathematical structuralism developed by L. Horsten, which claims to solve these problems while adhering to non-eliminativist, realist positions. The paper presents the key characteristics of the conception of specific mathematical structuralism based on the concept of an arbitrary object offered by K. Fine and the idea of generic structures. According to this conception, each arbitrary object is associated

with a domain of individual objects — its values. Thus, with each arbitrary number a domain of individual numbers is associated; with every arbitrary person — a domain of individual people. An arbitrary object has properties that are common to the individual objects of the associated domain. Generic structuralism treats mathematical structures as generic structures, while mathematical objects — as arbitrary. Generic structures themselves are defined by the relation of instantiation — the relation of being in a state. As a version of non-eliminative structuralism, the concept of generic structuralism avoids difficulties encountered by other formulations of this position. Another interesting feature of the concept is the shift of attention from ontological to metaphysical problems, which played a secondary role in the debate about mathematical structuralism. In this regard, we consider the problem of the independence and definiteness of arbitrary objects, which was already pointed out by K. Fine, to be one of the important problems. As applied to Fine's concept of arbitrary objects, interesting results have already been obtained by means of independent-friendly logic. The application of its conceptual means, in our opinion, will make it possible to obtain metaphysical results important for the structuralist philosophy of mathematics. The advantages of the analyzed concept are identified in the paper, and the directions of its further development are outlined.

Keywords: mathematical structuralism, non-eliminative structuralism, arbitrary objects, incompleteness of a mathematical object, mathematical realism, metaphysics of mathematical objects.

Введение

Структурализм в философии математики по целому ряду признаков можно определить как доминирующее направление. Например, обсуждение как отдельных проблем структуралистского подхода, так и жизнеспособность и преимущества его в целом, попросту превалируют в дискуссиях в философии математики. Начиная со ставших уже каноническими работ П. Бенацерафа, структурализм занимает важное место в дебатах по философии математики. Как это характерно для переживающих подъем в своем развитии теоретических направлений любого рода, структурализм характеризуется тенденцией возводить свои истоки ко все более давним временам и включать в перечень своих предтеч все более внушительный список громких имен [Reck E.H., Schiemer G., 2020].

Убеждение о том, что математика занимается изучением структур, стало попросту расхожим; причем это вовсе не означает, что любой согласившийся с этим утверждением готов будет принять тезис структурализма в какой-либо из его формулировок при первых же попытках сделать ясным и точным это ставшее столь знакомым утверждение. Более того, убежденность в том, что наше познание — не только в области математики, но и в области естественных и гуманитарных наук — направлено на структуры, становится доминирующим. Многие ученые и философы науки утверждают, что конечная цель познания — раскрытие структуры реальности [Worrall J., 1989]. Например, А. Пуан-

каре настаивал на том, что физика может дать нам исключительно знание о структуре реальности и ничего помимо этого [ссылка]. J. Ladyman и D. Ross радикализируют эту позицию, настаивая на том, что не только наше познание сводится к познанию структуры реальности, но сама физическая реальность сводится исключительно к структуре; онтический реализм не допускает существования никаких объектов [Ladyman J., Ross D., 2009]. Некоторые метафизики утверждают, что структура — это фундаментальная составляющая реальности; например, Т. Сидер отталкивается от следующего утверждения: «Центральная тема этой книги — реализм в отношении структуры. Мир характеризуется наличием фундаментальной структуры, привилегированного описания. Для того чтобы репрезентация была полностью успешной, не достаточно истины; репрезентация должна основываться на правильных понятиях, таких чтобы ее понятийная структура соответствовала структуре реальности. Есть объективно правильный способ написать “книгу мира”» [Sider T., 2011, p. vii].

Вместе с тем свобода в оперировании термином «структура» и многообразие его толкований, вплоть до взаимоисключающих, привели к весьма курьезному событию: в 1959 г. в Париже по инициативе ЮНЕСКО был проведен коллоквиум с привлечением специалистов различных областей знания, эксплуатирующих понятие структуры, с целью добиться консенсуса в его трактовке, в том числе и сторонников невероятно популярного даже в кругах далеких

от математики проекта Бурбаки. Предсказуемо, коллоквиум не достиг иных, помимо приятного академического общения, результатов. Не в последнюю очередь популярность понятия структуры в самых разных областях знания можно объяснить быстро узнаваемой аналогией с платонизмом. В случае философии математики эта связь часто акцентируется и именно с нее начинается изложение структуралистской позиции. Так, S. Shapiro начинает обсуждение онтологического статуса математических структур следующим образом: «Поскольку одна и та же структура может быть представлена более чем одной системой, структура является единым-над-многим. Сущности, подобные этой, привлекали внимание философов на протяжении веков. Традиционным примером единого-над-многими являются универсалии, свойства или Форма. В более современной философии существует дихотомия тип/токен. На философском жаргоне говорят, что несколько токенов *имеют* определенный тип или *разделяют* определенный тип; и мы говорим, что объект *имеет* универсалию или, как выразился Платон, объект *разделяет* или *участвует* в Форме. Как определено выше, структура — это паттерн, форма системы. Система, в свою очередь, представляет собой совокупность связанных объектов» [Shapiro S., 1997, p. 84]. Такая апелляция к традиционной философской проблематике, безусловно, уместна; но совершаемая постоянно, она играет свою, пусть и не определяющую, роль в расширении содержания понятия структуры на все новые области исследований, представляющих себя наследниками традиционного спора о платоновых формах или универсалиях.

Вместе с тем в случае математики мы сталкиваемся, пожалуй, с единственным полем проблем, применительно к которому можно рассчитывать на максимальную точность объяснения понятия структуры. Следовательно, утверждение о том, что математика представляет собой познание структур будет не метафорой или максимой, а обоснованным объяснением математического знания и его предметной области.

Математический структурализм

Большая часть дискуссий в отношении структуралистского тезиса в философии математики

разворачивается вокруг онтологического содержания концепции. Зачастую структурализм заявляется именно как онтологическая позиция: «Моя структуралистская программа является реализмом в онтологии и реализмом в отношении значения истинности — как только необходимые понятия объекта и объективности окажутся перед нами. Структуралист утверждает, что такие неалгебраические области, как арифметика, имеют дело с областью объектов — числами, которые существуют независимо от математика, и он считает, что математические утверждения обладают непустым, двузначным значением истинности в отношении этой области» [Shapiro S., 1997, p. 72].

Как правило, характеристика математического структурализма основывается на противопоставлении элиминативной и неэлиминативной концепций. Обе концепции едины в том, что различные системы объектов могут иметь общую структуру; но сторонники неэлиминативного структурализма настаивают на том, что такая математическая структура существует независимо от систем, которыми она инстанцируется, тогда как сторонники элиминативной концепции придерживаются мнения, что разговор о структуре может быть сведен к разговору о системах, изоморфных друг другу. Другое традиционное для дебатов о структурализме различие касается алгебраических и неалгебраических теорий. Алгебраические теории трактуются как относящиеся к различным структурам, тогда как неалгебраические теории относятся к одной определенной структуре [Shapiro S. 1997, p. 40–41]. Согласно элиминативному структурализму, любая (и алгебраическая, и неалгебраическая) теория относится ко множеству систем объектов; неэлиминативный структурализм рассматривает неалгебраические теории как теории, характеризующие индивидуальную структуру. Принципиально важным элементом позиции элиминативного структурализма является утверждение о том, что даже в отношении неалгебраических теорий мы не можем настаивать на существовании определенных математических объектов, описываемых этими теориями; неэлиминативная же концепция занимает противоположную позицию. Например, согласно, пожалуй, самой известной версии неэлиминативного структурализма, передоложенной С. Шапиро,

математическая структура содержит места (позиции), которые могут занимать объекты. Сами эти позиции могут рассматриваться как объекты, которые могут образовывать систему, являющуюся инстанциацией структуры [Shapiro S., 1997. p. 100–101]. Здесь неэлиминативный структурализм сталкивается с двумя серьезными проблемами. Прежде всего, это так называемая неполнота математических объектов. Согласно Шапиро, (применительно к арифметике) числа обладают только структурными свойствами. То есть свойства числа 7 определяются всецело его местом в структуре натуральных чисел. Однако это интуитивно вполне понятное утверждение при своем уточнении сталкивается с целым рядом трудностей [Linnebo Ø., Pettigrew R., 2014]). Например, неполнота структурного объяснения свойств чисел легко иллюстрируется тем, что число 7 может быть моим счастливым числом, и это явно не выводится из позиции в структуре натуральных чисел.

Второе затруднение связано с так называемым возражением о перестановке [Hellman G. 2006, p. 546]. Если в *ante rem* структуре натуральных чисел N мы нетривиальным способом переставим позиции, то получим систему N' , изоморфную N . В таком случае возникает вопрос о том, может ли что-либо свидетельствовать в пользу того, что именно N является *sui generis* структурой арифметики?

Эти трудности являются не столько опровержением неэлиминативного структурализма, сколько своего рода вызовами конкретным формулировкам концепции. Ниже мы рассмотрим одну из возможных стратегий преодоления этих затруднений, которая еще далека до окончательной формулировки, но при этом уже привлекла внимание. Речь идет о концепции «родового» (generic) структурализма, разрабатываемой Л. Хорстеном. [Horsten L., 2019]. Эта концепция представляет собой разновидность неэлиминативного структурализма, которая не только претендует справиться с указанными возражениями, но и занять место наиболее разработанной версией математического структурализма.

Произвольные объекты и родовые структуры

Исходной идеей, положившей начало концепции родового структурализма, по признанию

Л. Хорстена, является концепция произвольных (arbitrary) объектов [Fine K., 1985; Fine K., Tennant N. 1983]. Нет никакой возможности надеяться сколько-нибудь подробно охарактеризовать концепцию произвольных объектов К. Файна и ее развитие Л. Хорстеном в этой статье. Мы ограничимся перечислением основных характеристик видového структурализма, отсылая читателя за подробностями к соответствующим работам Файна и Хорстена. Согласно этой концепции, с каждым произвольным объектом ассоциирована область индивидуальных объектов — его значений. Так, с каждым произвольным числом ассоциирована область индивидуальных чисел, с каждым произвольным человеком — область индивидуальных людей. Произвольный объект обладает свойствами, общими для индивидуальных объектов ассоциированной области. Например, произвольное число четное или нечетное, а произвольный человек смертен, т.к. каждое индивидуальное число четное или нечетное, а каждый индивидуальный человек смертен. Однако произвольное число не может быть простым, а произвольный человек не может быть математиком, потому что некоторое индивидуально число не является простым и некоторый индивидуальный человек не является математиком. Применяя подобные рассуждения к интересующей нас проблематике, возьмем определенный вид математических объектов, например натуральные числа. Есть отдельные натуральные числа, например число 7. Но, согласно концепции К. Файна, есть и произвольные натуральные числа; о таких числах идет речь всякий раз, когда мы сталкиваемся с выражением «Пусть n будет натуральным числом». Таких произвольных натуральных чисел много, что предполагается такими выражениями, как «Теперь пусть m будет другим натуральным числом». Произвольное натуральное число не обязательно имеет какое-либо конкретное натуральное число в качестве своего значения. Нет ничего, что могло бы нам указать, является ли значением произвольного числа m конкретное число 7. Вместе с тем можно определить некоторые отношения между произвольными числами. Так, в случае с утверждением о числах n и m , можно утверждать их численное тождество или различие. Но даже если произ-

вольное натуральное число не обладает в качестве своего значения отдельным числом, существует смысл, в котором им может быть отдельное число. «Мы можем сказать, что произвольные числа могут находиться в разных конкретных состояниях. Эти возможные ситуации (состояния) могут быть поняты в льюсовском реалистском ключе, но точно также разговор о возможных состояниях можно понимать в крипкевской, дефляционной манере» [Horsten L., 2019, p. 107]. При этом нет никакого актуального специфического состояния произвольного натурального числа: «Возможно, здесь наилучшим будет сказать, что произвольное натуральное число “актуально” находится в “суперпозиции” к специфическим, конкретным состояниям» [Horsten L., 2019, p. 112]. Также постулируются степени произвольности: утверждение «Пусть n будет натуральным числом больше 10» постулирует число менее произвольное, чем то, которое постулируется утверждением «Пусть n будет натуральным числом больше 5». При этом минимальная степень произвольности не означает тождества произвольного числа конкретному числу: произвольные числа могут находиться в различных состояниях, тогда как конкретные числа — нет.

Идея произвольных объектов, несмотря на простоту поясняющих ее примеров, кажется несколько странной. К. Файн и Л. Хорстен считают, что эта, некогда вполне знакомая, идея фактически исчезает из философии математики благодаря критике Г. Фреге и Б. Рассела. Мы не будем здесь останавливаться на истории концепции произвольных объектов [Urquhart A., 2020], ограничившись указанием на мнение К. Файна, который считает, что он возвращает этой вполне полезной концепции должный статус, представив ее в приемлемой логико-философской формулировке. Л. Хорстен на основе этой возрожденной концепции предлагает свою теорию родового структурализма; принципиально важным для него является то, что разработка теории разворачивается в русле той наивной метафизики, как ее понимает все тот же К. Файн. Основной задачей, стоящей перед ним, является ответ на вопрос о том, чем являются математические структуры и объекты. Согласно концепции родового структурализма, родовые системы представляют собой специ-

альный вид произвольных сущностей и могут находиться в различных состояниях. Например, ряд натуральных чисел будет являться родовой структурой натуральных чисел с состояниями, представленными как различные ω -последовательности лежащих в основании упорядоченных счетно бесконечных множеств объектов, что и будет называться родовой ω -последовательностью. В этом случае любое натуральное число мы можем рассматривать также в качестве произвольного объекта, а точнее как индивидуальное понятие, т.е. функцию от состояний к элементам базового множества, если мы, вслед за Л. Хорстеном и С. Сперанским [Horsten L., Speranski S., 2019], воспользуемся для рассуждения о произвольных объектах карнаповской модальной логикой с квантификацией по индивидуальным понятиям (т.е., функции от возможных миров к элементам данного множества).

Родовой структурализм трактует математические структуры как родовые структуры, а математические объекты как произвольные. Сами родовые структуры определяются отношением инстанциации (отношение нахождения в состоянии). Л. Хорстен настаивает, что в его концепции математические структуры являются не просто абстрактными паттернами и отличаются от *ante rem* структур С. Шапиро. В концепции родового структурализма, абстрагирующей движение от системы к структуре, понятие объекта трансформируется вместе с понятием системы. Общее направление этой трансформации Л. Хорстен предлагает в качестве своеобразного слогана своей концепции: «От конкретных систем — к видовым системам, от конкретных объектов — к произвольным объектам» [Horsten L., 2019, p. 135].

Ответ, который может дать концепция родового структурализма на проблему «неполноты» математических объектов, дается в терминах способности математических объектов принимать определенные значения. Аналогичным образом видовой структурализм избегает «проблемы перестановки»: «Видовая структура не является состоянием, в котором эта самая структура может находиться. Применительно к арифметике, например, видовая ω -последовательность не является сама ω -последовательностью. Можно спросить, относится ли это к сути дела? Не может ли конкурентное число 0

в ω -последовательности “играть роль” конкретного числа 1 и *vice versa*? Ответ на этот вопрос — попросту нет. В каждом состоянии значение, принимаемое конкретным числом 0, играет 0-роль, а значение, принимаемое конкретным числом 1, играет 1-роль» [Horsten L., 2019, p. 187].

Заключение

Мы можем утверждать, что концепция видового структурализма, разрабатываемая Л. Хорстеном, демонстрирует свою плодотворность. Являясь версией неэлиминативного структурализма, она избегает трудностей, с которыми сталкиваются другие формулировки этой позиции. Наравне с этим особенностью данной концепции является смещение внимания с онтологической проблематики на метафизическую, которая играла второстепенную роль в дебатах о математическом структурализме. Пока еще рано судить о том, какой вид приобретет окончательная формулировка концепции видового структурализма: по признанию автора, перед ним стоит множество принципиально важных вопросов или проблем, которые концепция должна разрешить. Одной из них является проблема независимости и определенности произвольных объектов, на которую указывал еще К. Файн. Применительно к файновской концепции произвольных объектов уже получены интересные результаты средствами независимо-дружественной логики [Sandu G., 2020]. L. Horsten также связывает надежды на решение проблем независимости и определенности абстрактных объектов с IF-logic [Hintikka J., Sandu G., 1989] и Dependence Logic [Grädel E., Väänänen J., 2013]. Позволим себе высказать мнение, что это направление исследования не только обеспечит дальнейшее развитие концепции математического родового структурализма, но и приведет к результатам, имеющим важное значение для философии математики за пределами структуралистских концепций.

References

Fine, K. (1985). *Reasoning about arbitrary objects*. Oxford, UK: Basil Blackwell Publ., 220 p.

Fine, K. and Tennant, N. (1983). A defence of arbitrary objects. *Aristotelian Society, Supplementary Volumes*. Vol. 15, iss. 1, pp. 55–77. DOI: <https://doi.org/10.1093/aristoteliansupp/57.1.55>

Grädel, E., Väänänen, J. (2013). Dependence and independence. *Studia Logica*. Vol. 101, iss. 2, pp. 399–410. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11225-013-9479-2>

Hellman, G. (2005). Structuralism. S. Shapiro (ed.) *The Oxford handbook of philosophy of mathematics and logic*. New York: Oxford University Press, pp. 536–562. DOI: <https://doi.org/10.1093/0195148770.003.0017>

Hintikka, J.G. and Sandu, G. (1989). Informational dependence as a semantical phenomenon. J.E. Fenstad, I.T. Frolov, R. Hilpinen (ed.) *Studies in Logic and the Foundations of Mathematics*. Vol. 126: *Logic, Methodology, and Philosophy of Science, VIII: International Congress Proceedings (Moscow, 1987)*. pp. 571–589. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0049-237x\(08\)70066-1](https://doi.org/10.1016/s0049-237x(08)70066-1)

Horsten, L. (2019). *The metaphysics and mathematics of arbitrary objects*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 246 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781139600293>

Horsten, L. and Speranski, S. (2019). Reasoning about arbitrary natural numbers from a Carnapian perspective. *Journal of Philosophical Logic*. Vol. 48, iss. 4, pp. 685–707. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10992-018-9490-1>

Ladyman, J. and Ross, D. (2009). *Every thing must go: metaphysics naturalized*. New York: Oxford University Press, 346 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199276196.001.0001>

Linnebo, Ø. and Pettigrew, R. (2014). Two types of abstraction for structuralism. *Philosophical Quarterly*. No. 64, iss. 255, pp. 267–283. DOI: <https://doi.org/10.1093/pq/pqt044>

Reck, E.H. and Schiemer, G. (eds.) (2020). *The prehistory of mathematical structuralism*. New York: Oxford University Press, 468 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780190641221.001.0001>

Sandu, G. (2020). Indefinites, Skolem functions, and arbitrary objects. M. Dumitru (ed.) *Metaphysics, meaning, and modality. Themes from Kit Fine*. New York: Oxford University Press, pp. 98–112. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780199652624.003.0006>

Shapiro, S. (1997). *Philosophy of mathematics: Structure and ontology*. New York: Oxford University Press, 296 p.

Sider, T. (2011). *Writing the book of the world*. New York: Oxford University Press, 318 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199697908.01.0001>

Urquhart, A. (2020). Fine on arbitrary object. M. Dumitru (ed.) *Metaphysics, meaning, and modality*.

Themes from Kit Fine. New York: Oxford University Press, pp. 87–97. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780199652624.003.0005>

Worrall, J. (1989). Structural realism: the best of both worlds? *Dialectica*. Vol. 43, iss. 1-2, pp. 99–

124. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1746-8361.1989.tb00933.x>

Received/Получена: 01.08.2022. Accepted/Принята к публикации: 18.08.2022

Об авторе

Хлебалин Александр Валерьевич

кандидат философских наук,
заместитель директора по научной работе

Институт философии и права
Сибирского отделения РАН,
630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8;
e-mail: sasha_khl@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3536-3974>
ResearcherID: AАН-2027-2020

About the author

Aleksandr V. Khlebalin

Candidate of Philosophy,
Deputy Director for Research

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences,
8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090, Russia;
e-mail: sasha_khl@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3536-3974>
ResearcherID: AАН-2027-2020

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Хлебалин А.В. Произвольные объекты, видовые структуры: метафизический математический структурализм // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 3. С. 399–405.
DOI: [10.17072/2078-7898/2022-3-399-405](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-3-399-405)

For citation:

Khlebalin A.V. [Arbitrary objects, species structures: metaphysical mathematical structuralism]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 3, pp. 399–405 (in Russian). DOI: [10.17072/2078-7898/2022-3-399-405](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-3-399-405)

ФИЛОСОФИЯ

УДК 177.7:124.5

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-3-406-415

**ИДЕЯ «АРХЕОЛОГИЯ ВЗГЛЯДА» В ПРОЦЕССЕ
ВЫСТРАИВАНИЯ ДОВЕРИЯ МЕЖДУ ПАЦИЕНТОМ И ВРАЧОМ***Филиппович Мария Сергеевна**Курский государственный университет (Курск),
Курский государственный медицинский университет (Курск)*

Интеракция между больным и врачом преломляется через феномен доверия. В античности забота индивида о себе происходила через метафорические объекты: сны и их пересказывание, ревизию, зеркало и т.д. В эпоху Просвещения доверие становится в некотором роде экономической характеристикой, которая измеряет отношение к человеку и формирует представление о нем. В моральном контексте феномен доверия проявляется через симпатию, которая означает как «социальная смазка» (А. Смит), которая обеспечивает развитие чувства братства и вместе с тем вносит смысловые коррективы в определение личного пространства. В философии XX в. в трудах П. Штомпки, Э. Гидденса, М. Фуко, А. Селигмана доверие предстает в ином объяснении: философы формируют это понятие через этическое поведение, стремятся найти различие через соотношение с ее синонимами (уверенность, вера). Социальная функция доверия вплетается в медицинскую сферу в аспекте взаимоотношений между пациентом и врачом. Интеракция пациента и врача сопровождается вербальным и невербальным общением (в статье предпринимается попытка объяснить доверие через последний вид общения), которое позволяет первому ожидать определенного высказывания и/или выстроить поведение: отнестись к врачу с подозрением или довериться ему. Паттерн поведения врача обуславливает заключение о нем самом со стороны больного. Пациент следит за тем, как его осматривают, и дает внутреннюю оценку. В процессе коммуникации их взаимоотношение переходит от патерналистской модели отношений к коллегиальной (согласно концепции Р. Витча). Врач через осмотр (профессиональный или поверхностный) формирует представление о болезни в то же время о (не)соответствии ожиданию пациента. В сопоставлении внешнего через внутреннее у больного проявляются компоненты заботы: социальные практики (наблюдение и/или выявление симптомов врачом например) в индивидуальном человеческом бытии (Е.Н. Болотникова).

Ключевые слова: Мишель Фуко, доверие, пациент, археология взгляда, врач, социальная интеракция, фрагильность, медиализация, забота о себе.

**THE IDEA OF «ARCHAEOLOGY OF PERCEPTION» IN THE PROCESS
OF TRUST CREATION BETWEEN PATIENT AND PHYSICIAN***Maria S. Filippovich**Kursk State University (Kursk),
Kursk State Medical University (Kursk)*

An interaction between a patient and a physician is refracted through trust. Ancient Greek philosophers considered self-care through metaphorical objects: dreams and their interpretation, revision, mirror, etc. In the Age of Enlightenment trust becomes a certain kind of economic characteristic that measures an atti-

tude to a person and shapes an idea of him. In the moral context, the phenomenon of trust is presented through sympathy — «social lubrication» (A. Smith), which promotes development of the feeling of brotherhood and brings semantic changes to the definition of personal space. In philosophy of 20th century, in works of P. Sztompka, A. Giddens, M. Foucault, A. Seligman, trust receives a different interpretation: the philosophers define it through ethical behavior, try to differentiate trust from synonyms such as confidence, belief. The social function of trust comes to the medical field of relationships between a patient and a physician. Social interaction between them includes verbal and nonverbal communication (the article attempts to explain trust through the latter). In the process, the patient expects certain words to be said by the physician and/or takes a certain line of behavior, choosing either to trust or not to trust the doctor. The physician's behavior determines the patient's attitude to him. The patient watches the actions of the physician, giving him a certain inner estimate. In the process of communication, their relationship transfers from the paternalistic to the collegial model (according to R. Witch's conception). Through medical examination (professional or superficial) the physician constructs a picture of the disease and, as a result, either satisfies or not satisfies the patient's expectations. Through juxtaposition of the external and the inner there are manifested components of the patient's self-care: social practices (e.g. observation and/or detection of symptoms by the physician) in individual human existence (E.B. Bolotnikova).

Keywords: Michel Foucault, trust, patient, archaeology of perception, physician, social interaction, fragility, medicalization, self-care.

Введение

Процесс установления доверия между людьми играет ключевую роль в формировании положительного и продуктивного фундамента взаимоотношений как на личностном, так и на организационном уровнях. Не удивительно, что это свойство социальной коммуникации подвергается внимательному изучению: в зависимости от направленности исследовательского интереса доверие становилось этической категорией морали, приобретало религиозные черты в контексте веры (Аристотель, Б. Спиноза, С. Кьеркегор, Г. Зиммель, В. Франкл и др.), рассматривалось в качестве предмета изучения в социально-психологическом и организационном направлении (Э. Гидденс, Т.М. Бердсли, А. Селигман, П. Штомпка, Э. Эрикссон, Д. Браун и др.).

Социально-политические, культурные потрясения XX в. заставили переосмысливать ценности и знания предыдущих поколений: стали возникать философские течения — структурализм, экзистенциализм, феноменология и др., отражающие иную позицию на взаимодействия человека с действительностью. Представители появившихся новых подходов (Э. Гуссерль, М. Фуко, Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер и др.), на которые мы акцентируем внимание в данной статье, под доверием подразумевали социальный акт, который требует «подтверждения истинности в основаниях» [Емель-

яненко В.В., 2012, с. 24]. В феноменологическом, семиотическом и герменевтическом подходах объектами доверия являются «Я», «Мир», «Абсолют» и «Другой», которые иллюстрируют вышеобозначенное отношение к окружающей действительности и, в частности, конкретному человеку посредством вербальной и невербальной коммуникации.

Современные условия социальной реальности также подвергаются изменениям. Формирование, налаживание, закрепление доверительного взаимоотношения становится неотъемлемой частью развития социального обмена, в частности, наиболее отчетливо этот процесс и включенность в него феномена доверия проявляется в медицинской сфере. Герменевтические и семиотические направления предусматривают наличие методов (которые были описаны М. Шелером, Ю. Хабермасом, М. Мерло-Понти, К. Ясперсом и др.), способных раскрыть коммуникативные системы для взаимного понимания, обоюдного доверия между индивидами.

Конструирование социальной жизни, т.е. той ее части, которая охватывает взаимоотношения людей, подразумевает присутствие доверия. В статье этот феномен описывается с социальной стороны. Доверие как «социальная смазка» (по А. Смитю) позволяет человеку ожидать определенного ответа со стороны другого или окружающей действительности (П. Штомпка), т.е. проявления заботы о себе через действие другого.

Забота о себе: определение понятия в контексте доверия

Реабилитированное античное греческое понятие *epimeleia heautou* — забота о себе стало для Мишеля Фуко фундаментальным в исследовании *Histoire de la sexualité*. Культура построения себя (*lacultur de sua*) посредством нравственных упражнений, правильных поступков избавляет от страстей внешних. Различие культуры и заботы обусловлено тем, что первое подразумевает раскрытие себя, т.е. самопознание. Второе же рассматривается как сосредоточение на себе, которое главным образом направлено на формирование способности управления собой — врачевание. Третье понятие, которое обозначало бы отношение к себе — пайдейя (*paideia*), — своего рода образование или воспитание.

Эти понятия образуют дискурсивное поле, в котором делается попытка объяснить отношение человека к себе. Они являются скорее духовными функциями в определении и построении узнавания собственной сущности, иными словами, забота о себе — это преодоление сомнений по отношению к собственной личности, уточнение, формирование четкого представления о самом себе через субъективное познание — установление доверия к себе. Мишель Фуко в третьем томе об истории сексуальности отмечает стоическую линию поведения: человеку следует самосовершенствоваться, заниматься «самоисправлением» души, чтобы тело подчинялось душе, обуздывая желания [Фуко М., 1998а]. Постоянный контроль тела позволяет человеку изучить себя, понять слабости, принуждает слушаться и тем временем критично воспринимать оценку другого человека, в том числе врача.

Несколько противоположным понятием, но более близким к нашей теме, является *therapheia* (по мнению Эпикура, *physiologia*), которое употребляется Платоном для определения заботы в качестве попечения о здоровье.

Возьмем один из известных примеров взаимодействия больного и врача в Древней Греции. В античный период город Эпидавр являлся известным центром врачевания. По обе стороны от главной дороги располагались театр и храм Асклепия. В храме на входе была построена двойная колоннада, где передняя часть

служила человеку, расположившемуся внутри помещения после утомительной дороги, местом отдыха. Больному должен был присниться священный сон, в котором появлялся Асклепий, и на следующий день асклепиады расшифровывали его.

После сна больной в разговоре передавал образы, ощущения и символы, которые врач должен был правильно поймать «взглядом». Фуко серьезно подошел к прояснению «взгляда» и проблеме «видеть и говорить». До момента формирования медицинского знания в качестве специализации оно представляло собой универсальный способ отношения человека к самому себе [Афанасьевский В.Л., 2018, с. 23].

Е.Н. Болотникова [Болотникова Е.Н., 2016] формулирует идею, что «забота о себе» вплетается в социальные практики, которые присутствуют в педагогике, медицине и постепенно переходят в экономику, экологию и т.д. Заботящийся о себе человек раскрывает социальное в индивидуальном. Метафорически это понятие позволяет увидеть элементы индивидуального бытия.

Философский дискурс болезни XX в. строится в пределах следующих моделей [Билибенко А.В., 2013]. Первая, экзистенциально-феноменологическая, которая развивается в рамках соответствующей психиатрии и включает главным образом онтологическую реабилитацию психического заболевания, развивает экзистенциальную теорию, где психическое заболевание понимается в качестве результата изменения пространственных и временных ориентиров, а также трансформации оснований человеческого бытия. Вторая модель формируется в рамках антипсихиатрии — она развивается в пределах социальной антропологии болезни. Психическое заболевание понимается с социальных позиций в качестве маргинальности и несоответствия общепринятым нормам, а практика психиатрической помощи — как практика не лечения, а изоляции. Третья модель акцентирует эпистемологическую трактовку болезни. Психическое расстройство при этом не просто анализируется в ракурсе истории общества и культуры, но и посредством этого анализа вскрываются механизмы и основания самой культуры и истории.

Короче говоря, постепенно формируется новое представление о том, что болезни присущи

реальные свойства, а не нарочито придуманные или приписанные из-за субъективного подозрения человека в нестандартном поведении или мировоззренческом восприятии окружающей действительности, и, в сущности, соответствует сфере реального. Начинает устанавливаться научный понятийный аппарат, иными словами, происходит рождение новой дисциплины.

Фрагильность социальной интеракции

Недоверие больного и рациональное любопытство врача создают возможность для первого стать одновременно субъектом и объектом собственного знания. Подвергаясь наблюдению со стороны врача, пациент связывает некоторые ожидания с последующим заключением специалиста. В то же время сам пациент формирует представление о результате осмотра: он основывается на проявлении паралингвистических характеристик высказывания (жестах, мимике и т.д.) [Виноградова Е.В., 2016]. В исследовании И.Р. Камалиевой и В.С. Невеловой, рассматривается система отношений «врач – пациент», в которой наличествует дефицит доверия [Камалиева И.Р., Невелева В.С., 2019], и здесь важно подчеркнуть, что данная лакуна проявляется во время переживания пациентом болезни.

Для того чтобы снизить собственную недоверчивость к будущему заключению, пациент «наполняет» смыслом недопонимание в момент интеракции, поэтому ожидание состоит из соотношения доверия к врачу как эксперту и недоверия из-за лакуны в информационном поле самого пациента. Кроме того, всматривание в жестиколяционно-мимическое сопровождение, осуществляемое врачом, выравнивает сформированное и ожидаемое представления о будущем высказывании.

В этом социальном процессе больной и врач устанавливают коллегиальную модель взаимоотношений (по Р. Витчу): критический осмотр врачом пациента предусматривает возникновение дополнительных вопросов, ответы на которые больной формулирует согласно складывающемуся отношению к специалисту. Социальная практика обмена (жалоб, уточнений, предписаний, предыдущий и текущий анамнез и проч.) между ними находится на грани патерналистского отношения врача к больному, но, тем не менее, не сводится к нему в абсолютном значении. Р. Витч [Витч Р., 1994] относит к па-

терналистскому виду отношений отсутствие прав и полное подчинение пациента врачу. Однако, по нашему мнению, это возможно в случае физического или духовного недостатка воли пациента или знания о собственном теле. Т. Сас и М. Холлендер разработали модель [Kaba R., Sooriakumaran P., 2007], включающую три направления — активно-пассивное, управляемое сотрудничество и партнерство, где второй тип предполагает участие больного в принятии решения о своем здоровье, и все-таки роль врача остается преобладающей в силу его квалификации и опыта и больной не протестует против профессионального мнения.

Возникновение доверия сопряжено и с потребностью заполнить пустое информационное пространство. Ведь доверие, согласно выдвинутому тезису А. Селигмена, является отсутствием уверенности в определенном знании о предмете, событии и т.д. Значит, это ограничение у больного придает решающее значение для постановки диагноза и влечет снижение недоверия к врачу.

Одно из качеств этого снижения заключено в объяснении А. Сильвером понятия «симпатия» по Адаму Смиту, которое «создает для общества определенного рода “социальную смазку” (social lubrication) и становится ключом к установлению социальной психологии морального порядка, свободного от авторитарных идей, которыми служили религиозные, экономические и политические институты» [Silver A., 1997, p. 10]. Однако в данном случае Алан Сильвер объясняет суть доверительного отношения, сложившегося в период Просвещения, когда развивалось коммерческое общество, в котором необходимо было наличие этого качества.

Таким образом, зарождается дружественное отношение и компенсируется отсутствие знания, которое можно получить при взаимодействии с другим. А. Селигмен определяет, например, «эмоциональную ценность для индивидов», «моральную оценку как вершину человеческой добродетели» и «как форму социальной солидарности» в качестве социальных атрибутов, которые отождествляются с доверием [Селигмен А., 2002, с. 43].

Доверие является хрупкой социальной интеракцией, которая управляется системой ролевых ожиданий. Если их оказывается недоста-

точно, то могут предприниматься попытки ее сохранения, чтобы обрести уверенность. При наблюдении пациентом того, как врач совершает манипуляции или того, что его поведение соответствует известным нормативным шаблонам, у первого возникает чувство уверенности. Однако, «увидев поведение, которое неприемлемо» [Филиппович Ю.С., Стрекалов Г.С., 2021, с. 39], согласно усвоенной моральной системе больной может насторожиться. (Здесь требуется некоторое уточнение, которое касается исследования А. Селигмена. В нем доверие и уверенность имеют разные значения, разница заключается в присутствии определенного знания, возможности объяснения и соответствии ожиданию — в данном случае ожиданию пациента.)

А.Ф. Филиппов в «Социологии пространства» рассматривает «кухню» и «дом» как «социальные характеристики, отражающие практические правила, эмоции или рутинные действия» [Филиппов А.Ф., 2008, с. 239], которые приписаны именно этим местам. Мы можем применить социальные характеристики к другим местам, например, к кабинету врача или расширить площадь места до больницы. Их наличие также может сформировать уровень доверия пациента. Или, например, намеренный осмотр стола и иной мебели, расположение письменных предметов и технических средств ориентирует пациента на формирование ожидания и вердикт. Следовательно, место также определяет «действие и поведение в том или ином пространстве», которые «социально обусловлены» и которые наделяют человека властью [Чеснокова Л.В., 2021, с. 208].

При этом врач не столько нуждается в обозначении и означивании ощущаемых пациентом симптомов, сколько для него важна его пронизательность во время осмотра. С.Е. Ильин так это подметил, что «быть может, <...> врачи не столько лечат, сколько создают и материализуют болезни» [Ильин С.Е., 2017, с. 11]. Авторитет взгляда, по Фуко, позволяет «остерегаться вмешательства» [Фуко М., 1998b, с. 166]. Немота регулирует его чистоту, дает возможность слушать и обозначать симптомы через наблюдение. Они становятся видимыми благодаря тому, что являются слышимыми.

Молчаливое наблюдение, с одной стороны, вызывает у пациента симпатию и, соответ-

ственно, доверие, поскольку врач концентрируется на личном опыте без интерпретации ощущений самим пациентом. Искусство наблюдения у врача скорее вызовет и уверенность, поскольку осмотр ведется без постороннего вмешательства — наблюдают только глаза. Одно лишь условие — умение наблюдать: включенное присутствие врача, профессиональный осмотр, который не требует физического прикосновения. Это условие, которое касается получения впечатления, а следовательно, заключение об объекте (диагнозе) может стать обстоятельством для выводов, которые станут истинными следствиями [Фуко М., 1998b].

Присутствие идеи «археологии взгляда» в медицинском пространстве

Сближение духовной практики и медицины, которые Фуко обозначил в качестве «медицилизации» культуры, приводит к тому, что внимание к телу соотносится с его расстройствами и немощью. Стоическая школа в лице Эпиктета, Сенеки и Марка Аврелия подразумевала осознание своего состояния как патологического и нуждающегося в исцелении.

Заглядывание внутрь себя, распознавание страстей, недугов ориентирует человека на отделение себя от окружения, но в то же время происходит осознание себя — экстериоризация индивида, соединяющегося с природой.

Движение медицинского дискурса в историческом контексте трансформирует взгляд врача. Изменение отношения к человеческому телу как к объекту с середины XVIII в. начинает высвечивать его скрытую сторону. «Само медицинское тело с его тканями и органами, в которых дислоцируется болезнь, предстает как плод нового дискурса» [Афанасьевский В.Л., 2018, с. 24]. Перемены определяются внесением социальной теории в медицинскую историю опыта, т.е. увеличение числа людей в медицинском пространстве рационализирует человеческое поведение в отношении собственного тела.

В Российской империи XVIII в. местные жители Арзамаса игнорировали штаб-лекаря и почитали местных знахарей [Лепехин И.И., 1795, с. 72]. Между тем суть недоверия между врачом и больным определяется степенью доступности объяснения, невербальной формой общения и уровнем развития медицинского знания. С повышением уровня грамотности ширится практи-

ка ведения ежедневных записей, дневников состояния здоровья, написание писем друзьям, в которых описывается состояние не только физиологическое, но и душевное, составляются собственные жизнеописания, мемуары.

Степень недоверия между больным и врачом характеризуется сформированным профессиональным навыком последнего, который может *правильным* образом описать симптомы и сообщить диагноз первому. То есть больной ожидает соотнести опыт врача с поставленным им самим диагнозом — предугадать диагноз и подкрепить свое ожидание опытом врача. Язык в истории культуры, особенно в медицинском дискурсе, имеет два подозрения с точки зрения Фуко: первое заключается в том, что язык говорит, скрывая основной, глубинный смысл, и второе — что язык не ограничивается вербальной формой. «Каждая культура вырабатывает собственные техники интерпретации, которые по сути есть способы подозревать язык в том, что он хочет сказать не то, что говорит» [Дьяков А.В., 2010, с. 124].

В «Рождении клиники», опубликованной в 1963 г., французский философ соотносит «пространство тела и пространство болезни», которые «обладают свободой скольжения относительно друг друга» [Фуко М., 1998b, с. 33]. Иными словами, как объясняет В.Л. Афанасьевский, болезнь связывается с телом через измеряемые акциденции, т.е. вялость, слабость, жар, вес и проч. Таким образом, формируется представление о диагнозе болезни и новом отношении к больному. В статье Н.В. Волоховой о биоэтическом измерении философского наследия Л.Н. Толстого указывается на то, что «человек от рождения лишен инстинкта смерти» [Волохова Н.В., 2015, с. 47]: он не может предугадать, расслышать «чуждый природы звук». И тем не менее человек готовится, старается найти симптомы, предшествующие если не смерти, то болезни, о чем очень точно пишет отечественный классик в «Смерти Ивана Ильича» [Волохова Н.В., 2000, с. 90].

Боль — проявление внутреннего через внешнее, т.е. это информационный компонент, условный знак, который может прочитать врач или передать больной. Это чувство дополняет привычные пять. Биолог Отто Левенштейн в работе «О чувствах» [Маклюэн М., Фиоре К.,

2012, с. 86] указывает на то, что единственным источником сведений о боли может быть только больной, поскольку не прекращающиеся срезывания нервного пути, связанного с больным органом, представляют собой бессистемный процесс, который не только отдаляет от диагноза, увеличивая время его постановки, но и уменьшает доверие пациента.

В «Рождении клиники» Мишель Фуко описывает троицу зрение—осязание—слух, которая становится сложной организацией «распределения невидимого». Каждая из трех составляющих передает информацию о больном человеку, который находится рядом с ним. И если врач может определить с помощью осзания твердые массы, а с помощью слуха — шум аневризмы, то присутствующий рядом с больным вряд ли сможет поставить диагноз, не станет к нему прикасаться и больной точно почувствует что-то неладное.

Тенденция понижения уровня доверия в обществах происходит с различной интенсивностью. Одними из медиативных факторов, которые усиливают или ослабляют общую тенденцию, становятся глубоко укоренившиеся исторические традиции, отражающиеся в так называемых культурах доверия или, наоборот, — в культуре недоверия или цинизма. В странах с высоким уровнем доверия (Норвегия, Швеция, Голландия, Япония, США, Германия) люди действуют, опираясь на принцип: «Другой достоин доверия до тех пор, пока не окажется, что он является обманщиком». В странах с низким уровнем доверия (Бразилия, Нигерия, Италия, Франция, Россия, Польша) понимают этот принцип наоборот: «Каждый является потенциальным преступником, обманщиком, взяточником, агентом, пока он нам не докажет, что он порядочный человек» [Штомпка П., 2012, с. 410].

В настоящее время степень недоверия больного повышается пропорционально накоплению медицинского знания. Новые методики и технологии лечения становятся менее понятными из-за медицинского дискурса. Единственным способом налаживания взаимного доверия становится глаз. «Он [глаз] стал хранителем и источником ясности, располагая властью заставить выйти на свет истину, которую принимал лишь в той мере, в какой она была освящена; открываясь сам, он открывает исти-

ну первого открытия: передом которым отмечен, начиная с мира классической ясности, переход от Просвещения к XIX веку» [Фуко М., 1998b, с. 13–14].

С XIX в. начинается описание и уточнение того, что было за гранью видимого и высказанного. Взгляд врача стал тождественным слову, больной может не рассказывать о недуге, но ткани, запах, движение — то, что доступно взгляду, может высказываться. «Взгляд — ...то, что создает индивида в его неустрашимом качестве и делает возможным создание вокруг него рационального языка. <...> на индивида можно, наконец, распространить структуру научного рассуждения» [Фуко М., 1998b, с. 15]. В.Л. Афанасьевский замечает в работе о Фуко, что объектом наблюдения медицинской практики является индивид в его единичной конечности. «Клинический опыт — это первое в западной истории открытие конкретного индивида на языке рациональности, это грандиозное событие в отношении человека к самому себе, а языка к вещам» [Фуко М., 1998b, с. 15].

При молчании больного, его нежелании рассказывать *все* врачу все-таки удастся уловить знаки болезни и рассказать первому о себе. Это становится неким способом узнавания *себя через другого*. Иначе говоря, установление истины, подлинной персоналии больного. От врача теперь требуется развивать не только наблюдательность, чтение и интерпретацию, но и внимательный осмотр, исследование мест возможной концентрации симптомов.

Медицина, являясь наукой о теле, предстает в качестве интерпретации, когда язык между больным и клиницистом уходит на второстепенные позиции. «Врач и больной втягиваются в бесконечно увеличивающуюся близость и связываются: врач взглядом, который насторожен и всегда направлен к постижению больного; больной — совокупностью незаменимых и немых качеств, которые его выдают, иначе говоря, демонстрируют и варьируют точные упорядоченные формы болезни» [Фуко М., 1998b, с. 41]. Болезнь в теле рассматривается как совокупность знаков, как носитель симптомов-означающих, поэтому знаковая интерпретация симптома и болезни, патологии и тела позволяет сформулировать проблему «истины тела», тела индивидуального.

Заключение

В медицинском контексте доверие остается необходимой чертой выстраивания взаимоотношений для успешного лечения болезни. В ходе рассмотрения системы отношений «врач – пациент» выявляются коммуникативные особенности, связанные с невербальной оценкой двух коммуникаторов: молчание, наблюдение, слушание (т.е. упомянутая выше триада М. Фуко). Благодаря им оба субъекта взаимодействия разрабатывают комплексное понимание предмета коммуникации. Согласно концепции Д. Льюис и Э. Вейгерта [Lewis J. Weigert A., 1985] о сущности доверия, необходимым его условием является когнитивный компонент. Для того чтобы сформировать доверительное отношение больного к пациенту, нужно обладать знанием, которое, однако, не может полностью установить данное отношение. В связи с этим необходим вспомогательный компонент — эмоциональный. Можно сказать, что два элемента — когнитивный и эмоциональный — влияют на выстраивание социального поведения между пациентом и врачом.

Внимательный взгляд врача создает у пациента впечатление включенности, эмпатии, и, как следствие, формируется доверие к нему. Последовательное исследование болезни взглядом или иной сопровождающий его невербальный акт придают пациенту уверенность для последующего действия: сомневаться в профессионализме врача или довериться поставленному диагнозу.

Список литературы

Афанасьевский В.Л. «Археология врачебного взгляда» М. Фуко как критика современного медицинского дискурса // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2018. № 12(3). С. 21–34.

Билибенко А.В. Социальная антропология болезни: Д. Купер, Э. Гоффман, Ф. Базалья // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2013. № 4(28). С. 105–110.

Болотникова Е.Н. Философские интерпретации концепта «забота»: от «лекарства» в античности до «здорово быть» в современности // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2016.

№ 2(244). С. 98–104. DOI: <https://doi.org/10.5862/jhss.244.12>

Виноградова Е.В. Коммуникативные факторы медицинского дискурса, влияющие на взаимоотношение «врач – пациент» // Медицинский дискурс. Вопросы теории и практики: материалы 4-й междунар. науч.-практ. конф. (Тверь, 14 апреля 2016 г.) / под общей редакцией Е.В. Виноградовой. Тверь: Твер. гос. мед. акад., 2016. С. 12–18.

Витч Р. Модели моральной медицины в эпоху революционных изменений // Вопросы философии. 1994. №3. С. 67–72.

Волохова Н.В. «Путь смерти» Л.Н. Толстого (категория смерти в его религиозно-нравственной философии) // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2000. № 3. С. 84–98.

Волохова Н.В. Этика жизни и этика смерти (на материале философского наследия Л.Н. Толстого) // Проблемы интеграции образовательных систем России и Беларуси в гуманитарном хронотопе постсоветского пространства: сб. науч. ст. / отв. ред. Е.И. Боев; Юго-Зап. гос. ун-т. Курск: Университетская книга, 2015. С. 47–52.

Дьяков А.В. Мишель Фуко и его время. СПб.: Алетейя, 2010. 672 с.

Емельяненко В.В. Феномен доверия как предел интенции в воззрениях Эдмунда Гуссерля // Наука и бизнес: пути развития. 2012. № 12(18). С. 22–26.

Ильин С.Е. Метафизика взгляда. Этюды о скользющем и проникающем. СПб.: Алетейя, 2017. 576 с.

Камалиева И.Р., Невелева В.С. Доверие как основание отношения «врач – пациент» в современной медицине: философско-антропологическая интерпретация // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 4. С. 504–514. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-4-504-514>

Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства 1768 и 1769 году. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1795. Ч. 1. 554 с.

Маклюэн М., Фиоре К. Война и мир в глобальной деревне / пер. с англ. И. Летберга. М.: АСТ: Астрель, 2012. 224 с.

Селигмен А. Проблема доверия / пер. с англ. И.И. Мюрберг, Л.В. Соболевой. М.: Идея-Пресс, 2002. 256 с.

Филиппов А.Ф. Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2008. 290 с.

Филиппович Ю.С., Стрекалов Г.С. О некоторых особенностях феномена «культура отмены» // Коллекция гуманитарных исследований. 2021. № 1(26). С. 36–41. DOI: [https://doi.org/10.21626/jchr/2021-1\(26\)/5](https://doi.org/10.21626/jchr/2021-1(26)/5)

Фуко М. История сексуальности – III: Забота о себе / пер. с фр. Т.Н. Титовой, О.И. Хомы; под общ. ред. А.Б. Мокроусова. Киев: Дух и литера; Грунт; М.: Рефл-Бук, 1998. 288 с.

Фуко М. Рождение клиники / пер. с фр. А.Ш. Тхостова. М.: Смысл, 1998. 310 с.

Чеснокова Л.В. Приватность и публичность как социально-пространственные категории // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 2. С. 202–211. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-2-202-211>

Штомпка П. Доверие — основа общества / пер. с пол. Н.В. Морозовой. М.: Логос, 2012. 448 с.

Kaba R., Sooriakumaran P. The evolution of the doctor-patient relationship // International Journal of Surgery. 2007. Vol. 5, iss. 1. P. 57–65. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijssu.2006.01.005>

Lewis J., Weigert A. Trust as a Social Reality // Social Forces, 1985. Vol. 63, no. 4. P. 967–985. DOI: <https://doi.org/10.2307/2578601>

Silver A. Two Different Sorts of Commerce // Public and Private in Thought and Practice: Perspectives on a Grand Dichotomy / ed. by J. Weintraub, K. Kumar. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1997. P. 43–74.

Получена: 06.12.2021. Доработана после рецензирования: 20.03.2022. Принята к публикации: 15.05.2022

References

Afanas'evskiy, V.L. (2018). [«An archaeology of medical perception» by M. Foucault as criticism of the modern medical discourse]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh nauk* [Actual Problems of the Humanities and Socio-Economic Sciences]. No. 12(3), pp. 21–34.

Bilibenko, A.V. (2013). [Social anthropology of disease: D. Cooper, E. Goffman, F. Basalgia]. *Uchenye zapiski: elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes: The online academic journal of Kursk State University]. No. 4(28), pp. 105–110.

Bolotnikova, E.N. (2016). [Philosophical interpretation of the concept «care»: from «medicine» in antiquity to the «great to be» in the present]. *Nauchno-*

tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta.

Gumanitarnye i obschestvennye nauki [St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences]. No. 2(244), pp. 98–104. DOI: <https://doi.org/10.5862/jhss.244.12>

Chesnokova, L.V. (2021). [Privacy and publicity as socio-spatial categories]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 2, pp. 202–211. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-2-202-211>

D'yakov, A.V. (2010). *Mishel' Fuko i ego vremya* [M. Foucault and his time]. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 672 p.

Emel'yanenko, V.V. (2012). [The phenomenon of trust as the limit of intention in the views of Edmund Husserl]. *Nauka i biznes: puti razvitiya* [Science and Business: Ways of Development]. No. 12(18), pp. 22–26.

Filippov, A.F. (2008). *Sotsiologiya prostranstva* [Sociology of space]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 290 p.

Filippovich, Yu.S. and Strekalov, G.S. (2021). [Some features of cancel culture]. *Kollektsiya humanitarnykh issledovaniy* [The Collection of Humanitarian Studies]. No. 1(26), pp. 36–41. DOI: [https://doi.org/10.21626/j-chr/2021-1\(26\)/5](https://doi.org/10.21626/j-chr/2021-1(26)/5)

Foucault, M. (1998). *Istoriya seksual'nosti – III: Zabota o sebe* [The history of sexuality. Vol. 3: The care of the self]. Kiev: Dukh i Litera Publ., Grunt Publ., Moscow: Refl-Buk Publ., 288 p.

Foucault, M. (1998). *Rozhdenie kliniki* [The birth of the clinic]. Moscow: Smysl Publ., 310 p.

Il'in, S.E. (2017). *Metafizika vzglyada. Etyudy o skol'zyschem i pronikayuschem* [Metaphysics of eyesight. Etudes on sliding and penetrating]. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 576 p.

Kaba, R. and Sooriakumaran, P. (2007). The evolution of the doctor-patient relationship. *International Journal of Surgery*. Vol. 5, iss. 1, pp. 57–65. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijssu.2006.01.005>

Kamalieva, I.R. and Neveleva, V.S. (2019). [Trust as the basis of the «doctor – patient» relationship in modern medicine: philosophical and anthropological interpretation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 4, pp. 504–514. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-4-504-514>

Lepekhin, I.I. (1795). *Dnevnye zapiski puteshestviya doktora i akademii nauk ad'yutanta Ivana Lepekhina po raznym provintsiyam Ros-*

siyskogo gosudarstva v 1768 i 1769 godu [Daily notes of the travel of the doctor and the Academy of Sciences, adjunct Ivan Lepekhin to various provinces of the Russian state in 1768 and 1769].

St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., pt. 1, 554 p.

Lewis, J. and Weigert, A. (1985). Trust as a social reality. *Social Forces*. Vol. 63, no. 4, pp. 967–985. DOI: <https://doi.org/10.2307/2578601>

McLuhan, M. and Fiore, Q. (2012). *Voyna i mir v global'noy derevne* [War and peace in the global village]. Moscow: AST, Astrel' Publ., 224 p.

Seligman, A. (2022). *Problema doveriya* [Problem of trust]. Moscow: Ideya-Press Publ., 256 p.

Silver, A. (1997). Two different sorts of commerce. *J. Weintraub, K. Kumar (ed.) Public and Private in Thought and Practice: Perspectives on a Grand Dichotomy*. Chicago, IL: University of Chicago Press, pp. 43–74.

Sztompka, P. (2012). *Doverie — osnova obschestva* [Trust is a base of the society]. Moscow: Logos Publ., 448 p.

Vinogradova, E.V. (2016). [Communication factors of medical discourse affecting on «physician – patient» interaction]. *Meditinskiy diskurs. Voprosy teorii i praktiki: materialy 4 mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Tver', 14 aprelya 2016 g.)* [Medical Discourse. Issues of Theory and Practice: Proceedings of the 4th International Scientific and Practical Conference (Tver, April 14, 2016)]. Tver: TSMU Publ., pp. 12–18.

Vitch, R. (1994). [Models of moral medicine in the era of revolutionary changes]. *Voprosy filosofii*. No. 3, pp. 67–72.

Volokhova, N.V. (2000). [«The Way of Death» by L.N. Tolstoy (the category of death in his religious and moral philosophy)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya* [Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy]. No. 3, pp. 84–98.

Volokhova, N.V. (2015). [Ethics of life and ethics of death (based on the philosophical heritage of L.N. Tolstoy)]. *Problemy integratsii obrazovatel'nykh sistem Rossii i Belarusi v gumanitarnom khronotope postsovetskogo prostranstva* [Problems of integration of educational systems of Russia and Belarus in the humanitarian chronotope of the post-soviet spaces]. Kursk: SWSU Publ., Universitetskaya Kniga Publ., pp. 47–52.

Received: 06.12.2021. Revised: 20.03.2022. Accepted: 15.05.2022

Об авторе

Филиппович Мария Сергеевна

соискатель кафедры философии,
Курский государственный университет,
305000, Курск, ул. Радищева, 33;

ассистент кафедры социальной работы
и безопасности жизнедеятельности,
Курский государственный медицинский
университет,
305041, Курск, К. Маркса, 3;

e-mail: filippovichms@kursksmu.net
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7432-3660>
ResearcherID: G-7580-2017

About the author

Maria S. Filippovich

Graduate Student of the Department of Philosophy,
Kursk State University
33, Radischev st., Kursk, 305000, Russia;

Assistant Lecturer of the Department
of Social Work and Life Safety,
Kursk State Medical University
3, K. Marx st., Kursk, 305041, Russia

e-mail: filippovichms@kursksmu.net
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7432-3660>
ResearcherID: G-7580-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Филиппович М.С. Идея «археология взгляда» в процессе выстраивания доверия между пациентом и врачом // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 3. С. 406–415.
DOI: 10.17072/2078-7898/2022-3-406-415

For citation:

Filippovich M.S. [The idea of «archaeology of perception» in the process of trust creation between patient and physician]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 3, pp. 406–415 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-3-406-415

УДК 141.333

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-3-416-426

ДИНАМИКА ФИЛОСОФСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ И ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

Лоскутов Юрий Викторович

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

Философия в своей истории во многом предвосхищает классический, неклассический и постнеклассический типы научной рациональности. За последними угадывается нечто большее, чем варианты науки: эти типы соответствуют определенным стилям человеческого мышления вообще и определенным мировоззренческим позициям в частности. При анализе основного вопроса мировоззрения выявляется эволюция отношения человека к миру, которая рассматривается на примере концепций В.С. Степина, Г.С. Батищева, М.М. Прохорова, В.В. Кизимы, М.Г. Зеленцовой и В.А. Кутырева. Эта эволюция выражена в динамике философской мысли. В плане исторического становления мировая философия образует магистральную спиралевидную линию развития, проявляясь в формах классического, неклассического и постнеклассического философского мышления. Первое из них предполагает монолог мира, второе — монолог человека, а третье — их диалог. Поскольку этот диалог проходит при ведущей роли человека, постольку постнеклассическая философия антропоцентрична. Она обладает интегративным характером, т.к. включает классическую и неклассическую рациональности в качестве своих подчиненных моментов. Условием успеха практической деятельности выступает применение того или иного исторического типа рациональности к соответствующему ему типу систем: классической рациональности — к простым системам, неклассической — к сложным саморегулирующимся, постнеклассической — к сложным саморазвивающимся. Постнеклассическое мышление предполагает глубоко личностную и практически ориентированную позицию субъекта познания. На примере проблемы межформационного перехода от капитализма к посткапитализму рассматриваются особенности практического применения постнеклассического мышления к обществу как сложной, саморазвивающейся системе. Мышление классического типа, характерное для ленинизма, обусловило текущую неудачу межформационного перехода. Постнеклассическое понимание последнего состоит не в следовании навязанной извне общественной модели, а в свободной самодеятельности социальных субъектов.

Ключевые слова: постнеклассическая рациональность, антропоцентризм, диалог, практика.

THE DYNAMICS OF PHILOSOPHICAL RATIONALITY AND SOCIAL-HISTORICAL PRACTICE

Yuri V. Loskutov

Perm State University (Perm)

Philosophy in its history in many ways anticipates classical, nonclassical, and postnonclassical types of scientific rationality. Behind the nonclassical and classical types it is possible to see something more than variants of science. These types correspond to certain styles of human thinking in general and certain worldview positions in particular. The analysis of the main issue of worldview reveals the evolution of the human's attitude to the world, which is examined in the paper using the concepts of V.S. Stepin, G.S. Batishchev, M.M. Prokhorov, V.V. Kizima, M.G. Zelentsova, and V.A. Kutyrev as examples. This evolution is expressed in the dynamics of philosophical thought. In its historical development, the world philosophy forms the main spiral line of development, manifesting itself in the forms of classical, non-

classical, and postnonclassical philosophical thinking. The first of them implies a monologue of the world, the second one — a monologue of the human, and the third one — a dialogue between them. Since this dialogue takes place with the leading role of the human, postnonclassical philosophy is anthropocentric. It has an integrative character since it includes classical and nonclassical rationality as its subordinate moments. The condition for success of practical activity is the application of a particular historical type of rationality to the relevant type of systems: classical rationality — to simple systems, nonclassical rationality — to complex self-regulating systems, postnonclassical rationality — to complex self-developing systems. Postnonclassical thinking assumes a deeply personal and practically oriented position of the cognizer. Using the problem of the interinformational transition from capitalism to postcapitalism as an example, the paper examines the peculiarities of practical application of postnonclassical thinking to society as a complex, self-developing system. Classical-type thinking, characteristic of Leninism, has conditioned the current failure of the interinformational transition. The postnonclassical understanding of the latter consists not in following an externally imposed social model, but in the free self-activity of social subjects.

Keywords: postnonclassical rationality, anthropocentrism, dialogue, practice.

Введение

Каким образом рассмотрение типов научной рациональности может быть полезным для метафилософии? Метафилософский анализ основного вопроса мировоззрения (вопроса об отношении человека к миру как к предельной вещи) становится сегодня особенно актуальным благодаря постнеклассическим научным исследованиям различных отношений человека к вещам в сложных саморазвивающихся человекомерных системах. За классическим, неклассическим и постнеклассическим типами научной рациональности угадывается нечто большее, чем варианты науки: эти типы соответствуют определенным стилям человеческого мышления вообще и определенным мировоззренческим позициям в частности. Исторические типы научной рациональности репрезентируют исторические типы рациональности в целом (которая включает в себя, помимо научной, как минимум, художественную и философскую рациональность), поскольку простые, сложные саморегулирующиеся и сложные саморазвивающиеся системы можно познавать не только с помощью науки. Таким образом, рациональность в целом может подразделяться как по сфере применения (наука, искусство, философия), так и по своему историческому типу.

Понятия «классическая философия» и «неклассическая философия» давно признаны историко-философской мыслью. На очереди — связанное с ними понятие «постнеклассическая философия». Создатель концепции постнеклассической рациональности В.С. Степин отмечает правомерность концептуализации постнеклассической философии: такая философия,

включающая в себя классическую и неклассическую рациональность в снятом виде, призвана осуществлять рефлекссию над универсалиями культуры и вырабатывать их новые смыслы [Степин В.С., 2014, с. 13–14]. Классические, неклассические и постнеклассические черты характерны для философии с первых веков ее существования. Философия в своей истории во многом предвосхищает типы научной рациональности, т.к. любой философ тем или иным образом решает вопросы об отношении человека к разнообразным вещам, и прежде всего — основной вопрос мировоззрения [Лоскутов Ю.В., 2001].

Исторические типы рациональности связаны с практическим отношением человека к различным типам систем. Условием успеха практической деятельности выступает применение того или иного исторического типа рациональности к соответствующему именно ему типу систем: классической рациональности — к простым системам, неклассической — к сложным саморегулирующимся, постнеклассической — к сложным саморазвивающимся.

Мировоззренческие циклы

Мировоззренческая динамика замечена и отрефлексирована сходным образом (в виде констатации наличия мировоззренческих циклов) сразу несколькими философами: В.С. Степиным, Г.С. Батищевым, М.М. Прохоровым, В.В. Кизиной, М.Г. Зеленцовой, В.А. Кутыревым.

1) В.С. Степин кладет проблему человека в основание цикла философского познания: «И. Кант в свое время обозначил главные проблемы философии, которые сформулировал в виде вопросов: “что я могу знать?”, “что я дол-

жен делать?”, “на что я смею надеяться?” и “что есть человек?”. ... Чтобы решать вопрос какова природа познания (что я могу знать?) необходимо, согласно постнеклассической парадигме осмыслить историчность и социальную обусловленность познания. А это осмысление уже требует хотя бы первичного, самого общего представления о том, что есть человек. Но тогда поставленные Кантом вопросы должны восприниматься по-новому. Они предстают как проблемное поле, определяющее познавательный цикл, который многократно повторяется в процессе развития философского знания. Проблема “что есть человек?” выступает и как начальная и как завершающая стадия этого цикла» [Степин В.С., 2014, с. 17–18].

Таким образом, мировоззренческие циклы в концепции В.С. Степина разворачиваются целиком в рамках постнеклассической рациональности. Нижеследующие концепции мировоззренческих циклов фактически не ограничиваются этими рамками.

2) Г.С. Батищев начинает рассмотрение мировоззренческой диалектики с незрелого типа мировоззрения, который он именует «онтологизмом»: «В стихии преднайденного природного бытия человек с его культурой видится онтологизму как часть мирового целого, как частность, пусть интересная и существенная в своих границах, но не такого рода, чтобы ей, стоящей в ряду множества других частей-объектов, придавалось какое-то привилегированное значение. ... Слово предоставляется только бытию как таковому, которое само по себе безразлично к человеческому бытию. Онтологизм притязает быть именно изъятием самого бытия, монологом универсума» [Батищев Г.С., 2015, с. 337].

Строго говоря, название «онтологизм» является не совсем точным, ибо любая претендующая на теоретическую глубину философия должна быть онтологичной. Описанное Г.С. Батищевым мировоззренческое явление уместнее назвать «онтоцентризмом» в том смысле, что такое мировоззрение «центрируется» на действительности, на том, что уже актуально существует, в ущерб тому, что актуально еще не существует (и неизвестно, будет ли существовать). Сосредоточенность на том, что уже актуально есть, не позволяет концептуализировать социальную субстанцию, основным компо-

нентом которой выступает то, чего актуально нет, а именно содержание различных самоумножающихся социальных возможностей, выраженное в форме человеческих способностей и потребностей. Антропоцентризм является реалистической альтернативой онтоцентризму. При этом следует отличать антропоцентризм от антропоморфизма. Последний предполагает приписывание природным предметам сугубо человеческих свойств и свойственен прежде всего мифологическому мышлению. Научный антропоцентризм свободен от диктата антропоморфизма, он предельно реалистичен.

Кроме того, Г.С. Батищев (опять же не совсем точно, терминологически игнорируя специфику высшей, социальной субстанции) именует незрелое мировоззрение также и «субстанциалистическим подходом» или «субстанциализмом»: «Субстанциалистический подход означает и применительно к субъектному миру человека, к его духовности и к психической жизни позицию, которая исходно берёт под подозрение любое сложное и высокое его достояние или устремление. Он требует видеть в субъектном мире нечто само по себе неподлинное, но будто бы на самом деле обязательно детерминированное не иначе как снизу» [Батищев Г.С., 2015, с. 559].

Антитезисом «субстанциализма» выступает у Г.С. Батищева «анти-субстанциализм», при котором «асимметрия между миром и человеком сохранялась, но была повернута другим своим концом — человек сам был призван обрести субстанциальные характеристики и стать монополистом смысловой ценностной устремленности, подобно тому, как раньше мир диктовал ему смысл извне. Творческий монолизм самого человека — творца самого себя и своей судьбы — пришел на смену монолизму бессубъектного начала» [Батищев Г.С., 2015, с. 48].

В качестве своеобразного мировоззренческого «синтеза» у Г.С. Батищева постулируется следующее мировоззрение: «Выход мною был найден в обращении к междусубъектному подходу — полифонически-гармоническому ... Этот подход впервые дал возможность преодолеть равно и субстанциалистский бессубъектный мир, и анти-субстанциалистский закрытый субъективизм, а главное — преодолеть последовательно радикально общий их концептуаль-

ный “знаменатель” — антропоцентризм. В атмосфере между-субъектности монолизм уже не просто поворачивался той или другой своей стороной, но замещался поли-субъектностью, полифонией субъектных миров, из числа которых никто и никакая совокупность их не может притязать быть центром или вершиной бытия» [Батищев Г.С., 2015, с. 51].

3) С точки зрения М.М. Прохорова, все проявления человеческой субъектности «могут быть описаны тремя базисными абстракциями мироотношения, выражающими субъектную установку человека в мире. Так, творчество первобытного человека “растворялось” в естественном круговороте природы ... Такое творчество можно воспринимать как активную жизнь по обслуживанию мироздания, сервизм или “ухаживание” за миром, сказали бы древние, античные и восточные мудрецы, стремившиеся не нарушать гармонию мироздания своей деятельностью. Тем не менее, Новое время определило “итоговый смысл” подобной жизни как “созерцательное”, просто как пассивное саморастворение homo sapiens и его творчества, как их самоотрицание. ... Представители Нового времени выступили не просто с позиций активно-преобразовательского отношения человека-как-субъекта к миру, но довели активизм человека как субъекта до утверждения абсолютного характера своего творчества. ... Активистский тип мироотношения порождает субъективную потребность в переходе к концепции коэволюции, со-существования, со-развития человека с миром, обнаруживая тенденцию перехода к третьему типу отношения человека с миром. ... Коэволюции характерно стремление преодолеть “борьбу противоположностей” как общее, единое основание указанных альтернативных друг другу типов мироотношения» [Прохоров М.М., 2012, с. 142–143]. При этом в рамках коэволюционного мироотношения меняется приоритет одной из его сторон на паритет между обеими сторонами [Прохоров М.М., 1998, с. 23].

4) В.В. Кизима связывает типы мировоззрения с типами детерминации: «Причинно-кондициональная самодетерминация существенно отличается от традиционных типов детерминации — кондициональной в классической картине мира, где сущностные силы и поведение субъекта рассматривались как полно-

стью определяемые средой ... и причинной в неклассической, где субъект рассматривается как действующий определяющим, если не сказать репрессивным, образом на среду ... В причинно-кондициональной самодетерминации человек как сознательное существо решающим образом действует как причина, но его действия постоянно корректируются обратными, часто не контролируемыми им, как бы постоянно вразумляющими его кондициональными влияниями среды. ... Человек ... является центром гармонизации своих действий с миром, поскольку он сам есть его часть. Поэтому трансформации постнеклассических практик должны осуществляться в той степени и таким образом, чтобы непрерывно отслеживать данную гармонизацию и поддерживать ее. ... Таким образом, на место классических и неклассических практик, исходящих из противостояния человека и среды (“в пользу” среды в первом случае, и человека во втором), постнеклассические практики ставят ... соответствие человека и среды, человека и мира» [Кизима В.В., 2010, с. 58–59].

5) М.Г. Зеленцова называет классический мировоззренческий подход «онтологическим», а неклассический — «антропологическим»: «Как известно, в истории философии существовало два подхода к исследованию специфики бытия человека в мире. Первый подход — онтологический — акцентирует внимание на приобщенности человека к остальному бытию, к общему. Основой его является идея единства человека и мира как части и целого, зародившаяся еще в мифологическом сознании и прошедшая через всю историю развития философской мысли. Именно на этой идее концентрировало свое внимание классическое мышление Запада ... Новая, неклассическая философия выработала иной подход — антропологический ... В наибольшей степени он свойствен ряду направлений западной философии XX века, прежде всего персонализму и экзистенциализму. Однако, акцентируя внимание на индивидуально-личностном характере человеческого бытия, современное западное мышление, как правило, не может понять, а часто откровенно отрицает, возможность приобщения человека к бытию природы и социума, к общему. ... По-видимому, современная философия должна стремиться к диалектическому синтезу антропологического и

онтологического подходов в понимании человека» [Зеленцова М.Г., 2001, с. 83–84]. Правда, такой «синтез» М.Г. Зеленцова, вслед за Н.Г. Холодным, усматривает в неантропоцентричном «антропокосмизме» [Зеленцова М.Г., 2001, с. 162, 210–211], который, по сути, является вариацией первого («онтологического») подхода, и потому искомым синтезом на самом деле не является.

б) В.А. Кутырев называет исторические типы мировоззрения «смысложизненными ориентациями», имеющими следующие варианты: «созерцание», «деятельность», «общение». Они же: «молчание», «речь», «диалог» [Кутырев В.А., 1990, с. 121]. «Созерцание» соответствует традиционному обществу, «деятельность» — индустриальному, а «общение» — следующему за индустриальным этапу общественного развития [Кутырев В.А., 1990, с. 122–128].

Общим во взглядах всех этих философов является рассмотрение мировоззренческого цикла. Первым этапом такого цикла выступает в обозначенных концепциях, как правило, монолог мира, вторым — монолог человека, а третьим — их диалог. Вопрос об отношении человека к миру, разворачивающийся в мировоззренческом цикле, предполагает три основных варианта ответа, каждому из которых соответствует свой этап указанного цикла. Эти три варианта ответа выражены в истории философии и, соответственно, в классическом, неклассическом и постнеклассическом философском мышлении. Мировая философия развивается путем отрицания отрицания по циклам (в результате получается диалектическая интеллектуальная «спираль»).

Исторические типы философской рациональности

Каждый мировоззренческий цикл в вышеизложенных концепциях (за исключением концепции В.С. Степина) начинается с классического мышления, определяющей чертой которого является признание и оправдание диктата мира над человеком (монолог мира). Из классической философии исключен человек как субъект практической деятельности и самого философствования — исключен со всеми своими проблемами, переживаниями, способностями и потребностями. Точнее, все эти реальные предпо-

сылки философии не осознаются классическим мышлением. В классической философии человек рассматривается исключительно как объект философского исследования, подобный всем прочим его объектам. На место человека как единственного реального философствующего субъекта встает какой-нибудь мнимый субъект философствования, например, «абсолютная логическая идея» или «объективная истина». Сходным образом, выросшая из классического мировоззрения, классическая наука стремится построить абсолютно истинную картину природы, а характеристики субъекта познания из нее исключены. Соответственно, классическое искусство созерцательно и реалистично, оно стремится передавать действительность «такой, какая она есть». Типичные классические философы: милетцы, элеаты, Демокрит, Спиноза, Гегель, Энгельс.

В отличие от во многом антропоцентричной философии К. Маркса [Кондрашов П.Н., Любутин К.Н., 2011, с. 88], философия Ф. Энгельса как таковая носит во многом сциентистский характер. Именно через сциентизм Ф. Энгельса классическое мифоподобное мировоззрение проникло в «марксистско-ленинскую философию». Так, вместо «классического» заявления Ф. Энгельса «природа через человека осознает самое себя» [Энгельс Ф., 1961, с. 357], корректнее постнеклассически утверждать, что материя (а не природа) осознает себя лишь постольку, поскольку человек осознает себя и окружающий мир. Мысль Энгельса о познающей природе антропоморфна. Человек не тождественен природе или ее части, ибо он сложнее природы. Более того, он противостоит природе, а не только включает ее в себя. Онтоцентризм Энгельса выражается и в его убежденности в том, что Солнце погаснет и человечество непременно погибнет, но что затем материя снова с необходимостью породит человека [Энгельс Ф., 1961, с. 359, 363].

Следы классической рациональности можно обнаружить и у В.И. Ленина: «Старый, созерцательный материализм ориентировался прежде всего на познание мира, в центре его интересов была теория познания, гносеология. В какой-то мере его можно назвать поэтому гносеологическим материализмом. Соответственно, мир для него — всего лишь объект познания, существующий в своей природной завершенности и неза-

висимости от сознания. Такой взгляд обнаруживается у В.И. Ленина в известной работе “Материализм и эмпириокритицизм”. Если Ленин подчеркивал, вслед за Л. Фейербахом, прежде всего значение практики для теории познания, как “обслуживающей” познание, то, по словам В.М. Межуева, Маркс на первый план выводил роль практики как способа существования самой материальной действительности» [Прохоров М.М., 2005, с. 37]. В целом же «марксистско-ленинская» философская парадигма представляет собой причудливое переплетение классической, неклассической и постнеклассической рациональности.

Уязвимость классического мышления состоит в том, что картина мира непрерывно меняется. Нашим потомкам современные представления об окружающем мире будут казаться столь же нелепыми, как нам — представления о мире древних греков. Но, в отличие от древних греков, мы это точно знаем. Так стоит ли основывать философию с далеко идущими выводами только на данных опыта или естествознания, которые могут быть опровергнуты человеческой теорией и практикой уже через несколько десятков или сотен лет?

В рамках неклассики справедливо полагать, что не стоит. Типичные носители неклассического философского мышления: софисты, киники, Беркли, младогегельянцы, экзистенциалисты. Неклассическая наука вводит представление об активности субъекта познания. Неклассическое искусство (например, импрессионизм) стремится передать не собственные свойства объекта, а внутренние переживания субъекта, особенности его восприятия. Соответственно, неклассическая философия сосредотачивается на человеке как субъекте философствования, а не на объектах философского исследования. Хотя авторы концепции неклассической науки отказывают неклассической философии XX в. в наличии у последней самообитной рациональности [Мамардашвили М.К. и др., 1972, с. 32], все же думается, что, как минимум, в аналитической философии такая рациональность убедительно представлена. Неклассическая философия — это философский бунт, навязывание миру собственных представлений и оценок (монолог человека). Поэтому неклассика мало может дать для познания мира, но она является необходимым звеном в раз-

витии философии, ибо поворачивается лицом к человеку и его проблемам. Однако зачастую в неклассике не решаются эти проблемы постольку, поскольку не учитывается обратная реакция мира на действия человека.

Эта задача решается в постнеклассической философии, в которой по своей сути происходит налаживание диалога человека с миром. Инициатором такого диалога и его ведущей стороной является человек, ибо именно он философствует, задавая вопросы миру; данный диалог сам по себе антропоцентричен. Это обстоятельство, по сути, не учитывается сторонниками «полифонии» и «коэволюции», т.е. равенства человека и мира (например, Г.С. Батищевым, М.М. Прохоровым, М.Г. Зеленцовой). Диалог с природой возможен в форме деятельности: «Диалог, обмен информацией осуществляется через деятельность, через функции. Человек осуществляет деятельность, передает сообщение природе о неких новых условиях, которые он вводит взамен старых. Ответ природы может осуществляться через изменение ее функций, что в свою очередь человек или может принять, или нет. В зависимости от этого осуществляется новое “высказывание человека” в сторону природы» [Захарова О.В., 2014, с. 94]. Однако в постнеклассической рациональности прослеживается диалогичность и по отношению к другим людям. Если постнеклассическая наука построена на диалоге с природой и с другими учеными, то постнеклассическое искусство (компьютерные игры, квесты, акционизм) так же не является монологом: оно интерактивно, алгоритмично и предполагает совместную практическую деятельность. Типичные философские постнеклассики: Сократ, Маркс, Э. Фромм. К. Маркс, изучавший сложную саморазвивающуюся систему под названием «капиталистическая общественно-экономическая формация», является не только философским постнеклассиком, но и, наверное, первым в истории постнеклассиком в области частных наук. Постнеклассический учет объективных интересов и субъективных ценностей пролетариата, постнеклассическое выступление Маркса в науке не с «нейтральной» позиции, а от имени определенного классового субъекта, — это как раз то, что во многом и обеспечило как философское, так и частно-научное отражение в «Капитале» объективной социальной реальности.

В ситуации движения мысли как от онтологически низшего к онтологически высшему, так и обратно, философские понятия получают противоречивый, двойственный мировоззренческий характер, т.к. они формулируются в диалоге «человек–мир». Это является теоретическим отражением двойственного характера любого материального процесса развития, который обладает двумя уровнями сущности: непосредственным, более поверхностным (от низшего к высшему, от прошлого к будущему) и опосредованным, более глубоким (от будущего высшего обратно к настоящему низшему, от будущего к прошлому). В текущем межформационном переходе от капитализма к посткапитализму двойственный характер категорий имеет историческое значение: «Если труд следует понимать как скрывающий живой антагонизм между тем, чего мы хотим, и тем, что мы работаем под диктатом капитала, то и все категории следует понимать как скрывающие связанную с ними борьбу: это поля битвы, на которых мы все живем и умираем» [Holloway J., 2010b, p. 160].

Постнеклассическая рациональность интегративна, синтетична. В.С. Степин ясно заявляет об этом: «Возникновение каждого нового типа рациональности не приводит к исчезновению предшествующих типов, а лишь ограничивает сферу их действия. Научная рациональность на современной стадии развития науки представляет собой гетерогенный комплекс со сложными взаимодействиями между разными историческими типами рациональности. ... Онтологическая первичность саморазвивающихся систем, включенность в них фрагментов и аспектов, которые могут интерпретироваться как сложные саморегулирующиеся и простые системы, определяет преемственность идеалов и норм и философских оснований классической, неклассической и постнеклассической науки» [Степин В.С., 2013, с. 55–56]. В.Ю. Кузнецов справедливо отмечает преимущество постнеклассических подходов, которое состоит в том, что они позволяют одновременно концептуализировать различные позиции, включая классические и неклассические, тогда как классическая рациональность подобного преимущества лишена [Кузнецов В.Ю., 2014, с. 153].

Для современного теоретического мышления настоятельно требуется, чтобы мировоз-

зренческий цикл протекал при условии отказа от начального уподобления мифологической картине мира, а также быстро, в сжатом виде и с наименьшими интеллектуальными издержками, т.е., желательнее, в голове одного человека. И этим человеком может быть только обладатель постнеклассического мышления, начинающий мировоззренческий цикл не с вопроса о сущности мира, а с вопроса о сущности человека, т.е. с анализа высшего, на что и указывает В.С. Степин в своей концепции мировоззренческого цикла.

Постнеклассическое мышление и общественно-историческая практика

Если практическое применение классической рациональности нередко приводит к недооценке человеческой субъектности, а неклассической, наоборот, к волюнтаризму, то постнеклассика по своей диалогичной природе нацелена на преодоление двух указанных крайностей. Постнеклассическое мышление предполагает особую — глубоко личностную и практически ориентированную — позицию субъекта познания. Постнеклассическое познание — это поступки человека или группы людей, практически изменяющие сложную саморазвивающуюся человекомерную систему. Это практическое изменение системы происходит «изнутри» потому, что познающие субъекты сами являются ее элементами. Оно диалогично и алгоритмично, т.к. учитывает существенные обратные связи в системе.

Человечество находится в очередном межформационном кризисе, который сегодня выражается в том, что существование человека при позднем капитализме далеко не в полной мере соответствует человеческой сущности. Межформационный переход как разрешение межформационного кризиса — это комплексная теоретическая и практическая проблема, которая служит одной из основных моделей практического применения постнеклассического мышления.

Ленинское понимание межформационного перехода было выдержано в духе «старой доброй» классической рациональности, в духе просветительского понимания общества как единого «часового механизма»: «Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы. Но эта “фаб-

ричная” дисциплина, которую победивший капиталистов, свергнувший эксплуататоров пролетариат распространит на все общество, никоим образом не является ни идеалом нашим, ни нашей конечной целью, а только ступенькой, необходимой для радикальной чистки общества от гнусности и мерзостей капиталистической эксплуатации и для дальнейшего движения вперед» [Ленин В.И., 1969, с. 101–102]. «Ступенька», однако, оказалась слишком непрочной. В Советском Союзе действительно сложили всю экономику, политику и культуру «в одну корзину». Результатом пренебрежения народной мудростью о корзине и яйцах стал крах советского социалистического проекта как сложной саморазвивающейся системы.

Постнеклассическое (т.е. аутентичное марксистское) понимание межформационного перехода состоит не в следовании навязанной общественной модели, а в свободной самостоятельности, цель которой «растворена в процессе становления общественных индивидов, а не предпосылаема им и их разуму как нечто внешнее» [Коряковцев А.А., 2021, с. 286].

Яркий пример постнеклассического понимания связи социальной теории и общественно-исторической практики — позиция близкого к марксизму современного ирландского философа и социолога Джона Холлоуэя: «Очень важно понять, что критика буржуазной теории — это не просто критика “их”. Это также, и, возможно, прежде всего, критика “нас”, буржуазного характера наших собственных предположений и категорий, или, более конкретно, критика нашего собственного соучастия в воспроизводстве капиталистических властных отношений. Критика буржуазной мысли — это критика разделения субъекта и объекта в нашей собственной мысли» [Holloway J., 2010a, p. 53]. Помимо прочего, Дж. Холлоуэй избирает мишенью своей критики представления об объективности, сложившиеся в науке классического типа и распространенные в западном гуманитарном мышлении: «В теории общества теоретик стремится объективно взглянуть на общество и понять его функционирование. Идея “теории” предполагает дистанцию между теоретиком и объектом теории. Понятие теории общества основано на ... идее, что знающий субъект может стоять вне объекта исследования, может смотреть на человеческое общество

с точки зрения на Луне. Только на основе этого позиционирования знающего субъекта как внешнего по отношению к изучаемому обществу можно сформулировать понимание науки как объективности» [Holloway J., 2010a, p. 135]. Такая — «классическая» — объективность на самом деле препятствует адекватному отражению реальности: «Академическая наука дает нам язык и способ мышления, которые затрудняют выражение нашего крика. Крик, если он вообще появляется, появляется как нечто, что нужно объяснить, а не как нечто, что нужно артикулировать. Крик, из предмета наших вопросов об обществе, становится объектом анализа. Почему мы кричим? Или, скорее, поскольку мы теперь социологи, почему кричат они? ... Будучи оторванным от “нас” и спроецированным на “них”, крик исключается из научного метода. Когда мы становимся социологами, мы узнаем, что путь к пониманию заключается в объективности, в том, чтобы отбросить собственные чувства» [Holloway J., 2010a, p. 3]. Дж. Холлоуэй не использует термин «постнеклассическая рациональность» (что не удивительно, т.к. данный термин ведет свое происхождение не из западной, а из русской философии), но при этом фактически следует представлениям о высшей, постнеклассической, объективности: «Мы не можем начать ни с чего другого, кроме как с наших собственных мыслей и наших собственных реакций. ... Преимущество начала с “мы”, а не с “оно” заключается в том, что мы открыто сталкиваемся с вопросом, который должен лежать в основе любого теоретического утверждения, но который редко рассматривается: кто мы, делающие это утверждение? ... Мы — мухи, попавшие в паутину. Мы начинаем с запутанного беспорядка потому, что другого места для начала нет. Мы не можем начать, притворяясь, что стоим вне диссонанса нашего собственного опыта — потому, что это было бы ложью. Как мухи, пойманные в паутину социальных отношений, не поддающихся нашему контролю, мы можем лишь попытаться освободиться, перегрызая нити, которые нас держат в плену. ... Любое исследование паутины, которое не начинается с того, что муха попала в нее, просто не соответствует действительности» [Holloway J., 2010a, pp. 4–5].

К. Маркс и Ф. Энгельс связывают межформационный переход с присвоением индивидами всей совокупности производительных сил [Маркс К., Энгельс Ф., 1955, с. 69]. С одной стороны, здесь подразумевается реальное, совместное, профессиональное овладение всеми средствами производства (для чего последние должны быть до некоторой — даже сегодня пока не достигнутой — степени развиты и объединены между собой). С другой стороны, подразумевается присвоение человеком самого себя как главной производительной силы [Маркс К., 1968, с. 403]. В этой связи сразу вспоминается классическая работа Эриха Фромма «Человек для самого себя», в которой раскрывается понятие социального характера.

Указанное присвоение не утопично. Сегодня формируется новый класс, состоящий из представителей всеобщего (универсального) труда, в деятельности которых умственное не противопоставлено физическому, в силу чего этот класс потенциально способен воплотить в действительность целостный характер человеческой сущности, потенциально способен как присвоить всю совокупность средств производства, так и присвоить самого себя. Для нового класса, состоящего из целостных людей (которые только сейчас получают возможность реализовать себя как класс), для этих потенциальных выразителей подлинно человеческой реальности антагонистом выступает вся та реальность, которая является античеловеческой, овещенной, а не противоположный класс (у нового класса нет обязательного классового антагониста).

Вывод

Философией нового класса представителей всеобщего труда должна выступать постнеклассическая философия — философия целостного человека, налаживающего диалог с миром. Акцент на классической или неклассической рациональности в условиях обострения глобальных проблем современности означает повышенный риск практического краха межформационного перехода и, соответственно, краха всемирной истории человечества.

Список литературы

Батищев Г.С. Избранные произведения. Алматы: Ин-т философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2015. 880 с.

Захарова О.В. Как возможен диалог с природой? // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 25(354). Философия. Социология. Культурология. Вып. 35. С. 94–97.

Зеленцова М.Г. Монистическая парадигма философского понимания мира и человека: дис. ... д-ра филос. наук. Иваново, 2001. 283 с.

Кизима В.В. Постнеклассические практики: рефлексивность и управление // Вопросы философии. 2010. № 3. С. 54–65.

Кондрашов П.Н., Любутин К.Н. Анализ наиболее распространенных мифов о философии Маркса // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2011. Вып. 11. С. 80–97.

Коряковцев А.А. Диалектический синтез в социальной теории К. Маркса // Маркс утраченный и Маркс обретенный / под науч. ред. А.А. Коряковцева. М.; Екатеринбург: ИФиП УрО РАН: Кабинетный ученый, 2021. С. 280–296.

Кузнецов В.Ю. Единство мира в постнеклассическую эпоху (к постановке проблемы) // Вопросы философии. 2014. № 12. С. 150–160.

Кутырев В.А. Человек в мире: типы смысло-жизненных ориентаций // Общественные науки. 1990. № 2. С. 119–133.

Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. М.: Политиздат, 1969. Т. 33. С. 1–120.

Лоскутов Ю.В. Современная философия: на пути к постнеклассической парадигме // Человек и общество: на рубеже тысячелетий. Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2001. Вып. 9–10. С. 156–159.

Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии // Философия в современном мире. М.: Наука, 1972. С. 28–94.

Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1968. Т. 46, ч. 1. С. 3–510.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 3. С. 7–544.

Прохоров М.М. О предельных основаниях человеческого бытия // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 1998. Вып. 2. С. 19–25.

Прохоров М.М. Отрицание субстанциальности в философии // Мировоззренческая парадигма в философии: категориальный анализ / под ред. М.М. Прохорова. Н. Новгород: ВГИПА, 2005. С. 19–67.

Прохоров М.М. Принцип единства (взаимосвязи) бытия и истории в философском мировоззрении // *Философия и космология* – 2011. Полтава: Полтавський літератор, 2012. С. 107–148.

Степин В.С. Проблема системности и преемственности в развитии философского знания // *Философские науки*. 2014. № 12. С. 7–19.

Степин В.С. Типы научной рациональности и синергетическая парадигма // *Сложность. Разум. Постнеклассика*. 2013. № 4. С. 45–59.

Энгельс Ф. Дialeктика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1961. Т. 20. С. 339–628.

Holloway J. *Change the World without Taking Power*. London; N.Y.: Pluto Press, 2010. 296 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctt183p7t9>

Holloway J. *Crack Capitalism*. London; N.Y.: Pluto Press, 2010. 320 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctt183p362>

Получена: 03.07.2022. Принята к публикации: 23.08.2022

References

Batischev, G.S. (2015). *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Almaty: IPPARC Publ., 880 p.

Engels, F. (1961). [Dialectics of nature]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 20, pp. 339–628.

Holloway, J. (2010). *Change the world without taking power*. London, New York: Pluto Press, 296 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctt183p7t9>

Holloway, J. (2010). *Crack capitalism*. London, New York: Pluto Press, 320 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctt183p362>

Kizima, V.V. (2010). [Postnonclassical practices: Reflexivity and control]. *Voprosy Filosofii*. No. 3, pp. 54–65.

Kondrashov, P.N. and Lyubutin, K.N. (2011). [An analysis of the most common myths about Marx's philosophy]. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk* [Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. Iss. 11, pp. 80–97.

Koryakovtsev, A.A. (2021). [Dialectical synthesis in Marx's social theory]. *Marks utrachennyi i Marks obretennyi* [Marx lost and Marx found]. Moscow, Yekaterinburg: Kabinetnyy Uchenyy Publ., IPL UB RAS Publ., pp. 280–296.

Kutyrev, V.A. (1990). [Man in the world: Types of meaning-life orientations]. *Obshchestvennye nauki* [Social Sciences]. No. 2, pp. 119–133.

Kuznetsov, V.Yu. (2014). [The unity of the world in the post-neoclassical era (toward a problem statement)]. *Voprosy Filosofii*. No. 12, pp. 150–160.

Lenin, V.I. (1969). *Gosudarstvo i revolyutsiya* [The state and revolution]. *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t.* [Lenin V.I. Complete works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 33, pp. 1–120.

Loskutov, Yu.V. (2001). [Modern philosophy: Toward a postnonclassical paradigm]. *Chelovek i obshchestvo: na rubezhe tysyacheletiy* [Man and Society: At the Turn of the Millennium]. Voronezh: VSPU Publ., iss. 9–10, pp. 156–159.

Mamardashvili, M.K., Solov'ev, E.Yu. and Shvyrev, V.S. (1972). [Classics and modernity: Two epochs in the development of bourgeois philosophy]. *Filosofiya v sovremennoy mire* [Philosophy in today's world]. Moscow: Nauka Publ., pp. 28–94.

Marx, K. (1968). [Economic manuscripts of 1857–1859]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 46, p. 1, pp. 3–510.

Marx, K. and Engels, F. (1955). [German ideology]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 3, pp. 7–544.

Prokhorov, M.M. (1998). [On the ultimate foundations of human being]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Tambov University Review. Series: Humanities]. Iss. 2, pp. 19–25.

Prokhorov, M.M. (2005). [The denial of substantiality in philosophy]. *Mirovovzrencheskaya paradigma v filosofii: kategorial'nyy analiz* [The worldview paradigm in philosophy: a categorical analysis]. Nizhny Novgorod: VSIPA Publ., pp. 19–67.

Prokhorov, M.M. (2012). [The principle of unity (relationship) of being and history in the philosophical worldview]. *Filosofiya i kosmologiya – 2011* [Philosophy and Cosmology – 2011]. Poltava: Poltavskyy literator Publ., pp. 107–148.

Stepin, V.S. (2013). [Types of scientific rationality and the synergetic paradigm]. *Slozhnost'. Razum. Postneklassika* [Complexity. Reason. Post-neoclassical]. No. 4, pp. 45–59.

Stepin, V.S. (2014). [The problem of systematicity and continuity in the development of philosophical knowledge]. *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences]. No. 12, pp. 7–19.

Zakharova, O.V. (2014). [How is dialogue with nature possible?]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of Chelyabinsk State University]. No. 25(354), pp. 94–97.

Zelentsova, M.G. (2001). *Monisticheskaya paradigma filosofskogo ponimaniya mira i cheloveka*:

dis. ... d-ra filos. nauk [The monistic paradigm of philosophical understanding of the world and man: dissertation]. Ivanovo, 283 p.

Received: 03.07.2022. Accepted: 23.08.2022

Об авторе

Лоскутов Юрий Викторович

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: yuri-loskutov@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4837-5931>
ResearcherID: ABB-7195-2021

About the author

Yuri V. Loskutov

Candidate of Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: yuri-loskutov@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4837-5931>
ResearcherID: ABB-7195-2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Лоскутов Ю.В. Динамика философской рациональности и общественно-историческая практика // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 3. С. 416–426.

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-3-416-426

For citation:

Loskutov Yu.V. [The dynamics of philosophical rationality and social-historical practice]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 3, pp. 416–426 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-3-416-426

УДК 141.82:301

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-3-427-440

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ЭТНОСА И ПЕРСПЕКТИВА ЕЕ ФИЛОСОФСКОГО УГЛУБЛЕНИЯ

Корякин Вячеслав Владимирович

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

Строившаяся на материалистических основаниях советская этнография столкнулась во второй половине XX в. с трудностями определения этноса. Традиционно понимая его как совокупность разного рода социальных общностей (экономической, территориальной, языковой, культурной, психической), она не смогла объяснить несовпадения их границ и выделить в них собственно этническое содержание. Данные трудности были вызваны, прежде всего, эвристической ограниченностью господствовавшей абстрактно-всеобщей диалектико-материалистической теории, способной ухватить в развитии лишь общее за вычетом всего многообразия особенного и единичного. Этнос — конкретное явление, представляющее собой единство общих, особенных и единичных сторон социальной действительности. Определение его сущности возможно лишь при углублении материалистической теории, переходе к конкретно-всеобщей диалектике, описывающей в развитии как общее, так и сжатом, обобщенном виде все многообразие особенного и единичного. Наиболее перспективным вариантом данного углубления может стать определение этничности на основе диалектики родовой и индивидуальной человеческой сущности. С учетом данной сущности этнос можно определить как отдельное общество, воспроизводящее себя как человечество для себя и других. Данное определение позволяет раскрыть этнос как единство не совпадающих между собой сторон общественной жизни (различных социальных общностей), проявляющееся в единстве основных тенденций развития (дифференциации и интернационализации), направленное на производство общекультурных ценностей.

Ключевые слова: этнос, социальная общность, родовая и индивидуальная человеческая сущность, исторический материализм, диалектика.

RUSSIAN EXPERIENCE IN BUILDING THE MATERIALIST CONCEPT OF ETHNOS AND THE PROSPECT OF ITS PHILOSOPHICAL

Vyacheslav V. Koryakin

Perm State University (Perm)

In the second half of the 20th century, Soviet ethnography, built on materialistic foundations, encountered difficulties in defining an ethnos. Traditionally understanding it as a combination of various kinds of social communities (economic, territorial, linguistic, cultural, mental), it could not explain the discrepancies in their boundaries and identify their ethnic content as such. These difficulties were caused, first of all, by the heuristic limitations of the prevailing abstract-universal dialectical-materialist theory, capable of grasping in development only the general, neglecting the entire variety of the special and the individual. Ethnos is a concrete phenomenon, representing a unity of common, special, and individual aspects of social reality. The definition of its essence is possible only with the deepening of materialist theory, the transition to concrete-universal dialectic, which describes in development both the general and the compressed, generalized form of the entire diversity of the special and the individual. The most promising version of this deepening may be seen in the definition of ethnicity based on the dialectic of the generic and individual human essence.

Given this essence, an ethnos can be defined as a separate society that produces itself as humanity for itself and others. This definition allows us to present ethnos as a unity of non-coinciding aspects of social life (various social communities) manifested in the unity of the main development trends (differentiation and internationalization) aimed at the production of common cultural values.

Keywords: ethnos, social community, generic and individual human essence, historical materialism, dialectic.

История описания народов и осмысления их своеобразия восходит к глубокой древности, однако предметом научного исследования они становятся лишь по мере формирования буржуазных наций Западной Европы. Первоначально в XVIII в. народы исследовались в рамках философско-исторической рефлексии (Д.Б. Вико, И.Г. Гердер, Г. Гегель), с конца 20-х гг. XIX в. они стали предметом частно-научного описания и теоретического обобщения (В. Эдвардс, А.-М. Ампер, П.Й. Шафарик, Л. Морган, Р. Бек, Л. Нидерле). На ранних этапах развития наук об этносах (этнологии и этнографии) главной проблемой стало выделения важнейших характеристик народов как особого рода общностей. Разные авторы в перечень таковых включали: язык, территорию компактного проживания, особенности быта (например, тип жилища, национальный костюм), особенности характера, физиологии, духовной традиционной культуры (исторические предания, обычаи, поверья, приметы), самосознание. К началу XX в. были выработаны устойчивые дефиниции этноса, в которых четко стала проследиваться философская партийность авторов, что свидетельствовало, с одной стороны, о концептуальном оформлении различных течений этнологии и этнографии, а с другой — о появлении фундаментальных теоретических оснований для дискуссии в области этно-знания.

Среди конкурирующих концепций этноса (точнее, нации) начала XX в. особо следует выделить две (О. Бауэра и К. Каутского), которые оказали преимущественное влияние на становление, во всяком случае официальной, отечественной материалистической (марксистской) этнографии. О. Бауэр, характеризуя нацию, сделал акцент на общности психологического склада ее представителей; К. Каутский — на общности экономической жизни и связанной с нею общности территории, языка, исторического происхождения. В.И. Ленин однозначно определял философскую партийность данных концепций: О. Бауэра — как идеалистическую, К. Каутского — как материалистическую. Написавший в 1913 г. работу «Марксизм и нацио-

нальный вопрос», И.В. Сталин, по сути, дополнил данное К. Каутским определение нации признаком, фигурирующим в качестве главного в дефиниции О. Бауэра, — общностью психологического склада [Крюков М.В., 1989, с. 7–9]. В итоге получилось известное определение нации как «исторически сложившейся устойчивой общности людей, возникшей на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющейся в общности культуры» [Сталин И.В., 1946, с. 296]. С выходом в свет «Краткого курса истории ВКП(б)» (1938), в который по письменному указанию И.В. Сталина был внесен раздел «Сталин и национальный вопрос», данное определение стало единственно допустимым и, как следствие, отправным в любых этнографических исследованиях советских авторов на долгий период времени.

Стоит отметить, что само по себе сталинское определение нации, которое, кстати, было впоследствии распространено на все исторические формы этноса, нельзя квалифицировать как сугубо материалистическое. Таковым оно может стать лишь в процессе его интерпретации на основе общей марксистской концепции общества и исторического процесса. Как и всякое частное научное определение, оно носит перечислительный характер. А главной проблемой перечислительных определений является отсутствие понимания определяемого предмета как целостности, как системы. Целостное понимание предмета может сложиться лишь при выделении его основы, главного интегрирующего признака или свойства, все прочие свойства, по отношению к которому будут вторичны и, соответственно, выводимы из него. Перечислительное определение предмета создает видимость равнозначности всех его сторон и потому возможность различных философских его интерпретаций, как монистических, так и плюралистических. Сталинское определение нации вполне можно интерпретировать в русле лингвистического поворота, делая акцент на обязательном наличии общности языка (а сам язык можно трактовать как в мате-

риалистическом, так и идеалистическом духе), можно в духе субъективизма, абсолютизируя значение психического склада, но и в материалистическом ключе тоже, подчеркивая базисный характер экономической жизни. Ведущей тенденцией в развитии советской этнографии стало стремление увязать нейтральное касательно философской партийности перечислительное определение этноса с господствовавшей в СССР марксистско-ленинской материалистической философией.

Впрочем, легко обнаруживается и обратная весьма ощутимая тенденция развития всей советской гуманитарной науки: стремление решить проблему определения любых особенных социальных явлений, минимизируя обращение к историческому материализму (нередко путем его упрощения, предельно абстрактного толкования) или вообще в обход его. Стремление сделать этнос предметом исключительно частной науки к концу советской эпохи обусловило возможность альтернативных марксизму философских интерпретаций этнографических обобщений. Данная тенденция четко проявилась в ходе дискуссий о предмете и месте этнографии в системе наук, проходивших в 20–30-е, а затем в 60–70-е гг. прошлого века [Бромлей Ю.В., Крюков М.В., 1987, с. 45–49].

Этнография и этнология — частные гуманитарные науки. Не важно, сводится ли этнознание к определенной частной науке (например, исторической), как это было в советской этнографии в 30-е гг. XX в., или к комплексу частных наук, как это стало в отечественной этнографии начиная с 60-х гг. и всегда было в этнологии, ее предметом всегда является особенное социальное явление, а не общество в целом и общее в нем. В рамках особенного сущность предмета, его субстанцию, субстанциальные свойства, интегрирующие признаки раскрыть невозможно, а стало быть, и дать ему содержательное (а не перечислительное) определение. Сущность предмета раскрывается лишь через общее в связи со всем многообразием особенного. Физик, к примеру, никогда не сможет определить сущность физической реальности, не обратившись к материи в целом, к мировому процессу как эволюционной последовательности форм материи, не выделив общего и особенного в ряду этих форм. Точно так же этнограф никогда не схватит сущности этнического, минуя проблему сущности человека и обще-

ства, исторического процесса, не сопоставив этнос с прочими формами человеческой общности посредством обнаружения общего и особенного в них, да еще и в исторической перспективе. Общее является предметом философии. Союз частных гуманитарных наук (в т.ч. этнографии) и социальной философии — единственный путь к содержательному теоретическому пониманию любых социальных явлений.

Общетеоретическая проработка проблемы сущности этноса на основе социально-философского материализма активизировалась в отечественной науке со смертью И.В. Сталина и усилилась в 60-е гг. XX в. Шла она в нескольких взаимосвязанных планах. Главным планом исследования стала проблема определения границ и специфики этнической общности в отличие от прочих форм человеческой общности и в связи с ними. В 1966 г. в журнале «Вопросы истории» развернулась дискуссия о понятии нации, которая приобрела более широкий план (о понятии этноса), с 1967 г. переключившись на страницы журнала «Советская этнография». Первоначально центральной темой стал вопрос о соотношении исторической и этнической общностей людей. Как историческую общность людей этнос традиционно определяли советские философы [Алексеев В.В., 1962; Архангельский Л.М., 1961; Минаков Э.И., 1961]. Первыми стали активно использовать понятие этнической общности М.Г. Левин и Н.Н. Чебоксаров [Очерки общей этнографии..., 1957, с. 10]. Справедливо отмечая, что любая человеческая общность исторична (развивается), этнографы пришли к выводу, что критерий исторической общности недостаточен для определения специфики этноса [Козлов В.И., 1967, с. 100].

Надо заметить, что в материалистической литературе до сих пор имеется путаница в интерпретации понятия историческая общность или историческая форма общества. В строгом (и первоначальном) смысле исторической формой общества с позиции марксизма является общественная формация (первобытная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая, коммунистическая). Разбираясь с этнической историей, советские авторы ввели специфический ряд терминов для обозначения ее этапов (племя, народность, нация) и затем долго пытались привести этот второй ряд понятий в соответствие с формационной схемой с весьма неоднозначными результатами (племя, рабовладельческая, фе-

одальная, буржуазная и социалистическая народность, буржуазная и социалистическая нация) [Агаев А.Г., 1965, с. 65–66; Бромлей Ю.В., 1972; 1983, с. 234, 247, 255, 275–276, 297; Козлов В.И., 1986; Крюков М.В., 1986; Марков Г.Е., 1986; Очерки общей этнографии..., 1957; Першиц А.И., 1986; Решетов А.М., 1986; Семенов Ю.И., 1986; Токарев С.А., 1964, с. 49–52; Чебоксаров Н.Н., 1967, с. 102]. В результате теория нации трансформировалась в общую теорию этноса, в которой нация стала рассматриваться как историческая форма этноса (особенное), характерная для капиталистического и социалистического типа общества, по отношению к этносу как общему. Интерпретация этноса как исторической общности позволяет уяснить его формационную принадлежность, однако предельно абстрактное толкование формации делает этносы, принадлежащие к одной ступени общественного развития, тождественными, неразличимыми для теории. О буржуазных нациях, например, с такой позиции ничего нельзя сказать, кроме того, что они буржуазные, в них не обнаруживается ничего специфического этнического (английского, французского, русского и т.д.). Ситуация могла бы сложиться иначе, если бы советские этнографы углубились в теорию общественной формации и дали бы ей более содержательное (конкретно-всеобщее) толкование, учитывающее как общее, так и в обобщенном виде все многообразие особенного в развитии общества. Именно по этому пути пошла советская историческая наука начиная с 60-х гг., не доведя, впрочем, дело до конца. Во всяком случае, советские историки, занимаясь проблемами типологии, смогли пусть на уровне описания определить специфику формационного развития отдельных стран, народов, больших регионов. Однако загадочным образом этнографы оставили практически без внимания эти наработки своих соотечественников.

Проблема соотношения исторической и этнической общностей людей, при решении которой акцент ставился преимущественно на вопросе исторической определенности этноса, его стадийном многообразии, практически сразу обнаружила не менее важную сторону — проблему видового этнического многообразия, т.е. многообразия обществ, находящихся на одной стадии исторического развития. Определение этнической общности, которое предполагало бы в себе как общее, так и все многообразие осо-

бенного (стадиального и видового) этнической жизни, стало движущей целью развития отечественной этнографии второй половины XX в.

Руководствуясь перечислительным определением этноса, сводящим народ к простой совокупности различных форм человеческой общности (территориальной, хозяйственной, анатомо-физиологической, политической, социально-психической, языковой, религиозной, культурно-бытовой, самосознания и т.д.), этнология и этнография уже в момент своего зарождения обнаружили факты несовпадения данных форм в жизни многих народов. Одни народы были лишены территориальной общности (например, евреи), другие — языковой (ирландцы), третьи — религиозной (сербы и боснийцы, немцы), четвертые — анатомо-физиологической (немецкие, кавказские, эфиопские евреи), пятые — политической (немцы до 1871 г. и в период 1949–1990 гг.). Известны случаи и отсутствия всех форм общности, кроме общности самосознания (евреи), притом что самосознание вследствие его субъективной, идеальной природы — признак весьма подвижный и неоднозначный (объективно принадлежат к определенному народу, человек может отождествлять себя с другим этносом). Ситуация существенным образом осложнялась при анализе этнической определенности диаспор. Ближайшим следствием подобных затруднений стало стремление отечественных этнографов сузить или расширить известное сталинское определение этнической общности, что, впрочем, сути проблемы не решало. Свообразным итогом поиска исчерпывающего определения этноса можно считать вывод С.А. Токарева о том, что ни один из признаков общности не может являться обязательным для этноса, а число признаков может варьироваться от одного до нескольких (в ряду последних автор выделил общность происхождения, языка, территории, государственной принадлежности, экономических связей, культурного уклада, религии) [Токарев С.А., 1964].

Невозможность свести этнос к простой совокупности различных форм человеческой общности или к одной из них побудила некоторых ведущих советских теоретиков к выделению этничности как специфической общности в ряду прочих. В 60-е гг. стала активно обсуждаться проблема соотношения понятий «социальная общность» (отдельное общество) и «этническая общность». Ю.И. Семенов справедливо отметил,

что перечисляемые признаки этноса в строгом смысле не являются этническими, это признаки общества в целом и отдельного общества. Для обозначения отдельного общества автор ввел используемый впоследствии многими отечественными исследователями термин «социор» (социальный организм) [Семенов Ю.И., 1966]. По мнению В.И. Козлова, социор представляет собой сложное иерархизированное целое, систему общностей разного уровня (базисных и надстроечных), существование которого определяется тремя взаимосвязанными процессами производства материальных благ, человеческой биологии и социокультурных ценностей. Этническая общность является одним из уровней организации социора. Ее обязательными признаками являются общность языка, территории, экономики и психологического склада [Козлов В.И., 1967, с. 103–111].

Примечательно, что В.И. Козлов, подчеркивая несовпадение социора и этнической общности, тем не менее не смог выявить никаких собственно этнических характеристик, несводимых к признакам социора или, как минимум, выделить их специфическую этническую форму. Впоследствии автор выпустил серию статей, посвященных проявлению этнической общности в различных ее признаках, добавив к их числу культуру и самосознание [Козлов В.И., 1970, 1971, 1974, 1979]. В данных работах, если их содержание брать обще и не без упрощений, автор пришел к выводу, что этнические границы различных типов общностей (территориальной, экономической, культурной и т.д.) друг с другом не совпадают, а наибольшую интенсивность этническое проявляет на уровне надстроечных явлений (в культуре). Наиболее важным в плане перспектив развития материалистической теории этноса стоит считать общее стремление автора схватить специфическую этническую форму реализации признаков социора, притом что сама специфика этой формы так и осталась без определения. К примеру, понятие этнического самосознания содержательную отсылку дает к самосознанию (его можно строго определить в философских дефинициях), тогда как понятие этнического дает отсылку к эмпирически наблюдаемым феноменам национальной жизни, которые можно лишь описать путем их простого перечисления, но нельзя вскрыть их содержательного специфического единства.

Выявляя на уровне описания этническую специфику признаков социора, отечественные этнографы еще в середине XX в. столкнулись с проблемой несовпадения этнических границ, разведенных по разным признакам этноса, которую стоит считать частным случаем проблемы отношения отдельного общества и этнической общности. Было обнаружено, что границы распространения этнического языка в точности, а иногда существенно не совпадают с границами этнической территории. Границы этнической политической организации — с этническими границами экономики и т.д. В принципе все этнические границы не совпадают друг с другом. Например, территория распространения ирландского языка не совпадает с территорией компактного проживания ирландцев, обе эти «территории» не совпадают с территориальными границами ирландского государства, эти три взятые вместе границы не совпадают с границами распространения традиционной ирландской бытовой культуры и т.д. Еще сложнее ситуация начинает выглядеть с учетом этнических миграций и межэтнического общения. Разные народы могут жить на одной территории и говорить, например, на одном языке, и, напротив, один и тот же народ может быть разобщен в плане языка и территории.

Несовпадение этнических границ вызвало затруднения в определении соотношения отдельного общества и этнической общности в плане их территориального охвата. В одних случаях этническая общность (по некоторым признакам, но не по их совокупности) оказывалась шире отдельного общества, в других — уже [Бромлей Ю.В., 1972; Очерки общей этнографии..., 1957, с. 10; Чебоксаров Н.Н., 1964, с. 5; 1967]. Ю.В. Бромлей в данной связи предложил ввести наряду с общим понятием «этнос» ряд новых конкретизирующих терминов, фиксирующих эти «плавающие» границы («этникос», «этносоциальный организм», «метаэтническая общность»). Содержание этих терминов, по сути, фиксировало различие объема традиционно выделяемых признаков этноса (их число) и степень интенсивности их проявления [Бромлей Ю.В., 1970, 1971, 1972, 1983]. Другими словами, специфика этнического была схвачена лишь формально.

Еще одним планом дискуссии о сущности этноса стал вопрос о его отношении к структуре общества в целом (базису и надстройке). К бази-

су общества исторический материализм традиционно относит систему производственных отношений, которые, в свою очередь, определяются способом производства (единством труда с его предметным выражением — средствами производства), к надстройке — прочие общественные отношения (социальные, политические и духовные). По мнению подавляющего числа участников дискуссии, в плане базисных отношений этносы практически неразличимы. Более того, многие народы сохраняли свою определенность, несмотря на смену экономических отношений. Не отрицая определяющего характера базиса в существовании и развитии общества, этнической общности в том числе, авторы сделали вывод, что экономические отношения являются чрезвычайно общим признаком этноса, не позволяющим раскрыть конкретного многообразия этнической жизни. Этническое своеобразие наиболее полно проявляется только на уровне надстройки (в культуре) [Крюков М.В., 1986, с. 66; Марков Г.Е., 1986], или исключительно является надстроечным явлением [Артунов С.А., 1986; Семенов Ю.И., 1986]. Впрочем, было высказано мнение, что этносы все же обладают своей спецификой в плане экономического развития, в связи с чем необходимо различать способ производства вообще (и соответствующие ему производственные отношения) и способ производства (и производственные отношения) отдельного общества (национальный способ производства и национальные производственные отношения), как это делал еще К. Маркс [Решетов А.М., 1986]. Однако данное весьма эвристичное по своему потенциалу замечание участники дискуссии фактически оставили без внимания.

К концу советской эпохи все устойчивее стала проявляться тенденция отказа от материализма как философской основы решения проблемы этнического. А.И. Кузнецов на страницах главного этнографического журнала СССР открыто заявил, что «этнические отношения не возникают в процессе производства, не обуславливаются производственными отношениями» [Кузнецов А.И., 1989, с. 22]. Важнейшими признаками этнического, по его мнению, являются культура, язык и самосознание [Кузнецов А.И., 1989, с. 22–30]. Не отрицая значения исторического материализма для обществознания, автор в анализе этноса тем не менее отказался от него как теоретической основы. С па-

дением СССР переход на позиции, альтернативные марксизму, стал общим местом для подавляющего большинства отечественных этнографов. Крайней формой отказа от всякого материализма и объективизма в исследовании этноса стала позиция главного редактора «Этнографического обозрения» В.А. Тишкова, который фактически объявил любое толкование этноса умственной конструкцией и, по сути, растворил этнос в ней, исключив всякую его объективность. Этнос объявлялся сугубо субъективным образованием [Тишков В.А., 1992]. Перечисление каких-либо признаков этноса при его определении лишилось всякого смысла, поскольку речь стала идти не о самих этих признаках, а лишь об их толковании, познаваемости, конструировании, причем абсолютно произвольных, не привязанных к конкретной действительности.

Стремление некоторых отечественных теоретиков превратить этнос в некую смысловую конструкцию не отменяет факта его объективного существования. Понимание предмета не тождественно предмету, не подменяет его и тем более не предшествует ему. Понимание общности людей является отражением их реальной (объективной) общности. Если бы ситуация была обратной, то любой индивид был бы в состоянии произвольно менять свою этническую принадлежность, что по факту является практически невыполнимым. Русский, к примеру, может стать неотъемлемым участником английской жизни (безупречно выучив английский язык, приняв англиканство, получив британское подданство, поступив на завод, где он будет единственным мигрантом, отслужив в армии ее величества), но англичанином он никогда не станет. Русское своеобразие будет проявляться в любом акте совместной жизни с англичанами. Выявление и определение объективных (не зависящих от сознания) характеристик этноса по-прежнему остается приоритетной задачей науки. Решение данной задачи возможно лишь на основе теории, которая в состоянии вскрыть объективный характер социального существования, диалектически соотнести объективное и субъективное в нем, т.е. на основе материалистической общественной теории. Однако, как показал опыт советской этнографии, сам материализм нуждается в существенном обновлении и углублении, прежде всего философском. Философское углубление должно быть достаточным, позво-

ляющим учесть современные данные этнографии и разрешить ее главные теоретические затруднения.

Краеугольным камнем любой социальной философской теории является понимание сущности и существования человека. С позиции исторического материализма человек — это социальное материальное существо (социальная форма материи), сущностью которого является производство собственной жизни посредством преобразования природы. К данному пониманию человеческой сущности родоначальники марксизма, а затем их идейные наследники шли постепенно, вырабатывая целый ряд близких по смыслу, связанных, но все же не тождественных (в разной степени схватывающих сущность индивида) дефиниций. Например, в «Немецкой идеологии», которая стала первым опытом последовательного изложения материалистического понимания человека, общества и истории, К. Маркс и Ф. Энгельс отмечают, что «людей можно отличать от животных по чему угодно, сами же они начинают себя отличать от животных, как только начинают производить необходимые им средства жизни» [Маркс К., Энгельс Ф., 1955, с. 19]. Однако производство средств жизни не составляет еще самой сущности человека, а является лишь ее предметным выражением. Производя средства жизни, люди косвенным образом производят и свою собственную материальную жизнь. В связи с этим основоположники марксизма приходят к выводу, что сущность человека состоит в производстве собственного материального бытия, социальной жизни в целом (себя и других людей, общества) посредством преобразования природы [Маркс К., Энгельс Ф., 1955, с. 27–28]. Производя собственную (индивидуальную и общественную) жизнь, люди изменяют природу (создают средства жизни, в т.ч. средства производства, изменяют свою биологию, не выходя, впрочем, за рамки собственной видовой определенности), вступают в определенные объективные общественные (базисные, они же производственные, экономические) отношения, которые в совокупности с их субъектами и объектами отражаются в сознании людей и уже в связи с сознанием формируют надстроечные (духовные) отношения. Другими словами, люди производят свою жизнь во всем многообразии ее сторон, свойств и отношений, а также их предметного выражения в виде измененных природных объ-

ектов. Человек — существо, способное к целостному всестороннему развитию.

Советская частная гуманитарная наука (в т.ч. этнография) в стремлении опереться на исторический материализм при анализе особенных социальных явлений, как правило, не шла дальше учета экономических отношений (причем исторически, например, пытались учитывать самые существенные производственные отношения — собственности, а вот этнографы — лишь поверхностные их проявления — отношения обмена). Обращение к производству (всестороннему развитию) человеческой жизни было эпизодическим, причем развитие трактовалось либо предельно обще, либо односторонне. Одним из исключительных примеров данного обращения можно считать упомянутые соображения В.И. Козлова о существовании социора (формой которого является этнос), образованного тремя взаимосвязанными процессами — производства материальных благ, человеческой биологии и социокультурных ценностей [Козлов В.И., 1967, с. 103–111]. Производство благ, биологии и ценностей — это лишь стороны единого процесса производства человеческой жизни, причем внешние по отношению к его сущности. В своей «сердцевине» производство общественной жизни — это процесс обретения человеком новых практических навыков, способов преобразования себя как социального материального существа и материального мира в целом, который проявляется в т.ч. в создании искусственных объектов, изменении человеческой биологии и формировании идеальной действительности (сознания). Трактовка общественного производства у В.И. Козлова носит весьма односторонний характер. Предельно абстрактное толкование производства можно увидеть в типичном для всех этнографов-материалистов представлении об историческом характере этноса или в некоторых любопытных умозаключениях по поводу этнической истории, например Н.Н. Чебоксарова, который отмечал, что специфика этноса раскрывается не столько в традиционной культуре, сколько в культурных достижениях народа в целом, в его вкладе в мировую культуру [Чебоксаров Н.Н., 1967, с. 97–98].

Обращение к сущности человека и производства его общественной жизни вообще вряд ли может способствовать развитию теории этноса и разрешению ее противоречий, поскольку этнос не совпадает с обществом в целом, он

особенное социальное образование. Построение теории этноса возможно лишь при углублении социально-философского материализма на основе конкретно-всеобщей диалектики, которая учитывает развитие как общего, так и в сжатом обобщенном виде всего многообразия особенного и единичного. Конкретно-всеобщая диалектика была намечена еще Г. Гегелем, в работах К. Маркса и Ф. Энгельса она была в значительной мере углублена и пересмотрена на материалистических основаниях, однако полноценное ее оформление в различных версиях началось лишь в 60-е гг. XX в. в работах советских ученых (Б.М. Кедрова, Э.В. Ильенкова, В.В. Орлова, В.А. Вазюлина и их последователей). В качестве основания социально-философской конкретно-всеобщей теории нередко рассматривается диалектика родовой и индивидуальной человеческой сущности. Данная диалектика была обнаружена еще немецкими классиками (начиная с И. Канта), активно исследовалась и использовалась (например, в «Капитале») К. Марксом и Ф. Энгельсом и привлекает пристальное внимание некоторых современных философов-материалистов [Корякин В.В., 2008; Мусаелян Л.А., 2005; Орлов В.В., Васильева Т.С., 1991].

Человек — социальное, материальное, родовое и индивидуальное существо. Как родовое существо он тождествен человечеству в целом, обладает общими для всех людей свойствами, способен к бесконечно многообразным способам их реализации и развития. Тождество индивида роду проявляется в общественных отношениях, многообразных связях между индивидами. Таким образом человеческий род выступает как общество, или совокупность людей, находящихся в отношениях друг к другу. Вместе с тем родовое (общечеловеческое) содержание в людях с необходимостью индивидуализировано. В индивиде человеческий род обретает свой неповторимый, уникальный вид. Человек есть род-в-себе. Развитие человека, по сути, представляет собой процесс углубления в собственную родовую и индивидуальную сущность, процесс ее производства. Раскрывая род в себе посредством практического (объективного преобразовательного) отношения к себе, обществу и миру в целом, человек открывает и развивает род в других людях и вместе с другими создает свой наличный, общий для всех участников практического взаимодействия род, в конечном итоге свое, со-

ответствующее своей сущности и сущности других, способствующее развитию этой совокупной (и ставшей общей) сущности общество.

Поскольку производство собственной сущности и жизни есть процесс развития, т.е. создания нового, образующиеся в результате его человеческие общности никогда полностью не совпадают с человечеством (обществом) в целом. Согласно конкретно-всеобщей диалектике новое (сложное) возникает из старого (простого) и включает его в себя. Сложное представляет собой интегрированное многообразие, отличается от простого большим многообразием. Однако простое не только включается в сложное, но и продолжает существовать наряду с ним в качестве его «среды», или периферии. Новые человеческие общности сосуществуют со старыми. Человечество в целом, таким образом, представляет собой связную совокупность разных по сложности отдельных обществ, или социумов (если использовать термин Ю.И. Семенова).

Тождество социума и общества носит диалектический характер. Социум есть особая форма развития общества, и как таковая она ему тождественна, но в то же время с ним не совпадает. И общество (человечество), и социум — это общности, обеспечивающие своим участникам целостное, всестороннее развитие в данных конкретно-исторических условиях. Вместе с тем социум противостоит человечеству в целом и отдельным его формам (прочим социумам) как некое для-себя-человечество или единственное приемлемое для развития его участников человечество. В этом движении обнаруживается стремление членов социума производить свою индивидуальную сущность как родовую, совпадающую с сущностью представителей всего человечества с учетом всего его многообразия. В тенденции социуму, таким образом, свойственно становиться человечеством для себя и других социумов, становиться единственным человечеством.

Социум — это этнос. Ю.В. Бромлей (как и многие этнографы вслед за ним) признавал, что этнос тождественен отдельному обществу лишь на этапе ранней первобытности [Бромлей Ю.В., 1972, с. 62–65]. Расхождение этнических границ с общественными в последующие эпохи дало многим исследователям основание для вывода, что этнос — это отличная от социума общность. Подобный вывод скорее является следствием эвристической ограниченности абстрактной

диалектической теории и вполне преодолим с позиции конкретно-всеобщей диалектики. Понятие этноса — этнографический (частный научный) термин, обозначающий, по сути, отдельное общество (социор). Как и социор, этнос — общность людей, обеспечивающая целостное, всестороннее развитие ее участников, или форма совместного, целостного производства индивидов. И в данной связи неважно, совпадают ли определенность т.н. этнических границ, а точнее — сфер жизни народа (говорят ли представители народа на родном языке или заимствуют более вариативный и многообразный язык соседей; компактно селятся ли на исконной территории или на чужой; имеют собственное суверенное государство или включены в политическую систему захватчиков). В любом случае в этносе люди совместно всесторонне (в плане территории, хозяйства, общения, в т.ч. языкового, культуры и т.д.) развиваются. Целостность общности не сводится к простой совокупности абстрактных общностей. Абстрактные общности (языковая, политическая, религиозная и т.д.) могут быть шире или уже этнической (общественной), но лишь в этнической они обретают специфическое единство [Корякин В.В., 2020a].

Общество (социор, этнос) обладает своей структурой. С позиции материализма в нем можно выделить базис (производственные отношения) и надстройку (социальные, политические, духовные отношения). Содержание базиса и надстройки — производительные силы общества (люди, особым образом производящие свою жизнь и сущность посредством различных преобразованных природных объектов — средств производства и знаковых систем). Производительные силы, базис и надстройка находятся в диалектическом отношении. Как проявления человеческой сущности они тождественны, между ними складывается определенное соответствие: имея определенный уровень развития, люди создают определенные средства производства своей жизни, вступают в соответствующие определенные экономические, социальные, политические и духовные (нравственные, эстетические, правовые, религиозные, научные и т.д.) отношения. Однако поскольку стороны общественной жизни выражают и раскрывают сущность человека с разной полнотой и интенсивностью, они обретают относительную самостоятельность в развитии и между ними формируется относительное несоответствие. Производственные от-

ношения, например, меняются в конечном счете медленнее производительных сил хотя и под их воздействием, и могут по форме им не соответствовать (быть архаическими). Более того, обладая собственным импульсом развития, который, по сути, является особой неполной формой развития сущности человека, они могут сдерживать движение производительных сил и входить в прямое противоречие с ними. Впрочем, материализм не отрицает и способности людей менять производственные отношения с некоторым опережением развития производительных сил общества в целом (например, переносить сложившиеся в наиболее развитых отраслях экономики отношения на отстающие отрасли). Такой же относительной самостоятельностью и активностью обладают и прочие человеческие отношения. В результате в обществе постоянно наблюдается относительная асинхронность развития структуры. Общество может быть связано передовыми экономическими отношениями, еще более прогрессивной формой языка, относительно развитой политической организацией, архаической формой семьи и еще более примитивными религиозными представлениями. Близкое к полному соответствие сторон человеческой жизни, видимо, характерно для общества, находящегося на пике своего развития, которое соответствует пику развития формации, к которой данный народ относится. И напротив, в период исторического перелома (смены формации, зарождения или упадка этноса) асинхронность развития сторон общества оказывается наиболее очевидной.

Социор, или этнос, — это социальная общность, форма целостного, всестороннего развития людей, сущностной характеристикой которой является производство себя как человечества (рода в целом), единственно возможного для себя и других аналогичных общностей. Производство этносом себя как человечества составляет суть этнического производства. Данное определение является предварительным, или рабочим, требующим дальнейшей разработки и конкретизации. Но оно позволяет уяснить главное: этнос — это объективная форма существования и развития людей, особенная форма общества (человечество для себя) по отношению к обществу в целом как общему (человечеству вообще), обеспечивающая целостное всестороннее развитие образующим его индивидам. Как целостное образование этнос не сводим к отдельным его признакам, будь то общность экономи-

ческой жизни, язык или этнические самосознание и самоидентификация, он представляет собой интегрированное и иерархизированное единство всех возможных признаков, базовым из которых является производство особенной материальной жизни индивидов.

Определение этноса как формы производства людьми человечества для себя позволяет учесть две базовые тенденции в его развитии, давно выделенные в научной литературе: сепаратизм (дифференциацию) и экспансию (интеграцию). Еще В.И. Ленин в 1913 г. отмечал эти тенденции в развитии буржуазных наций, увязывая их с общей природой и характером развития капитализма [Ленин В.И., 1973]. Начиная с 70-х гг. XX в. в отечественной литературе утверждается мнение, что данные процессы характерны для этноса в целом (любых его исторических форм), причем они не сменяют друг друга, как это полагал В.И. Ленин, а реализуются одновременно. В 90-е гг. некоторые авторы предприняли попытку увязать сущность этноса с данными тенденциями [Бромлей Ю.В., 1977, с. 14; Калтахчан С.Т., 1969; Козлов В.И., 1979; Семенов Ю.И., 1996, с. 11; Чешко С.В., 1994, с. 40–45].

Производство этносом себя как человечества возможно лишь при создании новых социальных феноменов (искусственных объектов, способов практической деятельности, отношений, духовных образований), имеющих общечеловеческое (для всех обществ) или региональное (для своего и соседних обществ) значение. Производство общечеловеческих материальных и духовных ценностей невозможно без воспроизводства опыта (шире — форм человеческого существования) других обществ (соседних и генетически предшествующих). Этническое производство, таким образом, включает в себя этническое воспроизводство. Этническое воспроизводство наиболее ярко проявляется в т.н. традиционной культуре. Традиционную культуру при этом стоит понимать предельно широко. К ней относятся не только «низовая», или народная, культура, но и культура господствующих слоев общества в форме ее устойчивого воспроизводства, повторения. Со времен зарождения своей науки этнографы наибольшее внимание уделяют именно традиционной культуре, определяя этническую принадлежность общества. Однако ориентир на воспроизводимые, устойчивые формы общественной жизни существенно

осложняет задачу этнического анализа. Пока человечество массово не вступило в фазу индустриального развития, этническое воспроизводство порождало формы общественной жизни, остававшиеся практически неизменными на протяжении многих поколений, вследствие чего их удобно было фиксировать и интерпретировать как этнически определенные. Однако по мере ускорения социального прогресса традиционная культура стала стремительно трансформироваться и исчезать (а точнее — менять свои исторические формы) и перестала быть надежным «маркером» этнического своеобразия. Воспроизводство является моментом общественного производства, меняется сообразно с ним. Поэтому наиболее надежным критерием этнической идентификации стоит признать культурные достижения народа, имеющие общечеловеческую ценность. Именно производство общекультурных ценностей является в конечном итоге способом интеграции и развития этноса, делает его определенным и жизнеспособным.

Производство нового на разных уровнях общественной жизни (производительных сил, базиса, надстройки) порождает, с одной стороны, стремление этноса к самоорганизации и самоопределению и, как следствие, к сепаратизму, поскольку делает общество более жизне- и конкурентоспособным, с другой — к экспансии, поскольку делает новые формы существования востребованными и более привлекательными для соседей.

Производство общекультурных ценностей является основанием межэтнических отношений, поскольку оно осуществляется на основе опыта нескольких или всех этносов и имеет для них общее значение. В материалистической литературе давно отмечен неравномерный характер исторического процесса: одни общества опережают в развитии другие, что вызвано общим стремлением каждого народа к развитию (в т.ч. производству общекультурных ценностей) и создает условия для их взаимодействия. В советской исторической литературе проблема межэтнического взаимодействия исследовалась главным образом в рамках концепции формационного синтеза [Корякин В.В., 2020b]. Еще К. Маркс отмечал, говоря об отношениях между обществами, что при любых завоеваниях возможен тройкий исход: общество завоевателей в отношении к побежденному обществу может навязать свой способ производства; об-

щество завоевателей может сохранить способ производства побежденного общества и ограничиться взимаемой с него данью; в результате завоевания может произойти синтез способов производства обоих участвующих в конфликте обществ [Маркс К., 1958, с. 723–724]. Вооруженное столкновение — это наиболее радикальная форма межэтнического взаимодействия. В повседневной жизни и постоянно осуществляется вполне мирное взаимное проникновение культур.

Взаимодействие между обществами на уровне производительных сил (и способа производства) является наиболее фундаментальным, но оно осуществляется на уровне и базиса (экономических отношений), и надстройки, которые обладают относительной самостоятельностью и активностью, а порою может осуществляться преимущественно на их уровне. Если производительные силы общества обладают определенной устойчивостью, вырабатывают устойчивый способ собственного производства, но не сформировали соответствующих им базисных и надстроечных отношений, которые в конечном счете складываются с опозданием, межэтническое взаимодействие происходит именно на уровне последних. Например, этнос может иметь сформировавшиеся новые производительные силы, но испытывать потребность в адекватном им языке. В такой ситуации представители этноса примутся за обновление собственного языка и речь постоянно будет пополняться неологизмами; однако если неологизмов будет недостаточно, то люди перейдут к языковым заимствованиям, а в крайнем случае начнут полностью перенимать чужой язык, если тот окажется более вариативным и удобным для реализации всестороннего развития членов этноса. Аналогичная ситуация может сложиться с политической организацией. Имея архаические формы политической жизни, этнос для начала попытается их обновить самостоятельно или перенять, адаптировав к собственным условиям, политический строй соседей, но в крайнем случае он может принять более развитую политическую организацию соседей посредством присоединения к ней или завоевания (или поражения в войне). И подобная ситуация может сложиться с любой стороной, сферой и формой человеческой жизни (семьей, классами, религией, наукой и т.д.).

Ситуация, впрочем, может быть и обратная. При столкновении с более развитым обществом, этнос, имея примитивные производительные силы, может поначалу в разной степени перенять более сложные формы экономических отношений, языка, религии и так далее, которые будут способствовать разрушению или революционному преобразению имеющихся производительных сил. В любом случае в этнической жизни будет постоянно присутствовать ситуация асинхронного развития, несовпадения ее сторон и сфер. Определенный народ, например, может обладать среднеразвитыми производительными силами, архаическими производственными отношениями, приобретенными передовыми технологиями и предметами быта, сохранять с минимумом заимствований родной язык, быть встроенным в чужую политическую систему и придерживаться двоеверия. Однако неизменным будет оставаться общее стремление к утверждению соответствия сторон и сфер общественной жизни и созданию общезначимых культурных ценностей, которые являются неотъемлемым условием стабильности и развития этноса.

Список литературы

- Агаев А.Г.* К вопросу о теории народности. Махачкала: Дагест. кн. изд-во, 1965. 286 с.
- Алексеев В.В.* Род, племя, народность, нация (исторические формы общности людей). М.: Госполитиздат, 1962. 52 с.
- Арутюнов С.А.* Классификационное пространство этнической типологии // Советская этнография. 1986. № 4. С. 58–64.
- Архангельский Л.М.* Племя, народность, нация как исторические формы общности людей. М.: Высш. шк., 1961. 40 с.
- Бромлей Ю.В.* Интернациональное и национальное в строительстве социализма // Советская этнография. 1977. № 5. С. 11–22.
- Бромлей Ю.В.* К характеристике понятия этнос // Расы и народы: ежегодник. М.: Наука, 1971. Вып. 1. С. 9–33.
- Бромлей Ю.В.* Опыт типологизации этнических общностей // Советская этнография. 1972. № 5. С. 61–81.
- Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 413 с.
- Бромлей Ю.В.* Этнос и этносоциальный организм // Вестник АН СССР. 1970. № 8. С. 48–54.
- Бромлей Ю.В., Крюков М.В.* Этнография: место в системе наук, школы, методы // Советская этнография. 1987. № 3. С. 45–60.

Калтахчан С.Т. Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 461 с.

Козлов В.И. О понятии этнической общности // Советская этнография. 1967. № 2. С. 100–111.

Козлов В.И. От первобытности до современности // Советская этнография. 1986. № 4. С. 64–69.

Козлов В.И. Проблема этнического самосознания и его место в теории этноса // Советская этнография. 1974. № 2. С. 79–92.

Козлов В.И. Этнос и культура (к проблеме соотношения национального и интернационального в этнографическом изучении культуры) // Советская этнография. 1979. № 3. С. 71–86.

Козлов В.И. Этнос и территория // Советская этнография. 1971. № 6. С. 89–100.

Козлов В.И. Этнос и экономика. Этническая и экономическая общности // Советская этнография. 1970. № 6. С. 47–60.

Корякин В.В. О двух типах социальной общности // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2020. Вып. 1(4). С. 278–288.

Корякин В.В. Труд и единый закономерный исторический процесс. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2008. Ч. 2. 340 с.

Корякин В.В. Формационный синтез. Возвращаясь к старой проблеме // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 2. С. 203–214. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-2-203-214>

Крюков М.В. Читая Ленина (размышления этнографа о проблемах теории нации) // Советская этнография. 1989. № 4. С. 5–19.

Крюков М.В. Еще раз об исторических типах общности людей // Советская этнография. 1986. № 3. С. 58–69.

Кузнецов А.И. О соотношении понятий «общество» и «этническая общность» // Советская этнография. 1989. № 4. С. 19–31.

Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. М.: Политиздат, 1973. Т. 24. С. 113–150.

Марков Г.Е. Этнические общности как историческая категория // Советская этнография. 1986. № 4. С. 69–72.

Маркс К. Из рукописного наследия // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1958. Т. 12. С. 709–738.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 3. С. 7–544.

Минаков Э.И. Племя, народность, нация как исторические формы общности людей. Тирасполь, 1961. 22 с.

Мусаелян Л.А. Научная теория исторического процесса: становление и сущность. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2005. 391 с.

Орлов В.В., Васильева Т.С. Труд и социализм. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1991. 204 с.

Очерки общей этнографии. Австралия и Океания, Америка, Африка / под ред. С.П. Толстова и др. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. Т. 1. 343 с.

Перишиц А.И. Этнические общности и формационный процесс // Советская этнография. 1986. № 3. С. 69–73.

Решетов А.М. О соотношении типов этнических общностей и социально-экономических формаций // Советская этнография. 1986. № 5. С. 55–59.

Семенов Ю.И. Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки // Вопросы истории. 1966. № 8. С. 88–106.

Семенов Ю.И. О племени, народности и нации // Советская этнография. 1986. № 3. С. 73–75.

Семенов Ю.И. Общество, страны, народы // Этнографическое обозрение. 1996. № 2. С. 3–18.

Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос // Сталин И.В. Соч.: в 18 т. М.: Политиздат, 1946. Т. 2. С. 290–367.

Тишков В.А. Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое обозрение. 1992. № 1. С. 5–19.

Токарев С.А. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии) // Вопросы философии. 1964. № 11. С. 43–53.

Чебоксаров Н.Н. Проблема происхождения древних и современных народов // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Москва, 3–10 августа 1964 г.). М.: Наука, 1964. С. 3–19.

Чебоксаров Н.Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых // Советская этнография. 1967. № 4. С. 94–109.

Чешико С.В. Человек и этничность // Этнографическое обозрение. 1994. № 6. С. 35–49.

Получена: 17.01.2022. Доработана после рецензирования: 07.06.2022. Принята к публикации: 22.06.2022

References

Agaev, A.G. (1965). *K voprosu o teorii narodnosti* [To the question of the theory of nationality]. Makhachkala: Dagestan Book Publ., 286 p.

Alekseyev, V.V. (1962). *Rod, plemya, narodnost', natsiya (istoricheskie formy obschnosti lyudey)* [Genus, tribe, nationality, nation (historical forms of community of people)]. Moscow: Gospolizdat Publ., 52 p.

Arkhangel'skiy, L.M. (1961). *Plemya, narodnost', natsiya kak istoricheskie formy obschnosti lyudey* [Tribe, nationality, nation as historical forms of community of people]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 40 p.

Arutyunov, S.A. (1986). [Classification space of ethnic typology]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. No. 4, pp. 58–64.

Bromley, Yu.V. (1970). [Ethnos and ethnosocial organism]. *Vestnik AN SSSR* [Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR]. No. 8, pp. 48–54.

Bromley, Yu.V. (1971). [To the characterization of the concept of ethnos]. *Rasy i narody: ezhegodnik* [Races and Nations: yearbook]. Moscow: Nauka Publ., iss. 1, pp. 9–33.

Bromley, Yu.V. (1972). [Experience of typology of ethnic communities]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. No. 5, pp. 61–81.

Bromley, Yu.V. (1977). [International and national in the construction of socialism]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. No. 5, pp. 11–22.

Bromley, Yu.V. (1983). *Ocherki teorii etnosa* [Essays on the theory of ethnos]. Moscow: Nauka Publ., 413 p.

Bromley, Yu.V. and Kryukov, M.V. (1987). [Ethnography: place in the system of sciences, schools, methods]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. No. 3, pp. 45–60.

Cheboksarov, N.N. (1964). [The problem of the origin of ancient and modern peoples]. *VII Mezhdunarodnyy kongress antropologicheskikh i etnograficheskikh nauk (Moskva, 3–10 avgusta 1964 g.)* [7th International Congress of Anthropological and Ethnographic Sciences (Moscow, August 3–10, 1964)]. Moscow: Nauka Publ., pp. 3–19.

Cheboksarov, N.N. (1967). [Problems of the typology of ethnic communities in the works of Soviet scientists]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. No. 4, pp. 94–109.

Cheshko, S.V. (1994). [Man and ethnicity]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 6, pp. 35–49.

Kaltakhchan, S.T. (1969). *Leninizm o suschnosti natsii i puti obrazovaniya internatsional'noy obschnosti lyudey* [Leninism about the essence of the nation and the way of formation of an international community of people]. Moscow: MSU Publ., 461 p.

Koryakin, V.V. (2008). *Trud i edinyy zakonomernyy istoricheskiy protsess* [Labor and a single natural historical process]. Perm: PSU Publ., pt. 2, 340 p.

Koryakin, V.V. (2020). [Formation synthesis. Revisiting the old problem]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 2, pp. 203–214. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-2-203-214>

Koryakin, V.V. (2020). [On two types of social community]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice]. Iss. 1(4), pp. 278–288.

Kozlov, V.I. (1967). [On the concept of ethnic community]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. No. 2, pp. 100–111.

Kozlov, V.I. (1970). [Ethnos and economy. Ethnic and economic communities]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. No. 6, pp. 47–60.

Kozlov, V.I. (1971). [Ethnos and territory]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. No. 6, pp. 89–100.

Kozlov, V.I. (1974). [The problem of ethnic identity and its place in the theory of ethnos]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. No. 2, pp. 79–92.

Kozlov, V.I. (1979). [Ethnos and culture (on the problem of the correlation of national and international in the ethnographic study of culture)]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. No. 3, pp. 71–86.

Kozlov, V.I. (1986). [From primitive to modern times]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. No. 4, pp. 64–69.

Kryukov, M.V. (1986). [Once again about the historical types of people's community]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. No. 3, pp. 58–69.

Kryukov, M.V. (1989). [Reading Lenin (an ethnographer's reflections on the problems of the theory of the nation)]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. No. 4, pp. 5–19.

Kuznetsov, A.I. (1989). [On the relationship between the concepts of «society» and «ethnic community»]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. No. 4, pp. 19–31.

Lenin, V.I. (1973). [Critical notes on the national question]. *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t.* [Lenin V.I. Complete works: in 55 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 24, pp. 113–150.

Markov, G.E. (1986). [Ethnic communities as a historical category]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. No. 4, pp. 69–72.

Marx, K. (1958). [From the handwritten heritage]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K.,

Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 12, pp. 709–738.

Marx, K. and Engels, F. (1955). [German ideology]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 3, pp. 7–544.

Minakov, E.I. (1961). *Plemya, narodnost', natsiya kak istoricheskie formy obschnosti lyudey* [Tribe, nationality, nation as historical forms of community of people]. Tiraspol, 22 p.

Musaelyan, L.A. (2005). *Nauchnaya teoriya istoricheskogo protsesssa: stanovlenie i suschnost'* [Scientific theory of the historical process: formation and essence]. Perm: PSU Publ., 391 p.

Orlov, V.V. and Vasil'eva, T.S. (1991). *Trud i sotsializm* [Labor and socialism]. Perm: PSU Publ., 204 p.

Pershits, A.I. (1968). [Ethnic communities and the formation process]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. No. 3, pp. 69–73.

Reshetov, A.M. (1986). [On the correlation of types of ethnic communities and socio-economic formations]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. No. 5, pp. 55–59.

Semenov, Yu.I. (1966). [The category «social organism» and its significance for historical science]. *Voprosy Istorii*. No. 8, pp. 88–106.

Semenov, Yu.I. (1986). [About the tribe, nationality and nation]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. No. 3, pp. 73–75.

Semenov, Yu.I. (1996). [Society, countries, peoples]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 2, pp. 3–18.

Stalin, I.V. (1946). *Marksizm i natsional'nyy vopros* [Marxism and the national question]. *Stalin I.V. Sochineniya: v 18 t.* [Stalin I.V. Works: in 18 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 2, pp. 290–367.

Tishkov, V.A. (1992). [Soviet ethnography: overcoming the crisis]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 1, pp. 5–19.

Tokarev, S.A. (1964). [The problem of types of ethnic communities (to the methodological problems of ethnography)]. *Voprosy Filosofii*. No. 11, pp. 43–53.

Tolstov, S.P. et al. (ed.) (1957). *Ocherki obschey etnografii. Avstraliya i Okeaniya, Amerika, Afrika* [Essays on general ethnography. Australia and Oceania, America, Africa]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., vol. 1, 343 p.

Received: 17.01.2022. Revised: 07.06.2022. Accepted: 22.06.2022

Об авторе

Корякин Вячеслав Владимирович

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: vvkorkfnpsu@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0809-3614>
ResearcherID: GSN-8399-2022

About the author

Vyacheslav V. Koryakin

Ph.D. in Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: vvkorkfnpsu@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0809-3614>
ResearcherID: GSN-8399-2022

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Корякин В.В. Отечественный опыт построения материалистической концепции этноса и перспектива ее философского углубления // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 3. С. 427–440. DOI: 10.17072/2078-7898/2022-3-427-440

For citation:

Koryakin V.V. [Russian experience in building the materialist concept of ethnos and the prospect of its philosophical]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 3, pp. 427–440 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-3-427-440

УДК 141.32:115

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-3-441-451

**ТЕОРЕТИКО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
ХРОНОТОПОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ В КОНТЕКСТЕ
ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ
ФИЛОСОФИИ И ЕЕ КЛАССИЧЕСКИХ КАТЕГОРИАЛЬНЫХ СХЕМ**

Политов Андрей Викторович

Пермский национальный исследовательский политехнический университет (Пермь)

Предметом настоящего исследования является ревизия философско-теоретических и мировоззренческих оснований хронотопологической модели мироздания (представления о пространственно-временной организации сущего, разработанного А.А. Ухтомским и М.М. Бахтиным), в контексте экзистенциально-ориентированной критики современной философской ситуации и последующего переосмысления диалектико-категориальных схем классической европейской философии, к которой принадлежит отечественная философская культура. К настоящему моменту путь развития хронотопологической концепции от единичного термина «хронотоп» до развернутой автономной философской дисциплины (например, феноменология, философская герменевтика, философская антропология) представляется невозможным без принципиального переосмысления оснований ее не только логической, но и экзистенциальной непротиворечивости, что, в свою очередь, невозможно без обращения к экзистенциальным основаниям существования современного философа и современной философии. Экзистенциальные полнота и подлинность рассматриваются как принципиальный базис философствования и философской концепции в борьбе против бытийной неполноты, отчужденности и падшести, характеризующих современное наличное бытие человека. В свете отмеченного в качестве авторского варианта пути становления принципиально-категориальной базы хронотопологии как самостоятельного философского направления предлагается такое концептуальное ее основание, в котором осуществляется синтез критически пересмотренных с экзистенциальной точки зрения фундаментальных понятийных и диалектических схем европейской философской традиции, а также определяются векторы дальнейшей конкретизации хронотопологической модели мироздания, человеческого существования, общественной структуры, культурно-исторического развития. Одновременно предложенная схема не приватизирует и не отменяет иные вероятностные траектории эволюции концепции хронотопа, что не противоречит артикулированному исследованием принципу экзистенциальной подлинности теории.

Ключевые слова: хронотоп, время, пространство, человек, культура, экзистенция.

**THEORETICAL AND IDEOLOGICAL FOUNDATIONS
OF THE CHRONOTOPOLOGICAL CONCEPTION IN THE CONTEXT
OF RETHINKING THE MODERN STATE OF PHILOSOPHY
AND ITS CLASSICAL CATEGORICAL SCHEMES**

Andrei V. Politov

Perm National Research Polytechnic University (Perm)

The subject of the study is revision of the philosophical, theoretical, and ideological foundations of the chronotopological model of being (the idea of the spatiotemporal organization of being developed by A.A. Ukhtomsky and M.M. Bakhtin) in the context of existentially oriented criticism of the modern phil-

osophical situation and the subsequent rethinking of the dialectical and categorical schemes of classical European philosophy, to which Russian philosophical culture belongs. To date, the development of the chronotopological concept from a single term «chronotope» to a full-fledged autonomous philosophical discipline (such as phenomenology, philosophical hermeneutics, philosophical anthropology) seems impossible without fundamental rethinking of the foundations of its not only logical but also existential consistency, which, in turn, is impossible without referring to the existential foundations of being of a modern philosopher and modern philosophy. Existential completeness and authenticity are considered as the fundamental basis of philosophizing and philosophical conception in the struggle against existential incompleteness, alienation, and fallenness, which characterize the modern existence of human. In the context of the author's version of the path of formation of the fundamental categorical base of chronotopology as an independent philosophical direction, its conceptual foundation is proposed, in which the synthesis of fundamental conceptual and dialectical schemes of the European philosophical tradition critically revised from an existential point of view is realized, and vectors of further concretization of the chronotopological models of the universe, human being, social structure, cultural and historical development become possible. At the same time, the proposed scheme does not privatize or cancel other probabilistic trajectories of the evolution of the chronotope concept, which does not contradict the principle of existential authenticity of the theory articulated by the study.

Keywords: chronotope, time, space, human, culture, existence.

Введение. О необходимости экзистенциальной подлинности хронотопологии как составляющей современного философского знания

В настоящем исследовании речь пойдет о современной философской ситуации и находящейся в ее контексте хронотопологии — концепции пространственно-временной организации, имманентной всему существующему; понятие хронотопа было введено в философскую культуру в первой половине XX в. А.А. Ухтомским [Ухтомский А.А., 2002] и М.М. Бахтиным [Бахтин М.М., 2012]. Прошло столетие, и в свете многочисленных социальных, культурных и исторических трансформаций, существенно повлиявших в том числе на эволюцию европейской философской культуры, к которой принадлежит российская философская традиция, представляется, что фундаментальное переосмысление, которое должно отвечать и духу современности, и требованиям философской науки, необходимо и хронотопологической теории. Это объясняется тем, что наблюдается не только развитие отдельной категории хронотопа или целой теории пространственно-временной взаимосвязи, но и прогресс хронотопологии как науки, отдельной философской дисциплины, вписанной в эволюционировавшую систему всего философского знания. В XXI в. хронотопология имеет право стать такой же самостоятельной философской наукой, ка-

кими в XX в. утвердились феноменология и философская герменевтика. При этом хронотопология может сохранить концептуальное единство не только как наука, но и как научная парадигма, цельное эволюционирующее философское направление, такое как экзистенциализм или философская антропология. Хронотопология должна представлять собой развернутую, структурированную философскую теорию, быть обоснованной логически и — что наиболее существенно в современной социокультурной и философской ситуации — быть экзистенциально непротиворечивой системой понятий, в которой свой обновленный экзистенциально обоснованный смысл должны получить категории времени и пространства. Развитие хронотопологии как фундаментальной философской теории должно, наконец, повлечь за собой становление ее как универсальной методологии раскрытия хронотопологически организованных единств.

Термином *категориальная* или *категориально-диалектическая схема* будут обозначаться преимущественно диалектически синтезированные и связанные пары (рубрики) общих понятий, взаимоотношение, становление и эволюция которых обоснованы не только формально-логически, но и историческим развитием европейского типа мышления (одно и иное, бытие и небытие, *res cogitans* и *res extensa* и т.д.). Под *экзистенциальным* будем понимать манифестирующее подлинность, собствен-

ность, открытость, бытийную и семантическую полноту человеческой жизни, которые вступают в борьбу против падшести и отчужденности наличного бытия, повседневности, обыденности. Наиболее близким представленному в исследовании пониманию экзистенциальной проблематики считаем тип экзистенциализма, развитый К. Ясперсом [Ясперс К., 2012, с. 36–40]. Далее, поскольку работа оперирует философией не как абстрактной (философствование вообще), а как определенной теоретико-категориальной структурой, будет исследована только европейская философская традиция, эволюция которой, начинающаяся от фюзиса и логоса досократиков, представляет собой генезис и развитие всех основополагающих понятийных рубрик и диалектических схем философской науки (аристотелева «первая наука», метафизика), в том числе отечественного философского мышления. Неевропейские философские традиции в силу того, что их понятийные системы не могут быть напрямую без соответствующих (достаточно сложных и с необходимым историко-философским обоснованием) герменевтических процедур ни соотнесены, ни ретранслированы в сложившуюся диалектико-категориальную структуру философской науки, рассмотрены не будут (ни в качестве параллели, ни в качестве возможного варианта разрешения отмеченной проблематики).

Вопрос экзистенциальных основ философской концепции — вопрос экзистенциальной подлинности бытия философа и философии в современности

Прежде чем перейти к сути поставленного вопроса (какова экзистенциально непротиворечивая возможность хронотопологии как науки, каковы экзистенциально подлинны основания, принципы хронотопологии как науки), необходимо обратиться к особенностям философского мироощущения, формирующим миро- и самоощущение современного философа. Прежде чем задумываться о развитии философских представлений, необходимо понять, что (и каким образом) чувствует современный философ, как он смотрит на мир вокруг себя и на саму философию. В последнем проявляются экзистенциальные основания современной философии и существования философа. Самоотчет

мыслителя перед самим собой, понимание им сложной эволюции и подводных камней философского знания, представление о трудностях текущего положения философии определяет искомую экзистенциальную подлинность современной философской теории. До обоснования философской концепции необходимо найти экзистенциальное обоснование философствования и жизненного дела философа. Сказанное невозможно осуществить вне действительного знания философской методологии и культуры, приобщенности к философской традиции. Без определения подлинного (в экзистенциальном значении) основания бытия и мышления, жизненной и смысловой полноты (не в вульгарно-обывательской трактовке вседостаточности и вседозволенности) невозможно обретение логической непротиворечивости и обоснованности современной философской научной теории.

Ключевой вопрос современной философии может быть поставлен следующим образом: *как возможна философия сегодня?* Отличие современной философской парадигмы от предыдущей традиции состоит в том, что сегодня невозможно растворение («снятие») противоречий личностного экзистенциального опыта в общей метафизической модели, апофеозом которой выступает система Г.В.Ф. Гегеля [Деррида Ж., 2007, с. 52–53]. Можно, однако, возразить, что такая постановка вопроса уже имела место в неклассической философии начиная со второй половины XIX в. Но неклассическая философия давно стала классикой, а вопрошание экзистенциального рода, артикулированное в ее рамках, осталось актуальным; вопрос не был решен ни в XIX, ни в XX в., а перешел «по наследству» современности. Особенность экзистенциального вопрошания, от которого зависит современное философствование, состоит в том, что для него вся предыдущая традиция выступает как спекулятивная метафизика (необоснованно гипостазированная система категорий), значение и подлинность которой неочевидны сами по себе; заметим, что подобное движение стало характерно для европейского типа мышления начиная с Нового времени [Мейясу К., 2015, с. 179–181].

«Старый» экзистенциализм (экзистенциализм XIX в.) на сегодняшний день также является спекулятивной метафизикой, несмотря на вопросы, поднимаемые им. Если на экзистен-

циальное вопрошание не находится ответа, то в следующем временном периоде оно, поднимаясь с новой силой, обращается против себя прошедшего, относя его не к себе налично-данному, но к своему ушедшему инобытию, уже чужому — тому, чье основание неясно и должно быть подвергнуто пересмотру. Если раньше претензии философа к бытию могли ретушироваться «общим делом» — построением философской «системы», «служением истине», «долгом», «мессианством», то теперь игнорирование экзистенциальных противоречий ведет к ложности философии. Так, экзистенциальное вопрошание и подлинность философии оказываются *заякорены* на первую и фундаментальную составляющую хронотопологической структуры — время (временение). Философия движется по (и во) времени («временной шкале»), если говорить в ретроспективном обобщении) вместе с человеком, но никогда не отдельно. При этом сформированная и функционирующая философская традиция оказывается сопряженной со второй составляющей хронотопа — топосом, раскрываясь как живое (либо отжившее) культурное пространство, которым и в котором живет (или существовал когда-то) человек.

В наличной ситуации экзистенциальное переживание бытия и возможность современной философии как таковой совпали. Философия не должна вести себя так же, как прежде, игнорируя жизненные противоречия в кажимости логической непротиворечивости, континуальности традиции. У современной философии на ретуширование экзистенциальных противоречий нет ни ресурсов, ни права (что и *является/кажется* «концом» философии). Разлом между раньше и теперь в (для) современной философии представляется как принципиально более невосстановимая потеря возможности игнорирования экзистенциальных, жизненных, бытийных противоречий. И в уже упоминавшемся ясперсовом экзистенциализме, и в современных ему течениях была возможность замыкания философа в традиции, классике от противоречий наличной бытийности; разумеется, в любое время можно жить одним прошлым (равно как жить одним мышлением), но это не жизнь в полновесном смысле. Сущность «раньше» заключалась в том, что не-жизнь жизни прошлым и жизни мышлением и вос-

принималась, и была жизнью, поскольку была (остаточно) жива сама традиция, ее категориальные схемы имели последок бытийных оснований. В «теперь» эти остатки необходимо признать навсегда утраченными, ибо, повторимся, жизнь прошлым и жизнь мышлением — не жизнь как таковая. Нужно обратиться к настоящему философии (что вовсе не означает отвержения ее наследия), а о прошлом знать, что оно лишилось своих оснований, потеряло их в необратимости времени. Но, говоря о настоящем, неизбежно обращение в прошлое, ибо всякое настоящее есть уже прошедшее (уже-не), что свидетельствует о сложной диалектике времени по отношению к человеку. *Вопрос об основаниях настоящего современной философии (как быть современной философии и философу?) есть вопрос о том, почему она утратила свои основания в прошедшем.*

Необходимо различать философию, философствование как дело философа и институциональные выражения философии (преподавание, наука, публицистика), что совершенно не синонимично выходу за пределы философской теоретико-категориальной структуры, ибо и свободное мышление продолжает оперировать системой философских категорий. Суть различия заключена не в «индивидуализме» («философия — мое жизненное дело»), но в подлинности жизненного дела философа, отличного от институционального выражения философии, что *сущностно* означает невозможность «конца» философии (и поэтому автор не может/не должен полагать свою собственную философию последней, т.к. в обратном случае наблюдается и противоречие необратимости/уникальности времени и неправомочная приватизация философии). Философствование как дело жизни может быть нивелировано, редуцировано институциональным выражением философии и науки вообще. Жизненное дело принадлежит только философу/человеку, но не философии, а институциональное выражение — только философии как обезличенному абстрактному субъекту-науке.

Можно возразить, что философия есть культурная традиция и потому также существует как дело философствования; но драматизм современной философии состоит в том, что действительной традицией, автономной культурной парадигмой, метафизическим штреком она

была раньше, а сейчас — нет, и довольно давно (по крайней мере, со второй половины XX в.) философия потеряла этот штрих традиции. Отмеченное не означает того, что институциональные выражения науки не нужны. Возможно, следует признать, что картезианское негласное соглашение философа с обществом, заключавшееся в условной поддержке социумом права мыслителя на относительную свободу автономной территории мышления («строить на участке, целиком мне принадлежащем» [Декарт Р., 1989, с. 258]) при невмешательстве его в общественную жизнь, по крайней мере с XX в. не работает и более невосстановимо. Предъявлять же «претензии» к обществу бессмысленно и совершенно не нужно. Философия должна обратиться с вопросом о своей судьбе только к самой себе, что, конечно, звучит банально, но вопрос философии, заметим, не решен и не собирается разрешаться. В чем состоит судьба философии, что она не может (раз)решить свой вопрос?

Обоснование экзистенциально-ориентированного пересмотра классических философских категорий и их диалектического соотношения

Исторически сложившейся философской традиции свойственно романтизировать бытие как таковое, в действительности абсолютно противоположное мышлению и являющееся *буквально* его противником. В философствовании, которое занимает сторону мышления (или считает, что занимает эту сторону) и не может принципиально выйти из нее, полагается, что в мышлении бытия речь идет о бытии самом по себе. Так философия необоснованно прокладывает мост между несводимыми элементами дихотомии бытия и мышления, неправомерно гипотезирует связь бытия и мышления. Эта связь (наверное) есть, точнее, «есть», поскольку она не прямая, а скорее, обратная, не позитивно-диалектическая, но парадоксально-, негативно-диалектическая. Релевантный образ для современных философии, культуры, общества, цивилизации — зависящая операционная система, впадшая (падшая) в паралич. Почему в большинстве своем бытие воспринимается как робот, который все делает «правильно», а не как нечто живое (живая душа), которое делает все как придется (точнее, как пришло) и как по-

лучится (именно — как получилось)? Помимо несчастного сознания [Гегель Г.В.Ф., 2000, с. 104–115] могут быть еще «несчастные»: несчастное бытие и несчастный эйдос (порождающий первопринцип, запутавшийся в себе самом и в своих порождениях).

Человеческое общество, скорее всего, уже не сможет найти прежней смысловой и метафизической полноты бытия; оно теперь отчуждено от последнего навсегда, и человек в своей доле ответственности за это отчуждение; бытие не наше, оно «это»: не в «нашем» бытии, но в «этом» бытии. Если противоречия жизни/бытия невозможно разрешить, то на них возможно выстроить философскую теорию. В глубине и неразрешимости противоречий бытия заложен возможный смысл для современного типа философствования; но нужно признать, что само философствование бесконечно продуцирует «концы», «зависания» и «перезагрузки» философии своим постоянным возвращением к (раз)мышлению о бытии [Бадью А., 2003, с. 143–149]. Современная философская система не может быть «прямой» в духе старой метафизики («аксиоматически выстроенной»): любая философская концепция, которая в настоящей ситуации объявит себя «непротиворечивой», «истинной», «логически верной», «наиболее всеобщей», будет не более чем пустословием. Понимание бытия должно быть экзистенциально обоснованно, экзистенциально подлинно. *Отрицательность экзистенциальной подлинности лучше «положительности» компромиссно-лакировочных схем наличного бытия* — в этом центральный общеполитический посыл настоящего исследования.

Совмещение наличной экзистенциальной падшести и возвышенного философствования о «бытии» неподлинно; возможный принцип построения современной философии — философская концепция, исходящая (не основанная!) из противоречивости бытия, а не из «бытия». В современной философии должны быть оговорки (не во фрейдистском смысле) — добавления, примечания, которые важнее «аксиоматических» положений. Никакие «прямолинейные» схемы не могут работать, поскольку они в действительности порождают только свою полную противоположность — зависание противоречий без разрешения. Но, видимо, фатум философствования состоит в зачарованности «бытием»,

из которой (точнее, *из которого*, именно из этого закавыченного фантома, небытийного бытия) рождается его роботизированность, непогрешимость, «абсолютность». Противоречия философии и философа словно порождены роком, судьбой философствования, вернее, архетипичной схемой «мышления бытия». Противоречия/судьба философии принципиально неразрешимы: они неизбежно движутся по кругу, пребывая в цикле дурной бесконечности «всегда», что, впрочем, не означает моратория на попытки разрешения противоречий философии в «теперь» современности. Потеря подлинности в настоящем не означает того, что эту подлинность не стоит искать вообще; дело обстоит принципиально наоборот: навечно потеряв, сильнее ищем и зовем потерянное.

Общий очерк принципиальных основ хронотопологии

Следствие изложенного выше — (ре)структурирование принципиального (общефилософского, диалектического и мировоззренческого) основания хронотопологической концепции, коим представляется синтез следующих экзистенциально-критически пересмотренных переменных: 1) парменидово понятие бытия [Маковельский А.О., 1999, с. 398–408] (истолкованное вне, насколько это возможно, спекулятивных характеристик); 2) платоновская диалектика одного и иного [Платон, 2008, с. 1036–1097] с пониманием того, что в ее сердцевине может быть заложена негативность, парадоксальность; 3) платиновская космология [Плотин, 1995, с. 33–37] (как одна из наиболее масштабных моделей диалектической взаимосвязанности сущего); 4) диалектика вечности творящего принципа и временности сотворенного у Августина [Августин, 2005, с. 182–183] (ведущая за собой основу понимания времени); 5) лейбницева монадология [Лейбниц Г.В., 1982] (с прояснением понятия предустановленной гармонии, синхронизма монадных рядов, что дает понимание соотношения временных штреков/жизненных путей); 6) гегелевская диалектика [Гегель Г.В.Ф., 1970, с. 167–169] (предельное логически-спекулятивное развитие диалектики одного и иного); 7) экзистенциально пересмотревшая диалектику Гегеля феноменологическая онтология Ж.-П. Сартра

[Сартр Ж.-П., 2008, с. 14] (понятие неантизации (ничтожения), диалектика бытия и ничто, экзистенциально интерпретированные диалектические модусы в-себе, для-другого, для-себя). Эти принципы, совместно с вышеотмеченным ясперсовым вариантом экзистенциализма (понятия экзистенции, самости), могут послужить общефилософским основанием для базовой хронотопологической модели (хронос-тополокус) А.А. Ухтомского – М.М. Бахтина, разворачивая ее в структуру «сущее – человек – культура // время – пространство – место».

Пределом хронотопологии будет все, выходящее за рамки пространственной и временной определенности (например, то, что вне сущего: вечность субстанциалистски понятой natura naturans); фактически это означает замкнутость хронотопологической теории на онтическую сферу (регион сущего), что, несомненно, сопряжено с реляционистским пониманием времени-пространства. В результате отмеченные фундаментальные схемы, синтезированные в одну философскую идею и картину мира, рассматриваются базовыми категориальными принципами (системой категорий, выражающей и одновременно синтезирующей мировоззренческий принцип) хронотопологической концепции до всякой предметной ее конкретизации, и впоследствии из этой субструктуры формируются (генетически выводятся как из собственной субстанциальной основы) все противоречия и особенности времени, пространства и места сущего. Специфичность, уникальность временения, опространствления, расположенности человека будут заложены, например, в базовой принципиальной модели как ее следствие. Так, особенности временных и пространственных практик конкретной человеческой жизни будут существенно/генетически предопределены уже сложившимися к моменту появления в мире индивида налично-бытийными условиями, уже сформировавшимся конкретно-историческим целым культуры. Именно эти особенности, эту исходную нагруженность своего временения и опространствления (в том числе экзистенциально-этического толка) человек будет так или иначе воспроизводить, синтезировать на протяжении всего жизненного пути.

Базисное соотношение оснований и следствий/временных и пространственных определенностей в хронотопологии

Понятия порождающего основания, первопринципа, монады, эйдоса представляют собой в разрабатываемой схеме условно исходный уровень. Бытие-монада не есть недвижимое, одно или многое, оно пребывает в перманентном противоречии, переключении, пульсации, колебании, мерцании [Комаров С.В., 2007, с. 716–726] между бытием и небытием. Принцип мерцания/пульсации заключается в следующем: действие порождает обратное действие; бытие есть небытие; одно есть иное, но не в смысле «становления», а в смысле зависания, словно в полутьме, сумерках мерцает старый заброшенный маяк; парменидово «одно» раскрывается как *n*-ое множество бытийных принципов, репрезентированных жизненными путями сущего; сущее есть явление и реализация этого множества бытийных принципов: «каждое» сущее — «каждый» принцип. Пример пульсации порождающего бытийного основания: монада как бытийный принцип есть множество и есть одно; монада есть и не есть. В этом мерцании возникает иллюзия «внешнего» и «внутреннего», окружающего мира (макрохронотопа) и единичного бытия сущего (микрохронотопа — например, человеческой самости, личностного мира), вещи протяженной и мыслящей (общность мира как постфактуальное обобщение мерцания). Пульсация порождает становление, временение (возможно, порождает иллюзию их), которое раскрывается как штрек экзистирования [Железняк В.Н., 2015, с. 562–567], как хронотоп личностного бытия, хотя монада (бытийный принцип) не может быть ни «одним» ни «множеством» «индивидуальностей», она есть как таковая, но вместе с тем не есть, поскольку не может быть «одной» («одна» или не «одна» монада — это логически-метафизический нонсенс).

В неоплатонической традиции то, что в данном случае именуется пульсацией/мерцанием монады-эйдоса, обозначалось в противоположном — сверхвозвышенном — ключе, а именно в понятии эманации [Брейс Э., 2012, с. 129], поскольку первоисходной установкой древнего и античного мирозерцания была полнота бытия и бытийных принципов, как следствие, имело

место представление о неотчужденности, подлинности, абсолютной благодати эманирования первопринципов. В настоящем исследовании порождающее бытийное основание предстает монадой, осциллирующей в бытии-небытии, сворачивании-разворачивании, пульсирующей «между» макрохронотопом и микрохронотопом, единичным и общим и т.п. Это наглядное проявление изначальной негативной и парадоксальной природы диалектики одного и иного, в которой оказывается также фундированной (завязшей) и связь *natura naturans* (одно) с *natura naturata* (иное), творящего и тварного [Августин, 2006, с. 217]. В «бытии» временение монады «завихряется», «скручивается», а затем «фиксируется», «стабилизируется» — таким способом возникает то, что именуется пространством, вместилищем, общим, миром, универсумом. Мерцание порождающего принципа бытийной субстанции выражается в условной схеме: бытие — замыкание, небытие — размыкание (или наоборот). В смерти напряжение штрека спадает и пространство размыкается: «индивид» выпадает из пространственно-временного опыта, из мира-макрохронотопа. В событии, со-бытийном становлении бытия [Бахтин М.М., 2003], пространство и время «скручиваются», концентрируются.

Микрохронотоп (жизненный штрек индивида / бытие самости) оказывается открывающимся как «есть» по отношению к бытию как таковому (иначе: для «общего» бытия всякое единичное бытие — не есть, т.е. безразлично), а макрохронотоп «есть» (кавычки здесь обозначают инобытийный, небытийный смысл) постфактум выстроенная общность. Необходимо отметить неантиципирующую амбивалентность [Сартр Ж.-П., 2000, с. 59–60] подобной ситуации, ведь пульсация-противоречие и порождает две ее стороны: микрохронотоп, монада, экзистенциальный штрек как бытие, с одной стороны, и макрохронотоп как небытие, с другой. Этим же синтезируется обратная дифференция: для мира «все остальное» есть небытие и поступает он с ним соответствующим образом, что доказывается неоднократно подмеченным безучастием, равнодушием окружающего мироздания к человеку [Стерледева Т.Д., 2005]. С чем же сущее имеет дело (каков способ его бытия)? Для пульсирующей монады все, что вне ее экзистенциального штрека, есть небытие (и

мир, и Другой): «есть» существует только как «объект» или, иначе говоря, принципиально «не есть». Экзистенциалистская формулировка этого соотношения может звучать так: «невозможно прожить чужую жизнь и жить чужой жизнью». Соответственно, и для «другой» монады «эта» монада («моя») тоже не более чем небытие. От «другого» бытия ко «мне» долетают лишь осколки, отголоски.

Принципиальным представляется то, что «общей», «другой», а равно и «моей» монады быть не может, ибо «бытие» есть пульсация бытия-небытия, сворачивание в «одну» монаду и выворачивание в условные «монады», макро- и микрохронотопы «одновременно»: не «монада» продуцирует «души» (нижележащие монадические принципы) и даже не «все души» и есть «монада» (как «супермонада», что было бы примитивным пантеизмом), но одно парменидово бытие-монада не есть одно, но есть «одно» (экзистенциалистски: не есть одна, но, скорее всего, обреченная быть одной). Существует *n*-ое «количество» экзистенциальных штреков, которые не есть экзистенциальные штреки (модус бытия), а «есть» (не «есть» по фундаментально-метафизическим основаниям, но «есть» как выражение модуса бытия, «есть» налично-фактическим образом) мир и, собственно, то, что называется бытием сущего и способом бытия сущего, особенно человека. Из «своего» штрека выпасть невозможно, ибо «некуда» — его иное есть (его) небытие. «Свой» штрек, в свою очередь, «никуда» не ведет, ибо он есть монада, а монада есть не нечто как таковое, «устойчивое» основание, но потенциальное состояние пульсации, которое формирует мир, но и, следовательно, этим формирует небытие для «меня» (обратно, формирует меня как бытийствующего в небытийном для меня «мире»).

Штрек не есть штрек, не есть время, не есть путь, но одновременно и есть как штрек, как время, как пространство, как место-локус событийности, свершимости бытия, как путь; здесь проявляется модус бытия сущего, реализующийся бытийный принцип. Это открытие собственно бытийной процессуальности как таковой, наглядная картина воплощения, осуществления порождающей модели. В макрохронотопе схема реализации порождающего принципа заретуширована (прежде всего, пространством), непонятна, незаметна и не может

быть принята, как, например, не видна «атомарная модель» в «реальном» сущем. Жизненные/бытийные противоречия не разрешаются и не разрешатся, ибо им не в чем и не для кого разрешиться: мир, бытие, макрохронотоп внешне выражены как синтетически постфактально сотканная картина для «каждого» «конкретного» сущего, что, разумеется, ни в коем случае нельзя принимать буквально как субъективистско-солипсистское отрицание «внешнего мира», но, скорее, следует рассматривать как экзистенциально, этически и особенно эстетически ориентированную постановку вопроса. *Мир/бытие есть/структурируется как модус для-другого «моего» бытия, хотя «мое» бытие принадлежит модусам в-себе и для-себя. Для-другого получается неизбывным (необходимым) выпадением из модусов в-себе и для-себя, их порождающим разрушением, аннигилирующим синтезом.*

Заключение

Представим выводы по нашему исследованию:

1. В результате проведенного пересмотра классических философских категорий мы можем сказать, что *бытие есть небытие и «есть» как небытие, как «небытие»; обратно: небытие «есть» бытие и «есть» как «бытие», не есть бытие*; в этом выражении предстает экзистенциально переформулированный парменидов принцип. Дополним определение и представим наиболее экзистенциально полную его интерпретацию: *к сожалению, бытие есть небытие, поэтому оно не «мое», не мое, не наше, не «наше», а «это»*. И, наконец, этически раскрытая формулировка: *но небытие не есть бытие*.

2. Обретая экзистенциальную подлинность и в ней бытийную полноту, человек теряет внешнюю «наполненность», «лакированную» добродетельность повседневно-обывательского «благополучия», его фальшивую, надутую «полноту», которая в действительности представляет собой принципиальную бытийную неполноту, отчужденность (т.е. трату, «убивание» времени в наличном бытии). *Экзистенциальное отрицание (отрицательность) означает на деле метафизическую, бытийную положительность, экзистенциальную подлинность; наоборот, налично-бытийная*

«положительность» («позитивность») означает абсолютную экзистенциальную падшесть, принципиальную бытийную неполноту.

3. В философии и методологии науки достаточно давно констатируется наличие множества подводных камней и скрытых течений в эволюции европейской классической и постклассической науки, таких как конвенциализм, однако остается без внимания наличие схожих явлений во всей сложившейся философской традиции. Мультиплицирование и аккумуляция негативных и неоднозначных явлений в философии могло привести и к настоящему времени привело лишь к невозможности, а точнее говоря, к категорической недопустимости игнорирования, ретуширования, замалчивания экзистенциальной падшесть, принципиальной бытийной неполноты жизни современного ученого, философа, философии.

4. В условиях неоднозначности, противоречивости эволюционного пути современного общества представляется необходимым принципиальное требование экзистенциальной подлинности, неотчужденности бытия мыслителя и самой науки. В том случае, если намеченное принимается в качестве идейной, теоретической и методологической установки, то при обращении к наследию европейской философской традиции, к ее ключевым категориальным схемам принципиальным требованием становится их пересмотр (не слепое отбрасывание и отвержение) с точки зрения экзистенциальной подлинности. Общие диалектические схемы (например, позитивная диалектика), основанные на снятии противоречий, при такой постановке вопроса теряют спекулятивно-метафизический смысл своих гипостазированных построений и открываются в качестве неоднозначных (для привыкшего к «предметности», «вещности», «фактичности», «личности» сознания), но экзистенциально подлинных схем.

5. Такая обратность, однако, категорически не означает негации, огульного отрицания, кривого отзеркаливания категориальных рубрик, но обнаружение их экзистенциально подлинного основания, которое не ретушируется, не исчерпывается и не оправдывается спекулятивными лакировочными конструкциями. Речь должна идти не об оголтелом отрицании или

разрушении научной и философской традиции и ее категориальных рубрик, а об их экзистенциальной непротиворечивости.

На подобном основании становится возможной дальнейшая эволюция хронотопологической теории, отвечающая современности. Вопрос об экзистенциальной подлинности и бытийной полноте, видимо, навсегда потерянных в настоящем и более никогда не доступных в будущем, но неизбежно зовущих к себе, может стать концептуальным фундаментом хронотопологической концепции: *время и пространство человека приобретают экзистенциальную глубину и осмысленность, а также этическое и эстетическое измерение*. На намеченной данной работой теоретической и мировоззренческой основе может получить свое последующее развитие модель становления и эволюции пространственно-временной организации сущего в антропологической, гносеологической, социальной, культурологической и иной возможной конкретизации.

Список литературы

- Августин*. Исповедь блаженного Августина, епископа Гиппонского. М.: АСТ, 2006. 448 с.
- Августин*. Трактаты о различных вопросах. М.: Империя Пресс, 2005. 352 с.
- Бадью А.* Манифест философии. СПб.: Machina, 2003. 184 с.
- Бахтин М.М.* К философии поступка // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. С. 7–68.
- Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). М.: Языки славянских культур, 2012. С. 341–511.
- Брейе Э.* Философия Плотина. СПб.: Владимир Даль, 2012. 392 с.
- Гегель Г.В.Ф.* Наука логики: в 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1970. 501 с.
- Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа. М.: Наука, 2000. 495 с.
- Декарт Р.* Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Декарт Р. Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 250–296.
- Деррида Ж.* Позиции. М.: Академ. проект, 2007. 160 с.
- Железняк В.Н.* Мышление и воля. Пермь: Изд-во ПНИПУ, 2015. 616 с.

Комаров С.В. Метафизика и феноменология субъективности. СПб.: Алетейя, 2007. 736 с.

Лейбниц Г.В. Монадология // Лейбниц Г.В. Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1982. Т. 1. С. 413–429.

Маковельский А.О. Досократики. Доэлеатовский и элеатовский периоды. Минск: Харвест, 1999. 784 с.

Мейясу К. После конечности: эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015. 196 с.

Платон. Парменид // Платон. Диалоги. М.: Эксмо, 2008. Кн. 1. С. 1021–1100.

Плотин. Космогония. М.: REFL-book; Киев: Ваклер, 1995. 304 с.

Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. М.: Республика, 2000. 639 с.

Сартр Ж.-П. Проблемы метода. Статьи. М.: Академ. проект, 2008. 222 с.

Стерледева Т.Д. Информационное общество: новые категории и методы исследования человека и его будущего // Ученые записки гуманитарного факультета. Пермь: ПГТУ, 2005. Вып. 13. С. 150–160.

Ухтомский А.А. О хронотопе // Ухтомский А.А. Доминанта. Статьи разных лет. 1887–1939. СПб.: Питер, 2002. С. 67–71.

Ясперс К. Философия. Кн. 1: Философское ориентирование в мире. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2012. 384 с.

Получена: 23.01.2022. Доработана после рецензирования: 21.07.2022. Принята к публикации: 17.08.2022

References

Augustinus (2005). *Traktaty o razlichnykh voprosakh* [Treatises on various issues]. Moscow: Imperium Press Publ., 352 p.

Augustinus (2006). *Ispoved' blazhennogo Avgustina, episkopa Gipponskogo* [Confession of saint Augustinus, bishop of Hippo]. Moscow: AST Publ., 448 p.

Badiou, A. (2003). *Manifest filosofii* [Manifesto of philosophy]. St. Petersburg: Machina Publ., 184 p.

Bakhtin, M.M. (2003). [To the philosophy of the act]. *Bakhtin M.M. Sobranie sochineniy. T. 1: Filosofskaya estetika 1920-kh godov* [Bakhtin M.M. Collected works. Vol. 1: Philosophical aesthetics of the 1920s]. Moscow: Russkie Slovari Publ., Yazyki slavyanskoy Kul'tury Publ., pp. 7–68.

Bakhtin, M.M. (2012). [Forms of time and chronotope in a novel]. *Bakhtin M.M. Sobranie sochineniy. T. 3: Teoriya romana (1930–1961 gg.)* [Bakhtin M.M. Collected works. Vol. 3: Theory of

the novel (1930–1961)]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., pp. 341–511.

Brehier, E. (2012). *Filosofiya Plotina* [The philosophy of Plotinus]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 392 p.

Derrida, J. (2007). *Pozitsii* [Positions]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 160 p.

Descartes, R. (1989). [A Discourse on the Method: of Correctly Conducting One's Reason and Seeking Truth in the Sciences]. *Descart R. Sochineniya: v 2 t.* [Descartes R. Works: in 2 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 1, pp. 250–296.

Jaspers, K. (2012). *Filosofiya. Kn. 1: Filosofskoe orientirovanie v mire* [Philosophy. Book 1: Philosophical orientation in the world]. Moscow: Kanon+ Publ., ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 384 p.

Hegel, G.W.F. (1970). *Nauka logiki: v 3 t. T. 1* [The science of logic: in 3 vols. Vol. 1]. Moscow: Mysl' Publ., 501 p.

Hegel, G.W.F. (2000). *Fenomenologiya dukha* [The phenomenology of the spirit]. Moscow: Nauka Publ., 495 p.

Komarov, S.V. (2007). *Metafizika i fenomenologiya sub'ektivnosti* [Metaphysics and phenomenology of subjectivity]. St. Petersburg: Aleteyia Publ., 736 p.

Leibniz, G.W. (1982). [Monadology]. *Leibnits G.W. Sochineniya: v 4 t.* [Leibniz G.W. Works: in 4 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 1, pp. 413–429.

Makovel'skiy, A.O. (1999). *Dosokratiki. Doleatovskiy i eleatovskiy periody* [Pre-Socratics. Doelead and eleat periods]. Minsk: Kharvest Publ., 784 p.

Meillassoux, Q. (2015). *Posle konechnosti: esse o neobkhodimosti kontingentnosti* [After finitude: essay on the need for contingency]. Yekaterinburg, Moscow: Kabinetnyy Uchenyy Publ., 196 p.

Plato (2008). [Parmenides]. *Platon. Dialogi* [Plato. Dialogs]. Moscow: Eksmo Publ., book 1, pp. 1021–1100.

Plotinus (1995). *Kosmogoniya* [Cosmogony]. Moscow: REFL-Book Publ., Kiev: Vakler Publ., 304 p.

Sartre, J.-P. (2000). *Bytie i nichto* [Being and nothing]. Moscow: Respublika Publ., 639 p.

Sartre, J.-P. (2008). *Problemy metoda. Stat'i* [Method problems. Articles]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 222 p.

Sterledeva, T.D. (2005). [The information society: New categories and methods of researching man and his future]. *Uchenye zapiski gumanitarnogo fakul'teta* [Academic Notes of the Faculty of Humanities]. Perm: PSTU Publ., iss. 13, pp. 150–160.

Ukhtomskiy, A.A. (2002). [About the chronotope]. *Ukhtomskiy A.A. Dominanta. Stat'i raznykh let. 1887–1939* [Ukhtomskiy A.A. Dominant. Articles of different years. 1887–1939]. St. Petersburg: Piter Publ., pp. 67–71.

Zheleznyak, V.N. (2015). *Myshleniye i volya* [Thinking and will]. Perm: PNRPU Publ., 616 p.

Received: 23.01.2022. Revised: 21.07.2022. Accepted: 17.08.2022

Об авторе

Политов Андрей Викторович

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и права

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;
e-mail: erikhczeren@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4175-9040>
ResearcherID: AAE-6527-2021

About the author

Andrei V. Politov

Candidate of Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department
of Philosophy and Law

Perm National Research Polytechnic University,
29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia;
e-mail: erikhczeren@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4175-9040>
ResearcherID: AAE-6527-2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Политов А.В. Теоретико-мировоззренческие основания хронотопологической концепции в контексте переосмысления современного состояния философии и ее классических категориальных схем // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 3. С. 441–451. DOI: 10.17072/2078-7898/2022-3-441-451

For citation:

Politov A.V. [Theoretical and ideological foundations of the chronotopological conception in the context of rethinking the modern state of philosophy and its classical categorical schemes]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 3, pp. 441–451 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-3-441-451

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.922:122

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-3-452-464

**КАУЗАЛЬНЫЙ СЛЕД В ИНДИВИДУАЛЬНО-ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИЯХ.
СООБЩЕНИЕ 1. ИНТЕГРАЦИИ И КАУЗАЛЬНОСТЬ***Дорфман Леонид Яковлевич**Пермский государственный институт культуры (Пермь)**Калугин Алексей Юрьевич**Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Пермь)*

В настоящее время существует огромное разнообразие теорий, эмпирических моделей, объясняющих разные аспекты психики человека. Все это многообразие приводит к «фасеточности» психологии (Д.В. Ушаков). Возможно ли из этого состояния эмпирической многоаспектности перейти к целостному пониманию человека? Я.А. Пономарев предложил два пути решения данной проблемы: синтез «сверху – вниз» и синтез «снизу – вверх». Первый путь предполагает движение от теории к эмпирической верификации, второй — от эмпирических моделей к теоретическим обобщениям. Возможен и третий путь — интеграция «сверху» и «снизу» совместно, т.е. теоретически и эмпирически с единых позиций. Так обеспечивается дополнительность теории и эмпирии. Цель данной работы — изучить возможность кросс-эмпирических индивидуально-интеллектуальных интеграций на кросс-теоретической основе, которую составляют теория интегральной индивидуальности В.С. Мерлина, структурно-динамическая теория интеллекта Д.В. Ушакова, теория дивергентного (креативного) мышления Дж. Гилфорда. В качестве методологических оснований исследования выступают: общенаучный принцип системности; полисистемный подход, который предполагает как различение нескольких систем, так и их объединение в общую более крупную метасистему; интегративный подход в психологии. Основными методами исследования являются анализ, синтез и обобщение. Намечены три линии интеграции: теоретические совместно с эмпирическими, кросс-теоретические и кросс-эмпирические. На основе рассмотрения ближних причин, а также каузального процесса, разработана концепция каузальных цепей, позволяющая изучить индивидуально-интеллектуальные интеграции в динамике их изменений. Выделены гомогенные и гетерогенные каузальные цепи. Впервые предложено рассматривать индивидуально-интеллектуальные интеграции в ракурсе каузальной цепи. Результаты теоретического анализа могут быть использованы для эмпирического выявления индивидуально-интеллектуальных интеграций как основных компонентов образовательного капитала.

Ключевые слова: системный подход, интеграция, каузальность, индивидуально-интеллектуальные интеграции, каузальные цепи.

A CAUSAL FOOTPRINT IN INDIVIDUAL-INTELLECTUAL INTEGRATIONS.
PART 1. INTEGRATIONS AND CAUSALITY

Leonid Ya. Dorfman

Perm State Institute of Culture (Perm)

Alexey Yu. Kalugin

Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm)

Today, there is a huge variety of theories, empirical models that explain different aspects of the human psyche. All this diversity leads to a «faceted» psychology (D.V. Ushakov). Is it possible to move from this state of empirical multidimensionality to a holistic understanding of the person? Ya.A. Ponomarev proposed two ways to solve this problem: the «top-down» synthesis and the «bottom-up» synthesis. The former involves moving from theory to empirical verification, the latter — from empirical models to theoretical generalizations. A third way is also possible: integration «from above» and «from below» jointly, i.e. theoretically and empirically from a unified standpoint. This ensures the complementarity of theory and empiricism. This paper aims to study the possibility of cross-empirical individual-intellectual integrations on a cross-theoretical basis, which consists of V.S. Merlin's theory of integral individuality, D.V. Ushakov's structural-dynamic theory of intelligence, and J. Guilford's theory of divergent (creative) thinking. The methodological bases of the study are the general scientific principle of consistency; the polysystemic approach, which involves both distinguishing several systems and combining them into a larger metasystem; the integrative approach in psychology. The main research methods were theoretical analysis, synthesis, and generalization. Three lines of integration have been outlined: a theoretical view and an empirical view implemented jointly, cross-theoretical, and cross-empirical approaches. Based on the study of the near causes and the causal process, the concept of causal chains has been developed. It allows one to study the changes and dynamics of individual-intellectual integrations. Homogeneous and heterogeneous causal chains have been identified. This paper is the first to suggest considering individual-intellectual integrations from the perspective of the causal chain. The results of the theoretical analysis can be used for empirical detection of individual-intellectual integrations as major components of educational capital.

Keywords: systemic approach, integration, causality, individual-intellectual integrations, causal chains.

Введение

Существует много не связанных между собой моделей процессов, свойств, состояний, которые не дают целостного видения психики человека. В результате складывается психология «фасеточного типа» [Ушаков Д.В., 2018, 2020]. Я.А. Пономарев [Пономарев Я.А., 1983] показал, что корень этих проблем заложен в эмпирической многоаспектности знания. Он предложил программу построения психологической теории, позволяющую синтезировать отдельные модели психических явлений в целостную конструкцию. Реализация этой программы ведет к возникновению интегративной психологической теории вместо разрозненных «фасеток». Так психология выходит на новый уровень понимания образа человека и его места в мире.

Я.А. Пономарев [Пономарев Я.А., 1983] наметил два пути синтеза. Одно направление связано с эмпирическим синтезом. Было уста-

новлено общее между не связанными прежде моделями (синтез «снизу – вверх»). Другое направление наметило априорный синтез «сверху – вниз». Он позволил дедуцировать локальные модели из общих принципов. Фундаментальная программа развития психологии Я.А. Пономарева идет от разрозненной эмпирической многоаспектности к «действенно-преобразующей» или интегративной.

В российской психологии интегративная традиция развивается преимущественно по модели синтеза «сверху – вниз» в трудах таких исследователей, как Б.Г. Ананьев [Ананьев Б.Г., 2018], А.В. Карпов [Карпов А.В., 2021], Б.Ф. Ломов [Ломов Б.Ф., 1984], Д.В. Ушаков [Ушаков Д.В., 2020], Н.И. Чуприкова [Чуприкова Н.И., 2016], А.В. Юревич [Юревич А.В., 2005]. Эту традицию развивают их ученики и последователи [Волкова Е.В., 2016; Вяткин Б.А., Щукин М.Р., 2016]. Эмпирическая же традиция изучения интеграции психических

явлений [Вяткин Б.А., Дорфман Л.Я., 2018; Дорфман Л.Я., Калугин А.Ю., 2021; Мерлин В.С., 1986; Толочек В.А., 2017], за немногими исключениями, слабо развита. Еще меньше разработаны вопросы интеграций «сверху» и «снизу» совместно, т.е. с единых теоретических и эмпирических позиций. Так обеспечивается дополнительность теории и эмпирии. В известной степени это сужает ситуацию «фасеточности» и эмпирической многоаспектности исследовательской области, указывает на целостность теоретического и эмпирического изучения интеграций в едином ключе.

Одной из предпосылок интегративной методологии является системный подход. В нем интеграция понимается как обратная сторона целостности, т.к. целостность — это результат интеграции частей. Структурные законы целого по своей сути — это законы интеграции, а системные качества целого — результат интеграции. Таким образом, в рамках системного подхода целостность и интеграция двуедины: состав и структура, взаимосвязи частей, интегративные и «кооперативные» качества, общие законы [Барбанщиков В.А., 2007; Вяткин Б.А., Дорфман Л.Я., 2018; Кузьмин В.П., 1982; Ломов Б.Ф., 1984; Ушаков Д.В., 2011а, 2011b; Юревич А.В., 2005]. Несколько иной предпосылкой интегративной методологии является полисистемный подход [Вяткин Б.А., Дорфман Л.Я., 2018; Дорфман Л.Я., 2016]. Он предполагает как различие нескольких систем, так и их объединение в общую более крупную метасистему [Дорфман Л.Я., 2016].

В настоящей работе ставится задача изучить возможности кросс-эмпирических индивидуально-интеллектуальных интеграций на кросс-теоретической основе, которую составляют теория интегральной индивидуальности В.С. Мерлина [Мерлин В.С., 1986], структурно-динамическая теория интеллекта Д.В. Ушакова [Ушаков Д.В., 2011а], теория дивергентного (креативного) мышления Дж. Гилфорда [Guilford J.P., 1967]. При этом индивидуально-интеллектуальные интеграции рассматриваются в форме каузальных цепей.

Линии интеграции

Можно наметить три линии интеграции: теоретические совместно с эмпирическими, кросс-теоретические и кросс-эмпирические.

Теоретические и эмпирические интеграции

Линия объединения теоретических и эмпирических моделей выражается в том, что теория служит объединяющим началом для совокупности явлений, понятий, гипотез и обнаруженных в данной области законов. В пределах теории они теряют свою автономность, становясь элементами единой системы. В теории действуют правила логического вывода, на основе которых суждения выводятся из предыдущих суждений [Копнин П.В., 1974]. Теоретический план анализа раскрывает гносеологический (познавательный) срез реальности.

Эмпирические модели представляют собой описание фрагментов психической реальности и поведения в том виде, в каком они чувственно даны самонаблюдениям участников исследования и наблюдению специалистов. Отметим, что исследователи в целом склонны доверять своим ощущениям и восприятию. Поэтому наблюдение понимается в расширительном смысле как собственно наблюдение, но также как измерение, тестирование, опрос, свидетельства очевидцев, эксперимент и т.п. [Stanovich К.Е., 1992]. Эмпирическая психология имеет дело также с ненаблюдаемыми явлениями. Они выходят за рамки наблюдений и обобщаются с помощью вычислений. К примеру, многие статистические расчеты направлены на установление латентных факторов. Латентные факторы отражают ненаблюдаемые явления, выходящие за границы имеющихся данных. Таким образом, исследователь имеет возможность опираться не только на данное в наблюдении (чувственная реальность), но и на полагаемое (сверхчувственная реальность). Эмпирический план анализа раскрывает онтологический (бытийный) срез реальности.

Я.А. Пономарев [Пономарев А.Я., 1983] исходил из того, что следует соотносить гносеологический план анализа с онтологическим. Принцип двуаспектности, полагал Я.А. Пономарев, позволяет приблизиться к решению проблемы интеграции теоретического и эмпирического знания.

По мнению С.Л. Рубинштейна [Рубинштейн С.Л., 2003], не мышление человека является отправной точкой открытия реального существования мира, а его чувственность, практика. Для научного познания характерны два

подхода к пониманию соотношения чувственного опыта и мышления: индуктивный и дедуктивный. При ориентации на индуктивный подход исследователи полагают, что новые идеи, обобщения, законы и теории должны быть основаны на фактах, данных в чувственном опыте. Приверженцы дедуктивного подхода считают, что задача чувственного опыта — поддерживать или опровергать выдвинутые теории, а не быть их основой. И в том, и в другом случае чувственный опыт оказывается противоположен логике, однако последнее слово остается за ним. Не согласимся с Декартом и Гегелем в том, что не все разумное действительно [Поппер К.Р., 2002]. Одна безукоризненная логическая конструкция находит эмпирическую поддержку в чувственной реальности, другая — нет. Следовательно, логика, основанная на эмпирических данных, имеет существенные преимущества перед умозрительной логикой [Дорфман Л.Я., 2017]. Здесь возникает проблема: почему логика, поддержанная эмпирическими данными, имеет преимущества перед умозрительной логикой? Это недостаточно осмысленная проблема теоретически-эмпирических интеграций, нуждающаяся в специальном исследовании.

Кросс-теоретические интеграции

Другой линией исследований являются кросс-теоретические интеграции. Имеются в виду именно перспективы объединения нескольких теорий. Когда в фокус внимания попадает несколько теорий, возникает проблема их взаимоотношений. При сравнении теорий выявляются две противоречивые и вместе с тем взаимосвязанные, несуществующие друг без друга тенденции — дифференциация и интеграция [Ломов Б.Ф., 1984]. Дифференциация как бы встраивается в интеграцию и служит ее основанием. Другим основанием интеграции теорий является их связность [Волкова Е.В., 2016; Ломов Б.Ф., 1984; Мерлин В.С., 1986; Ушаков Д.В., 2020; Чуприкова Н.И., 2016].

Интегрируемые теории могут иметь разный статус. Предлагается различать несколько разновидностей кросс-теоретических интеграций с позиций системного и полисистемного [Вяткин Б.А., Дорфман Л.Я., 2018; Дорфман Л.Я., 2016] подходов.

С позиции системного подхода система обычно понимается как целое, а ее подсистема рассматривается как ее «часть», которая тоже характеризуется относительной целостностью и взаимосвязью элементов [Кузьмин В.П., 1982]. Интегрируемые теории можно рассматривать как отношения системы и ее подсистемы (или подсистем). Интегрируемые теории складываются также как отношения нескольких систем, т.е. полисистемно. С позиций системного и полисистемного подходов отношения нескольких теорий толкуются структурно и функционально. В структурном плане теории, как правило, расходятся. Иначе говоря, они существуют и сосуществуют по отдельности. В функциональном плане, наоборот, у нескольких теорий обнаруживается способность к интеграции. Как отмечает Б.Ф. Ломов [Ломов Б.Ф., 1984], при накоплении данных в разных психологических теориях остро ставится задача их теоретического синтеза, раскрытия интегративных качеств человека.

Под функциональным углом зрения в рамках системного и полисистемного подходов возможно выделить как минимум три варианта кросс-теоретических интеграций.

В 1 варианте предполагается интеграция теорий по типу «система – подсистема 1 – подсистема 2» (каузальная цепь).

Вариант 2 заключается в том, что теории, которые подвергаются интегрированию, рассматриваются по типу «система и система». Условием их интегрирования может быть поиск и обнаружение общего у нескольких теорий. Эта новая общность должна быть шире общего у отдельных теорий, при этом «поглощать» их и вбирать в себя. Теоретические обобщения востребованы, хотя нередко оказываются противоречивыми и не укладываются под общее основание.

Вариант 3 представляется наиболее сложным и изощренным. Теории, которые подвергаются интегрированию, рассматриваются дуально: каждая теория является одновременно самостоятельной системой и подсистемой системы, в роли которой выступает другая теория. Подразумевается, что одна теория (система 1) и вторая теория (система 2) переплетаются следующим способом: одна теория встраивается в другую теорию ее частью. В свою очередь, другая теория встраивается в первую теорию ее частью.

Это значит, что может существовать общее пространство, в котором причины переплетаются. Кстати, С.Л. Рубинштейн [Рубинштейн С.Л., 2003] исходил из того, что существует некое общее пространство, в котором разные причины перекрещиваются [Дорфман Л.Я., Калугин А.Ю., 2021].

Кросс-теоретические и кросс-эмпирические интеграции

Еще одной линией исследований являются кросс-эмпирические интеграции. Имеются в виду перспективы объединения нескольких эмпирических теорий. Под эмпирическими подразумеваются теории, основанные на эмпирических понятиях [Дорфман Л.Я., 2017; Дорфман Л.Я., Калугин А.Ю., 2021]. Явления характеризуются многоаспектностью. На эмпирическую многоаспектность обратили внимание Я.А. Пономарев [Пономарев А.Я., 1983] и Д.В. Ушаков [Ушаков Д.В., 2018; Ушаков Д.В., 2020]. Именно в «фасеточности» и отсутствии целостного видения человека, как отмечалось в начале статьи, лежит корень эмпирической многоаспектности [Ушаков Д.В., 2018, 2020].

Эмпирическая многоаспектность означает, в частности, что может возникать и существовать некоторое множество эмпирических теорий, которые основаны на разных аспектах одной и той же эмпирической реальности. В то же время у нескольких явлений можно обнаружить ресурс и потенциал к их интеграции. Но интеграция будет зависеть от того, какие именно аспекты явлений рассматриваются совместно. То есть вряд ли кросс-эмпирическая интеграция покрывает целиком и полностью эмпирическую многоаспектность. Скорее наоборот, кросс-эмпирическая интеграция носит избирательный характер.

Возьмем, к примеру, проблему интеграции свойств интегральной индивидуальности по В.С. Мерлину [Мерлин В.С., 1986] с интеллектом по Д.В. Ушакову [Ушаков Д.В., 2011а] и дивергентным (креативным) мышлением по Дж. Гилфорду [Guilford J.P., 1967]. Во-первых, отбор этих теорий обусловлен тем, что они позволяют поставить проблему интеграции применительно к теориям, имеющим разные основания. Во-вторых, индивидуальность и интеллект с креативным мышлением не сводятся друг к другу, потому что свойства индивиду-

альности устойчивы и стабильны, а интеллект и креативность, наоборот, подвижны и нестабильны, зависят от требований задачи, ситуации, психического развития и т.п. Индивидуальность и интеллект с креативностью представляют собой отдельные и относительно самостоятельные теории, которые ведут к постановке вопроса об их кросс-эмпирических интеграциях [Дорфман Л.Я., Калугин А.Ю., 2021]. В-третьих, в школе В.С. Мерлина, в рамках которой работают авторы статьи, связь интегральной индивидуальности, интеллекта и дивергентного (креативного) мышления изучена слабо. С этих позиций объединение теории интегральной индивидуальности, структурно-динамической теории интеллекта Д.В. Ушакова [Ушаков Д.В., 2011а] и теории дивергентного (креативного) мышления Дж. Гилфорда [Guilford J.P., 1967] является перспективным. Интеграция этих теорий позволит обозначить новую, более широкую и глубокую область исследований. Так открывается проблема индивидуально-интеллектуальных интеграций в кросс-теоретическом и кросс-эмпирическом ключе. Эта проблема имеет теоретическое значение как для каждой из указанных выше теорий, так и для методологии кросс-теоретических и кросс-эмпирических интеграций, поскольку указывает на предпосылки, которые недооценивались ранее, в частности, на роль каузального фактора. Постановка проблемы интеграций в каузальном ключе позволит обогатить каждую из исследуемых теорий, как и их интеграции.

По критерию общего установлены индивидуально-интеллектуальные интеграции переменных интегральной индивидуальности с креативным мышлением. При этом свойства интегральной индивидуальности выступают как каузальный фактор креативного мышления. По критерию общего индивидуально-интеллектуальные интеграции переменных интегральной индивидуальности с психометрическим интеллектом не возникали [Dorfman L. et al., 2021]. Вместе с тем переменные психометрического интеллекта выполняли опосредующую функцию между переменными интегральной индивидуальности и креативного мышления [Дорфман Л.Я., Калугин А.Ю., 2021]. Очевидно, что если рассматривать другие теории психометрического интеллекта (скажем, двухфак-

торную теорию интеллекта Ч. Спирмена, теорию первичных умственных способностей Л. Терстона) или другие теории креативного мышления (скажем, теории креативности Т. Амабайл, Р. Стернберга, Э. Торранса), то проблему индивидуально-интеллектуальных интеграций придется ставить заново. Можно подвергнуть сомнению постановку проблемы кросс-эмпирических интеграций, минуя существование эмпирической многоаспектности.

Обозначенные выше линии интеграции можно изучать как по отдельности, так и в едином ключе. В последнем случае открывается более полная картина интеграций. Имеется в виду, что в теоретические интеграции совместно с эмпирическими встраиваются кросс-теоретические и кросс-эмпирические интеграции.

Каузальные цепи

Понимание сути явлений связано с познанием их причин. Перефразируя А. Эйнштейна, никакая наука не имеет полной теории до тех пор, пока не опирается на каузальность. По мнению Д.А. Леонтьева [Леонтьев Д.А., 2008], причинность — лакмусовая бумажка научного мировоззрения, по ней проходит водораздел между наукой, религией и обыденным сознанием. Появление концепций каузальности может стать следствием изучения причины как предмета научного исследования [Toomela A., 2019b]. Большое значение имеют исследования интеграций под углом зрения каузальности.

Предельная причина и множество ближних причин

Проблемой метафизики является поиск первопричины всего [Toomela A., 2019a]. Первопричина — это самопорождающееся, самообусловленное, самообъясняющее и непроеизводное ни от чего иного начало. Априорная психология, продолжая традиции метафизики, также занимается поисками первопричины в предельной (сверхчувственной) реальности. Имплицитно при метафизическом (априорном) подходе подразумевается бессмысленность поиска первопричины в чувственно постигаемой реальности. В противоположность идее об универсальной причине существуют представления о множестве близких причин. Это противоречие фундаментально по своей природе и сдерживает

исследование каузальности в психологии [Дорфман Л.Я., 2017].

Согласно С.Л. Рубинштейну [Рубинштейн С.Л., 2003], существует не одна, а множество причин. При этом существует некое общее пространство, в котором эти причины перекрещиваются. К сожалению, эти фундаментальные идеи до конца не осмыслены. В последние десятилетия вопрос существования множества причин активно обсуждается в зарубежной философии науки [Ben-Menahem Y., 2018; Cartwright N., 2004; Godfrey-Smith P., 2010; Ehrenstein K., 2022]. Так, например, Н. Картрайт [Cartwright N., 2004] указывает на видовое разнообразие причин, а также на различия в механизмах причин даже одного вида. Тренд современного обсуждения проблем каузальности сместился от поиска предельных начал в сторону изучения эмпирически постигаемой реальности. Признается существование не одной, а множества разнопорядковых причин (каузальный плюрализм).

В зарубежной науке обсуждение каузальности происходит преимущественно в терминах событий [Grace J.B., Irvine K.M., 2020; Nogueira A.R. et al., 2022; Shafer G., 2022]. Событие связано с местом и временем своего возникновения. В отечественной же науке каузальность нередко соотносится не с событиями, а с явлениями.

Каузальный процесс

У. Салмон [Salmon W., 1998] изучал каузальный процесс, в котором выделял производство (production) и распространение (propagation).

Каузальное производство — это порождение, влияние, результат, продукт. События сталкиваются, проникают одно в другое, при этом первое изменяет второе. Например, удар молотка производит столкновение гвоздя с деревом и приводит к проникновению первого во второе, тем самым меняя исходное состояние дерева. Каузальное распространение — это передача, перенос, прохождение, размножение информации, влияния, сигнала. Например, события прошлого влияют на поведение человека в настоящем. С помощью памяти происходит перенос информации из прошлого в настоящее.

Каузальный процесс связывает события (причину со следствием), поэтому имеет приоритет над событием [Salmon W., 1998]. Причи-

на оставляет отпечаток (след). Следует различать исходное состояние события (В) и отпечаток в нем влияния события А. Каузальный процесс отражает вклад причины (А) в следствие (В), модификацию состояния события В.

От каузального процесса к каузальной цепи

В 1950-е гг. было положено начало каузальному моделированию. Наиболее активно оно развивалось в 1980-е гг. в связи с развитием теории байесовских сетей. Один из лидеров каузального моделирования Дж. Пирл определил свой подход как «функциональные каузальные модели», а позже, учитывая возможности структурных линейных уравнений, обозначил его термином «структурные каузальные модели» [Pearl J., 2011].

Каузальные модели отражают каузальную сеть. Каузальная сеть, по Д. Гиллис и А. Садбери [Gillies D., Sudbury A., 2013], состоит из узлов (переменных) и путей (их взаимодействий) и представляет собой направленный ациклический граф, в котором отсутствуют пути, начинающиеся и кончающиеся в одной и той же вершине.

Каузальные модели имеют непосредственное отношение к статистическому моделированию. Сегодня для причинного анализа данных активно используется структурное моделирование [Mueller R.O., Hancock G.R., 2019], байесовские сети [Scutari M., Denis J.B., 2021], нейронные сети [Aggarwal S.C., 2018], временные ряды [Nielsen A., 2019], графовые модели [Luke D.A., 2015] и др.

Каузальность имеет непрерывно-прерывный характер. Так возникает феномен транзитивности. Транзитивность — это переход от события А (причины) к событию В (следствию). Каузальный процесс — опосредующее звено между этими событиями. Транзитивность можно понимать как каузальный процесс в значении переноса. Например, информация события А переносится на событие В и событие В модифицируется. Иными словами, событие А оставляет отпечаток в событии В.

У события В двоякий статус. Событие В существовало до действия на него события А и не зависело от А. Под действием события А событие В изменяется, модифицируется его исходное состояние, в нем появляется отпечаток события

А. Отпечаток не калька с события А, а результат взаимодействия причины, укорененной в событии А, и исходного состояния события В.

Существует множество подходов к пониманию «каузальных цепей» [Gillies D., 2018; Guo J. et al., 2022; Lee S., Feeley T.H., 2018; Qiu J. et al., 2018; Roberts S.G., 2018; Vuorre M., Bolger N., 2018]; мы понимаем под каузальной цепью последовательность событий, в которой каждое событие, кроме первого и последнего, примыкает (в пределе) к предыдущему событию с одной стороны и к последующему событию с другой.

Каузальный процесс связывает звенья каузальной цепи: 1) событие А — причина события В; 2) событие В — причина события С; 3) события А и В взаимодействуют и совместно влияют на событие С.

Строение каузальных цепей весьма разнообразно, во многом это связано с тем, что они характеризуются динамичностью и вариативностью. Мы остановимся на четырех частных моделях каузальных цепей: 1) каузальная цепь как последовательные события с корневой причиной и отсутствием множества причин; 2) каузальная цепь как ряд относительно независимых, но сопрягающихся причин; 3) каузальная цепь с акцентом на превращениях следствий прежних причин в новые причины; 4) каузальная цепь как одновременное действие причины и последовательного ряда ее множества следствий [Дорфман Л.Я., 2014]. Хотя во многом они похожи, каждая модель описывает отдельный вариант устройства каузальной цепи.

Индивидуально-интеллектуальные интеграции могут служить операциональным маркером переходов следствий прежних причин в новые причины. Однако может ли одно и то же событие быть одновременно и следствием и причиной? Может, в этом случае событие предстает в двух отношениях. С одной стороны, событие В является следствием действия события А (причины). С другой стороны, событие В само является причиной события С (следствия). Благодаря двоякому отношению события В (и следствие и причина) возникает каузальная цепь. Таким образом, следствия и причины не только обособляются, но также объединяются [Дорфман Л.Я., 2014].

Каузальная цепь разворачивается во времени и носит релятивистский характер. Событие В наступает позже события А, а событие С — позже событий В и А. Событие А наступает раньше события В, а события А и В — раньше события С. Значит, каузальная цепь связана с ходом времени: от прошлого к настоящему и будущему.

Гомогенные и гетерогенные каузальные цепи

Следует различать гомогенные и гетерогенные каузальные цепи. Гомогенная каузальная цепь включает свойства одного рода, класса, категории. Например, такая цепь может включать агрессивность как черту личности, психическое состояние агрессии и агрессивное поведение [Дорфман Л.Я., 2014].

Гетерогенная каузальная цепь может включать свойства разных родов, классов, категорий. Например, М. Цукерман [Zuckerman M., 2007] обнаружил, что причиной поиска ощущений как формы поведения могут служить: 1) оптимальный уровень активности катехоламинной системы (допамин, норадреналин); 2) ретикулярная активирующая система; 3) оптимальный уровень кортикального бодрствования; 4) склонность к поиску интенсивных ощущений и переживаний, закрепленная в черте личности.

Таким образом, важным представляется изучение индивидуально-интеллектуальных интеграций как операциональных маркеров каузальных цепей. Полагаем, что теории В.С. Мерлина, Д.В. Ушакова и Дж. Гилфорда можно подвергать интеграции по каузальному критерию. Однако это требует эмпирической проверки. Результаты такого исследования могут лечь в основу разработки программы комплексного учета индивидуально-интеллектуальных интеграций в образовательном капитале личности.

Выражение признательности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07046.

Acknowledgements

The research was funded by the RFBR, project no. 19-29-07046.

Список литературы

- Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2018. 288 с.
- Барбанищikov В.А.* Системный подход в структуре психологического познания // Методология и история психологии. 2007. Т. 2, вып. 1. С. 86–99.
- Волкова Е.В.* Технологии развития ментальных ресурсов. М.: Ин-т психологии РАН, 2016. 256 с.
- Вяткин Б.А., Дорфман Л.Я.* Системная интеграция индивидуальности человека. М.: Ин-т психологии РАН, 2018. 176 с.
- Вяткин Б.А., Щукин М.Р.* Об интеграции теорий и подходов целостного познания человека // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 26, № 2. С. 47–57.
- Дорфман Л.Я.* Каузальный плюрализм и психология // Мир психологии. 2014. № 3(79). С. 220–236.
- Дорфман Л.Я.* Каузальный плюрализм и холизм в концепции метаиндивидуального мира // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13, № 1. С. 115–153. DOI: <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2016-1-115-153>
- Дорфман Л.Я.* Методологические основы эмпирической психологии. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2017. 198 с.
- Дорфман Л.Я., Калугин А.Ю.* Индивидуально-интеллектуальные интеграции человека. М.: Ин-т психологии РАН, 2021. 279 с. DOI: https://doi.org/10.38098/mng_21_0438
- Карпов А.В.* Структура и сущность субъективной реальности: в 2 т. Т. 1: Сенсорика. Процессы. Сознание. Ярославль: Филигрань, 2021. 626 с.
- Копнин П.В.* Гносеологические и логические основы науки. М.: Мысль, 1974. 568 с.
- Кузьмин В.П.* Исторические предпосылки и гносеологические основания системного подхода // Психологический журнал. 1982. Т. 3, № 3. С. 3–14.
- Леонтьев Д.А.* Причинность и объяснение в психологии личности: от необходимого к возможному // Эпистемология и философия науки. 2008. Т. 17, № 3. С. 127–142. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps200817336>
- Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 444 с.
- Мерлин В.С.* Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986. 256 с.

- Пономарев Я.А.* Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1983. 205 с.
- Попнер К.Р.* Объективное знание. Эволюционный подход. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 384 с.
- Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. 508 с.
- Толочек В.А.* «Задатки – способности – ресурсы» в детерминации социальной успешности человека // *Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития* / отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Ин-т психологии РАН, 2017. С. 1265–1272.
- Ушаков Д.В.* Анатомия психологического знания // *Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития* / под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Ин-т психологии РАН, 2018. С. 71–114.
- Ушаков Д.В.* На пути к целостному видению человека // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2020. Т. 17, № 4. С. 617–629. DOI: <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2020-4-617-629>
- Ушаков Д.В.* Психология интеллекта и одаренности. М.: Ин-т психологии РАН, 2011. 464 с.
- Ушаков Д.В.* Творчество — общесистемный взгляд // *Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам* / отв. ред. Д.В. Ушаков. М.: Ин-т психологии РАН, 2011. С. 21–32.
- Чуприкова Н.И.* Дифференционно-интеграционная теория как методологическая основа консолидации исследований в области психологии развития // *Мир психологии*. 2016. № 1(85). С. 17–27.
- Юревич А.В.* Психология и методология. М.: Ин-т психологии РАН, 2005. 312 с.
- Aggarwal Ch.C.* Neural Networks and Deep Learning. Cham, CH: Springer, 2018. 520 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-94463-0>
- Ben-Menahem Y.* Causation in science. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2018. 224 p. DOI: <https://doi.org/10.23943/9781400889297>
- Cartwright N.* Causation: One word, many things // *Philosophy of Science*. 2004. Vol. 71, iss. 5. P. 805–819. DOI: <https://doi.org/10.1086/426771>
- Dorfman L., Kalugin A., Mishkevich A.* Individual-intellectual integrations on the commonality criterion in Russian undergraduates // *Proceedings of International Conference on Social and Education Sciences (IConSES) – 2021* / ed. by V. Akerson, M. Shelley. Chicago, IL: ISTES Organization, 2021. P. 51–66.
- Ehrenstein K.* Conceptual Pluralism // *Causal Pluralism in the Life Sciences*. Cham, CH: Springer, 2022. P. 1–15. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-87942-6_1
- Gillies D.* Causality, probability, and medicine. Abingdon, UK: Routledge, 2018. 316 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315735542>
- Gillies D., Sudbury A.* Should causal models always be Markovian? The case of multi-causal forks in medicine // *European Journal for Philosophy of Science*. 2013. Vol. 3, iss. 3. P. 275–308. DOI: <https://doi.org/10.1007/s13194-013-0068-z>
- Godfrey-Smith P.* Causal pluralism // *Oxford Handbook of Causation* / ed. by H. Beebe, C. Hitchcock, P. Menzies. Oxford, UK: Oxford University Press, 2010. P. 326–338. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199279739.003.0017>
- Grace J.B., Irvine K.M.* Scientist’s guide to developing explanatory statistical models using causal analysis principles // *Ecology*. 2020. Vol. 101, iss. 4. URL: https://www.researchgate.net/publication/338163927_Scientist’s_guide_to_developing_explanatory_statistical_models_using_causal_analysis_principles (accessed: 18.05.2022). DOI: <https://doi.org/10.1002/ecy.2962>
- Guilford J.P.* The nature of human intelligence. N.Y.: McGraw-Hill, 1967. 538 p.
- Guo J., Qiu Y., Gan Y.* Workplace incivility and work engagement: The chain mediating effects of perceived insider status, affective organizational commitment and organizational identification // *Current Psychology*. 2022. Vol. 41, iss. 4. P. 1809–1820. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12144-020-00699-z>
- Lee S., Feeley T.H.* The identifiable victim effect: Using an experimental-causal-chain design to test for mediation // *Current Psychology*. 2018. Vol. 37, iss. 4. P. 875–885. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12144-017-9570-3>
- Luke D.A.* A user’s guide to network analysis in R. Cham, CH: Springer, 2015. 250 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-23883-8>
- Mueller R.O., Hancock G.R.* Structural equation modeling // *The Reviewer’s Guide to Quantitative Methods in the Social Sciences* / ed. by G.R. Hancock, L.M. Stapleton, R.O. Mueller. N.Y.: Routledge: Taylor & Francis Group, 2019. P. 445–456. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315755649-33>
- Nielsen A.* Practical time series analysis: Prediction with statistics and machine learning. Sebastopol, CA: O’Reilly Media, 2019. 504 p.

Nogueira A.R., Pugnana A., Ruggieri S., Pedreschi D., Gama J. Methods and tools for causal discovery and causal inference // *Wiley Interdisciplinary Reviews: Data Mining and Knowledge Discovery*. 2022. Vol. 12, iss. 2. URL:

<https://wires.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/widm.1449> (accessed: 18.05.2022). DOI: <https://doi.org/10.1002/widm.1449>

Pearl J. The structural theory of causation // *Causality in the Sciences* / ed. by P.M. Illari, F. Russo, J. Williamson. N.Y.: Oxford University Press, 2011. P. 697–727. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199574131.003.0033>

Qiu J., Game E.T., Tallis H., Olander L.P. et al. Evidence-based causal chains for linking health, development, and conservation actions // *BioScience*. 2018. Vol. 68, iss. 3. P. 182–193. DOI: <https://doi.org/10.1093/biosci/bix167>

Roberts S.G. Robust, causal, and incremental approaches to investigating linguistic adaptation // *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 9. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2018.00166/full> (accessed: 18.05.2022). DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00166>

Salmon W. Causality and explanation. N.Y.: Oxford University Press, 1998. 448 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/0195108647.001.0001>

Scutari M., Denis J.B. Bayesian networks: with examples in R. 2nd ed. N.Y.: Chapman and Hall/CRC, 2021. 274 p. DOI: <https://doi.org/10.1201/9780429347436>

Shafer G. The notion of event in probability and causality: situating myself relative to Bruno de Finetti // *International Journal of Approximate Reasoning*. 2022. Vol. 141. P. 171–178. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijar.2021.12.015>

Stanovich K.E. How to think straight about psychology. N.Y.: Harper Collins Publishers, 1992. 239 p.

Toomela A. Causality, Understanding, and Explanation: Philosophical Roots // *The Psychology of Scientific Inquiry*. Cham, CH: Springer, 2019. P. 51–66. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-31449-1_4

Toomela A. Theory of Causality and Modern Mainstream Psychology // *The Psychology of Scientific Inquiry*. Cham, CH: Springer, 2019. P. 91–105. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-31449-1_7

Vuurre M., Bolger N. Within-subject mediation analysis for experimental data in cognitive psychology and neuroscience // *Behavior Research Methods*. 2018. Vol. 50, iss. 5. P. 2125–2143. DOI: <https://doi.org/10.3758/s13428-017-0980-9>

Zuckerman M. Sensation seeking and risky behavior. Washington, DC: American Psychological Association, 2007. 397 p. DOI: <https://doi.org/10.1037/11555-000>

Получена: 07.06.2022. Доработана после рецензирования: 06.09.2022. Принята к публикации: 10.09.2022

References

Aggarwal, Ch.C. (2018). *Neural networks and deep learning*. Cham, CH: Springer Publ., 520 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-94463-0>

Ananiev, B.G. (2018). *Chelovek kak predmet poznaniya* [Man as a subject of knowledge]. St. Petersburg: Peter Publ., 288 p.

Barabanschikov, V.A. (2007). [System approach in the structure of psychological knowledge]. *Metodologiya i istoriya psikhologii* [Methodology and History of Psychology]. Vol. 2, iss. 1, pp. 86–99.

Ben-Menahem, Y. (2018). *Causation in science*. Princeton, NJ: Princeton University Press., 224 p. DOI: <https://doi.org/10.23943/9781400889297>

Cartwright, N. (2004). Causation: One word, many things. *Philosophy of Science*. Vol. 71, iss. 5, pp. 805–819. DOI: <https://doi.org/10.1086/426771>

Chuprikova, N.I. (2016). [Differentiation-integration theory as a methodological basis for studies consolidation in the sphere of development psychology]. *Mir psikhologii* [World of Psychology]. No. 1(85), pp. 17–27.

Dorfman, L., Kalugin, A. and Mishkevich, A. (2021). Individual-intellectual integrations on the commonality criterion in Russian undergraduates. V. Akerson, M. Shelley (eds.) *Proceedings of International Conference on Social and Education Sciences (IConSES) – 2021*. Chicago, IL: ISTES Organization Publ., pp. 51–66.

Dorfman, L.Ya. (2014). [Causal pluralism and psychology]. *Mir psikhologii* [World of Psychology]. Vol. 3(79), pp. 220–236.

Dorfman, L.Ya. (2016). [The causal pluralism and holism in the meta-individual world theory]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. Vol. 13, no. 1, pp. 115–153. DOI: <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2016-1-115-153>

Dorfman, L.Ya. (2017). *Metodologicheskie osnovy empiricheskoy psikhologii* [Methodological foundations of empirical psychology]. 2nd ed. Moscow: Yurayt Publ., 198 p.

Dorfman, L.Ya. and Kalugin, A.Yu. (2021). *Individual'no-intellektual'nye integratsii cheloveka* [In-

- dividual-intelligent integrations of a person]. Moscow: IP RAS Publ., 279 p. DOI: https://doi.org/10.38098/mng_21_0438
- Ehrenstein, K. (2022). Conceptual pluralism. *Causal pluralism in the life sciences*. Cham, CH: Springer Publ., pp. 1–15. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-87942-6_1
- Gillies, D. (2018). *Causality, probability, and medicine*. Abingdon, UK: Routledge Publ., 316 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315735542>
- Gillies, D. and Sudbury, A. (2013). Should causal models always be Markovian? The case of multi-causal forks in medicine. *European Journal for Philosophy of Science*. Vol. 3, iss. 3, pp. 275–308. DOI: <https://doi.org/10.1007/s13194-013-0068-z>
- Godfrey-Smith, P. (2010). Causal pluralism. H. Beebe, C. Hitchcock, P. Menzies (eds.) *Oxford Handbook of Causation*. Oxford, UK: Oxford University Press, pp. 326–338. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199279739.003.0017>
- Grace, J.B. and Irvine, K.M. (2020). Scientist's guide to developing explanatory statistical models using causal analysis principles. *Ecology*. Vol. 101, iss. 4. Available at: https://www.researchgate.net/publication/338163927_Scientist's_guide_to_developing_explanatory_statistical_models_using_causal_analysis_principles (accessed 18.05.2022). DOI: <https://doi.org/10.1002/ecy.2962>
- Guilford, J.P. (1967). *The nature of human intelligence*. New York: McGraw-Hill Publ., 538 p.
- Guo, J., Qiu, Y. and Gan, Y. (2022). Workplace incivility and work engagement: The chain mediating effects of perceived insider status, affective organizational commitment and organizational identification. *Current Psychology*. Vol. 41, iss. 4, pp. 1809–1820. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12144-020-00699-z>
- Karpov, A.V. (2021). *Struktura i suschnost' sub'ektivnoy real'nosti: v 2 t. T. 1: Sensorika. Protssesy. Soznanie* [Structure and essence of subjective reality: in 2 vols. Vol. 1: Sensory. Processes. Consciousness]. Yaroslavl: Filigran' Publ., 626 p.
- Kopnin, P.V. (1974). *Gnoseologicheskie i logicheskie osnovy nauki* [Gnoseological and logical foundations of science]. Moscow: Mysl' Publ., 568 p.
- Kuzmin, V.P. (1982). [Historical background and epistemological foundations of the system approach]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 3, no. 3, pp. 3–14.
- Lee, S. and Feeley, T.H. (2018). The identifiable victim effect: Using an experimental-causal-chain design to test for mediation. *Current Psychology*. Vol. 37, iss. 4, pp. 875–885. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12144-017-9570-3>
- Leont'ev, D.A. (2008). [Causality and explanation in personality psychology: from the necessary to the possible]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science]. Vol. 17, no. 3, pp. 127–142. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps200817336>
- Lomov, B.F. (1984). *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii* [Methodological and theoretical problems of psychology]. Moscow: Nauka Publ., 444 p.
- Luke, D.A. (2015). *A user's guide to network analysis in R*. Cham, CH: Springer Publ., 250 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-23883-8>
- Merlin, V.S. (1986). *Ocherk integral'nogo issledovaniya individual'nosti* [Essay on the integral study of individuality]. Moscow: Pedagogika Publ., 256 p.
- Mueller, R.O. and Hancock, G.R. (2019). Structural equation modeling. G.R. Hancock, L.M. Stapleton, R.O. Mueller (eds.) *The Reviewer's Guide to Quantitative Methods in the Social Sciences*. New York: Routledge Publ., Taylor & Francis Group Publ., pp. 445–456. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315755649-33>
- Nielsen, A. (2019). *Practical time series analysis: Prediction with statistics and machine learning*. Sebastopol, CA: O'Reilly Media Publ., 504 p.
- Nogueira, A.R., Pugnana, A., Ruggieri, S., Pedreschi, D. and Gama, J. (2022). Methods and tools for causal discovery and causal inference. *Wiley Interdisciplinary Reviews: Data Mining and Knowledge Discovery*. Vol. 12, iss. 2. Available at: <https://wires.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/widm.1449> (accessed 18.05.2022). DOI: <https://doi.org/10.1002/widm.1449>
- Pearl, J. (2011). The structural theory of causation. P.M. Illari, F. Russo, J. Williamson (eds.) *Causality in the sciences*. New York: Oxford University Press, pp. 697–727. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199574131.003.0033>
- Ponomarev, Ya.A. (1983). *Metodologicheskoe vvedenie v psikhologiyu* [Methodological introduction to psychology]. Moscow: Nauka Publ., 205 p.
- Popper, K.R. (2002). *Ob'ektivnoe znanie. Evolyutsionnyy podkhod* [Objective knowledge. Evolutionary approach]. Moscow: Editorial URSS Publ., 384 p.
- Qiu, J., Game, E.T., Tallis, H., Olander, L.P. et al. (2018). Evidence-based causal chains for linking health, development, and conservation actions. *BioScience*. Vol. 68, iss. 3, pp. 182–193. DOI: <https://doi.org/10.1093/biosci/bix167>

- Roberts, S.G. (2018). Robust, causal, and incremental approaches to investigating linguistic adaptation. *Frontiers in Psychology*. Vol. 9. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2018.00166/full> (accessed 18.05.2022). DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00166>
- Rubinstein, S.L. (2003). *Bytie i soznanie. Chelovek i mir* [Being and consciousness. Man and the world]. St. Petersburg: Piter Publ., 508 p.
- Salmon, W. (1998). *Causality and explanation*. New York: Oxford University Press, 448 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/0195108647.001.0001>
- Scutari, M. and Denis, J.B. (2021). *Bayesian networks: with examples in R*. 2nd ed. New York: Chapman and Hall/CRC Publ., 274 p. DOI: <https://doi.org/10.1201/9780429347436>
- Shafer, G. (2022). The notion of event in probability and causality: situating myself relative to Bruno de Finetti. *International Journal of Approximate Reasoning*. Vol. 141, pp. 171–178. DOI: DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijar.2021.12.015>
- Stanovich, K.E. (1992). *How to think straight about psychology*. New York: Harper Collins Publishers, 239 p.
- Tolochek, V.A. (2017). [«Inclinations – abilities – resources» in determining the social success of a person]. *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya sovremennoy psikhologii: rezul'taty i perspektivy razvitiya, otv. red. A.L. Zhuravlov, V.A. Kol'tsova* [A.L. Zhuravlev, V.A. Koltsova (eds.) Fundamental and applied research in modern psychology: results and development prospects]. Moscow: IP RAS Publ., p. 1265–1272.
- Toomela, A. (2019). Causality, understanding, and explanation: Philosophical roots. *The psychology of scientific inquiry*. Cham, CH: Springer Publ., pp. 51–66. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-31449-1_4
- Toomela, A. (2019). Theory of causality and modern mainstream psychology. *The psychology of scientific inquiry*. Cham, CH: Springer Publ., pp. 91–105. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-31449-1_7
- Ushakov, D.V. (2011). [Creativity — a system-wide view]. *Tvorchestvo: ot biologicheskikh osnovaniy k sotsial'nym i kul'turnym fenomenam, pod red. D.V. Ushakova* [D.V. Ushakov (ed.) Creativity: from biological foundations to social and cultural phenomena]. Moscow: IP RAS Publ., pp. 21–32.
- Ushakov, D.V. (2011). *Psikhologiya intellekta i odarennosti* [Psychology of intelligence and giftedness]. Moscow: IP RAS Publ., 464 p.
- Ushakov, D.V. (2018). [Anatomy of psychological knowledge]. *Psikhologicheskoe znanie: Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya, pod red. A.L. Zhuravleva, A.V. Yurevicha* [A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich (eds.) Psychological knowledge: current state and development prospects]. Moscow: IP RAS Publ., pp. 71–114.
- Ushakov, D.V. (2020). [Towards a holistic human study]. *Psikhologiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. Vol. 17, no. 4, pp. 617–629. DOI: <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2020-4-617-629>
- Volkova, E.V. (2016). *Tekhnologii razvitiya mental'nykh resursov* [Technologies for the development of mental resources]. Moscow: IP RAS Publ., 256 p.
- Vuorre, M. and Bolger, N. (2018). Within-subject mediation analysis for experimental data in cognitive psychology and neuroscience. *Behavior Research Methods*. Vol. 50, iss. 5, pp. 2125–2143. DOI: <https://doi.org/10.3758/s13428-017-0980-9>
- Vyatkin, B.A. and Dorfman, L.Ya. (2018). *Sistemnaya integratsiya individual'nosti cheloveka* [System integration of human individuality]. Moscow: IP RAS Publ., 176 p.
- Vyatkin, B.A. and Shchukin, M.R. (2016). [On integration of theories and approaches to the holistic knowledge of a person]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy]. Vol. 26, no. 2, pp. 47–57.
- Yurevich, A.V. (2005). *Psikhologiya i metodologiya* [Psychology and methodology]. Moscow: IP RAS Publ., 312 p.
- Zuckerman, M. (2007). *Sensation seeking and risky behavior*. Washington, DC: American Psychological Association Publ., 397 p. DOI: <https://doi.org/10.1037/11555-000>

Received: 07.06.2022. Revised: 06.09.2022. Accepted: 10.09.2022

Об авторах

Дорфман Леонид Яковлевич

доктор психологических наук, профессор,
заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин

Пермский государственный институт культуры,
614000, Пермь, ул. Газеты Звезда, 18;
e-mail: dorfman07@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8494-5674>
ResearcherID: AAD-5451-2020

Калугин Алексей Юрьевич

кандидат психологических наук, доцент,
заведующий кафедрой практической психологии

Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24;
e-mail: kaluginau@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3633-2926>
ResearcherID: X-7824-2018

About the authors

Leonid Ya. Dorfman

Doctor of Psychology, Professor,
Head of the Department of Humanities

Perm State Institute of Culture,
18, Gazety «Zvezda» st., Perm, 614000, Russia;
e-mail: dorfman07@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8494-5674>
ResearcherID: AAD-5451-2020

Alexey Yu. Kalugin

Candidate of Psychology, Docent,
Head of the Department of Practical Psychology

Perm State Humanitarian Pedagogical University,
24, Sibirskaya st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: kaluginau@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3633-2926>
ResearcherID: X-7824-2018

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Дорфман Л.Я., Калугин А.Ю. Каузальный след в индивидуально-интеллектуальных интеграциях. Сообщение 1. Интеграции и каузальность // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 3. С. 452–464. DOI: 10.17072/2078-7898/2022-3-452-464

For citation:

Dorfman L. Ya., Kalugin A. Yu. [A causal footprint in individual-intellectual integrations. Part 1. Integrations and causality]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 3, pp. 452–464 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-3-452-464

УДК 159.922

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-3-465-478

РОЛЬ ПОЛА, ВНЕШНОСТИ И СХОДСТВА В ПРОЯВЛЕНИЯХ ПЕРЦЕПТИВНОГО ЭФФЕКТА КОНТРАСТА

Балева Милена Валерьевна, Полянина Ольга Ивановна

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

Исследование посвящено изучению опосредующей роли контрольных переменных при восприятии Другого в условиях негативной пре-стимульной дистракции. Обнаруженный в результате такой дистракции эффект контраста, который проявляется в существенном улучшении отношения к целевому объекту, подвергается анализу при разном уровне оценок его внешности и сходства с ним. Изучается также половая специфика проявления данного эффекта. В исследовании принял участие 541 студент, в том числе 417 девушек (77 %) и 124 юноши (23 %) в возрасте от 17 до 35 лет ($M = 20,11 \pm 1,33$). Обнаружено, что факторы внешней привлекательности и сходства с объектом опосредуют эффекты контраста при восприятии амбивалентной (но не валентной) личности. Выявлена специфика опосредующей роли этих факторов при оценках целевого объекта по трем диспозиционным чертам: сознательности, экстраверсии и нейротизму. Как выяснилось, юноши демонстрируют устойчивое отношение к амбивалентной девушке независимо от негативного пре-стимульного воздействия, в то время как девушки при восприятии амбивалентного объекта женского пола проявляют высокую подверженность негативной пре-стимульной дистракции. Полученные результаты уточняют и ограничивают круг эффектов негативного пре-стимула в процессе социальной перцепции. Данные закономерности позволяют повысить точность прогноза перцептивных эффектов с учетом исходных установок субъекта восприятия.

Ключевые слова: социальная перцепция, Темная триада, Большая Пятерка, пре-стимульное воздействие, эффект контраста, внешняя привлекательность, сходство с Другим.

THE ROLE OF GENDER, APPEARANCE AND SIMILARITY IN THE PERCEPTUAL CONTRAST EFFECT

Milena V. Baleva, Olga I. Polyagina

Perm State University (Perm)

The study deals with the description of the mediating role of control variables in the perception of the Other under conditions of negative pre-stimulus distraction. As a result of such distraction, a perceptual contrast effect arises. It manifests itself as significant positive changes in the attitude toward the target object (TO). In our study, this effect is analyzed for different levels of assessments given by the subject to the appearance of the TO and for different degrees of similarity between the former and the latter. The gender-related peculiarities in the manifestation of this effect are also investigated. The study involved 541 students, including 417 females (77 %) and 124 males (23 %) from 17 to 35 years ($M = 20.11 \pm 1.33$). The factors of the object's attractiveness and his/her similarity to the subject were found to mediate the contrast effects in the perception of an ambivalent (but not valent) personality. The study revealed the features of the mediating role of these factors in assessing the TO by three dispositional traits — consciousness, extraversion, and neuroticism. It was also found that men demonstrate stable attitude toward an ambivalent woman, regardless of the negative pre-stimulus impact, while women, when perceiving an ambivalent woman, show a high susceptibility to negative pre-stimulus distraction. The results obtained clarify and limit the range of negative pre-stimulus effects in the process of social perception, which makes it possible to increase the accuracy in prediction of perceptual effects while taking into account the initial attitudes of the subject.

Keywords: social perception, Dark Triad, Big Five, pre-stimulus distraction, contrast effect, external attractiveness, similarity with the Other.

Введение

Экспериментальные процедуры, связанные с исследованием социальной перцепции, осуществляются, как правило, по заранее разработанным сценариям, в ходе которых оценка объекта происходит по окончании его предъявления и представляет собой некий итог анализа разнообразной информации о его поведении и других характеристиках. Вместе с тем в психологии описаны механизмы восприятия, опровергающие идею информационной интеграции и рационального аналитического вывода. Так, например, известно, что первоначальное мнение о человеке обладает большей убедительностью и способно влиять на восприятие его дальнейших проявлений (см.: [First impressions, 2008]). Наиболее заметная характеристика объекта может создавать эффект ореола, который искажает все последующее восприятие его поведения [Rosenzweig P., 2014]. Наконец, первоначальная концепция, имеющаяся в отношении воспринимаемого Другого, определяет тип поведения субъекта по отношению к нему, формируя тем самым изначально предполагаемые у него характеристики [Sels L. et al., 2017; Swann W.B., Snyder M., 1980]. Данные механизмы восприятия достаточно исследованы сами по себе. Однако их роль в изучении других перцептивных феноменов, например, социального сравнения, стереотипизации, имплицитных теорий и других, как правило, не учитывается. Не претендуя на системный анализ «вмешательства» первичных перцептивных впечатлений в последующий процесс и предъявление итога оценки Другого, мы предпринимаем попытку исследовать влияние двух первичных контрольных измерений — внешней привлекательности объекта и его сходства с субъектом восприятия — на проявление эффекта перцептивного контраста. В исследовании затрагивается также половой аспект перцептивной динамики — эффект контраста рассматривается при разных сочетаниях пола субъекта и объекта восприятия.

Эффект перцептивного контраста

Исследования целенаправленного фонового воздействия занимают особое место в анализе процессов принятия решений, эмоциональных реакций и поведения, в том числе в сфере соци-

альной перцепции. Несмотря на понятийное и процедурное многообразие вариантов такого воздействия, их можно разделить, во-первых, на осознаваемые и неосознанные, а во-вторых — на пре-стимульные, пост-стимульные и фрейминговые, т.е. действующие одновременно с предъявлением целевого стимула и заключающиеся в помещении в фокус его смысловых частей.

Пре-стимульное воздействие широко представлено разными вариантами прайминга, хотя не сводится только к нему. Особенностью прайминга является непосредственно предшествующее целевому стимулу (но незадолго до него) воздействие на субъекта, приводящее к неосознаваемой канализации его восприятия [Pusen C. et al., 1988, p. 627]. Показано, что эффекты прайминга проявляются в двух противоположных эффектах. С одной стороны, в исследованиях зафиксирован эффект *ассимиляции*, который выражается в смещении восприятия целевого объекта в *прямом* ассоциативном соответствии прайминговой категории. Так, например, после приятного пре-стимульного воздействия целевой объект воспринимается более позитивно (и наоборот) [Eder A.B. et al., 2021; Fay A.J., Maner J.K., 2020; Williams L.E., Bargh J.A., 2008]. С другой стороны, в исследованиях описан эффект *контраста*, который проявляется в смещении общей оценки целевого объекта в *направлении, противоположном* прайминговой категории. Так, например, после предъявления объектов большого размера испытуемые склонны субъективно уменьшать размер целевого стимула [Herr P.M., 1986; Stapel D.A. et al., 1998]. В исследованиях описываются некоторые факторы, способные «переключить» эффект прайминга с ассимиляции на контраст. К ним относятся высокий уровень осознанности пре-стимула (см.: [Förster J. et al., 2008]), экстремальность его характеристик [Herr P.M., 1986; Stapel D.A. et al., 1998], идентификационная близость субъекту восприятия [Schwarz N., Bless H., 2007], а также установка на аналитическую (а не синтетическую) оценку [Stapel D.A., Suls J., 2004].

В исследованиях социальной перцепции эффект контраста зафиксирован через пре-стимульное влияние суждений, источником которых является группа, воспринимаемая субъектом как «чужая» (аут-группа) [Ledgerwood A., Chaiken S., 2007]. Имеются также данные о кон-

трастном росте позитивных оценок и отношения к целевому объекту после пре-стимульного восприятия экстремально «плохой» личности [Балева М.В., Ковалева Г.В., 2022].

Субъективно воспринимаемое сходство с объектом как фактор социального восприятия

Одним из ключевых факторов социальной перцепции Другого является его категоризация по признаку «свой–чужой». При этом положение воспринимаемого объекта в данном континууме определяется степенью сходства с ним. Чем более «своим», похожим на субъекта, кажется целевой объект, тем выше уровень его принятия и тем в большей степени выражена симпатия к нему (и наоборот) [Phills С.Е. et al., 2011; Stevens S.T. et al., 2017; North M.S., Fiske S.T., 2013]. Личностное сходство с Другим, т.е. аналогичная выраженность у него личностных характеристик, является одним из параметров, определяющих межличностную симпатию. При этом субъективно воспринимаемое личностное сходство надежнее определяет отношение к Другому, чем объективное, но не осознаваемое сходство с ним. В некоторых случаях осознаваемый факт личностного сходства может сместить даже традиционные оценки «хорошего» и «плохого». Так, объективно отрицательный, но похожий на субъекта персонаж, оценивается выше, чем объективно положительный, но не похожий на субъекта [Балева М.В., 2019а].

Роль пола в социальном восприятии

Фактор пола рассматривается как одна из категорий, определяющих сходство и различие между субъектом и объектом восприятия. В исследованиях, проведенных на выборках детей и подростков, однозначно показано предпочтение объектов своего пола [Martin С.Л., Fabes R.A., 2001; Strough J., Covatto A.M., 2002]. Однако исследования на выборках взрослых людей дают противоречивые результаты. Так, имеются данные о большем предпочтении объектов мужского пола субъектами обоих полов [Фолмеева Т.В., Федотова С.В., 2018; Rudman L.A. et al., 2001]. В то же время показано, что женщины позитивнее оценивают женщин, а мужчины не обнаруживают явных половых предпочтений [Nosek В., Banaji M.B., 2002]. Наряду с этим есть данные о тенденции к им-

плицитной идеализации лиц противоположного пола в юном и молодом возрасте [Rudman L.A., Heppen J., 2003]. Несмотря на неоднозначные выводы, в целом можно говорить о категории пола как факторе, влияющем на восприятие Другого.

Роль внешней привлекательности в социальном восприятии

Одной из наиболее заметных, а потому формирующих общее отношение к человеку характеристик является его физическая привлекательность. В исследованиях показано, что в случае отсутствия сущностной информации процесс социальной перцепции запускается простой категоризационной схемой, определяемой полусами «свой» – «чужой» [Лабунская В.А., 2016; Cheng Y.D. et al., 2001] и «красивый» – «некрасивый» [Погонцева Д.В., Лабунская В.А., 2016]. Дальнейшая корректировка сформированного отношения возможна по мере поступления новой информации, но несет на себе отпечаток первоначально сформированного мнения [Zebrowitz L.A., Montepare J.M., 2008]. В исследованиях показано, что в целом оценка внешности Другого опосредует отношение к нему: оценки личности «хорошего», но не слишком симпатичного персонажа сближаются с оценками «плохого», но симпатичного. Наиболее ярко эта тенденция проявляется у женщин, чем мужчин [Балева М.В., 2019b].

Постановка проблемы исследования

Учитывая имеющиеся в литературе данные об искажении отношения к «хорошей» и «плохой» личности под влиянием субъективных оценок ее внешней привлекательности и сходства с собой, можно предположить, что эти переменные опосредуют не только сами оценки Другого, но и их отклонения в результате пре-стимульного воздействия. Известно, что пре-стимульное воздействие образом экстремально «плохой» личности значимо улучшает оценки воспринимаемого вслед за ним амбивалентного Другого (эффект контраста) [Балева М.В., Ковалева Г.В., 2022]. Предварительный анализ показал, что аналогичный эффект возможен также в отношении валентного объекта: оценки «хорошего» юноши повышаются после восприятия «плохой» девушки.

Цель настоящего исследования состояла в анализе опосредующей роли контрольных переменных — пола, оценки внешности и сходства с целевым объектом в процессе восприятия такового, в условиях негативной пре-стимульной дистракции.

В исследовании были выдвинуты следующие гипотезы.

1. Субъективно высокая оценка сходства с объектом усиливает, а низкая — ослабляет эффект контраста при восприятии амбивалентной и позитивно-валентной личности после негативного пре-стимульного воздействия.

2. Высокая оценка внешней привлекательности целевого объекта усиливает, а низкая оценка ослабляет эффект контраста при восприятии амбивалентной и позитивно-валентной личности после негативного пре-стимульного воздействия.

3. Пол субъекта восприятия выступает фактором, влияющим на проявление эффекта контраста при восприятии амбивалентной и позитивно-валентной личности после негативного пре-стимульного воздействия¹.

Метод

Участники

Исследование проводилось на двух выборках участников, первой из которых в качестве целевого объекта предъявлялся личностно амбивалентный, а второй — позитивно-валентный стимул. В обеих выборках по результатам предварительных анализов (проводившихся без учета влияния контрольных переменных) был зафиксирован эффект контраста после предъявления пре-стимула с негативной личностной валентностью. В первой выборке наблюдалось статистически значимое улучшение отношения к амбивалентным объектам обоего пола, во второй выборке аналогичный результат был зафиксирован при восприятии экстремально «хорошего» юноши после экстремально «плохой» девушки. Обе выборки составили студенты университета, обучающиеся на разных специальностях (филологи, экономисты, юристы,

историки, психологи, социологи, философы). В первую выборку вошло 394 студента, из них 300 девушек (76 %) и 94 юноши (24 %) в возрасте от 17 до 35 лет ($M = 20,08 \pm 1,76$), во вторую выборку — 147 студентов, 117 девушек (80 %) и 30 юношей (20 %) в возрасте от 18 до 24 лет ($M = 20,20 \pm 1,80$).

Процедура

Сбор диагностических данных осуществлялся с помощью тестовой платформы Anketolog (профессиональная версия). На первом этапе участники обеих выборок отвечали на вопросы личностных методик — Короткого опросника Темной триады [Егорова М.С. и др., 2015] (обе выборки) и Русской версии вопросника Big Five Inventory [Shchebetenko S.A. et al., 2019] (только первая выборка). Далее из числа участников каждой выборки случайно формировались экспериментальная ($\approx 57\%$) и контрольная ($\approx 43\%$) группы. Участники экспериментальных групп подвергались негативному пре-стимульному воздействию. Им демонстрировалась видеозапись интервью с экстремально «плохой» личностью. В первой выборке негативный пре-стимул был представлен как мужским, так и женским образом, во второй выборке — только женским. После просмотра испытуемые высказывали свое отношение к пре-стимульному объекту с помощью модифицированной Шкалы отношения к объекту восприятия, включавшей когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты [Щебетенко С.А. и др., 2006]. После этого участникам экспериментальных групп предъявлялся целевой стимул². В первой выборке он был представлен видеозаписью интервью с амбивалентной личностью мужского или женского пола, а во второй группе — видеозаписью интервью с экстремально хорошей личностью мужского пола. Пол целевого стимула всегда был противоположным полу пре-стимульного объекта. После просмотра интервью с целевым объектом участники оценивали по 10-балльной шкале его физическую привлекательность и характерологическое сходство с ним, после чего заполняли Шкалу отношения к объекту. Участникам первой выборки дополнительно предлагалось оце-

¹ С учетом противоречивой информации об эффектах межполового и внутриполового восприятия гипотеза о роли переменной пола в проявлении эффекта контраста выдвигалась в прямой формулировке.

² Участникам контрольных групп целевой стимул предъявлялся сразу после заполнения личностных опросников.

нить целевой стимул с помощью Русской версии вопросника Big Five Inventory. Для этого они отвечали на вопросы этой методики так, как, по их мнению, ответил бы этот человек.

Стимульный материал

Образы «хорошей», «плохой» и «амбивалентной» личности были созданы с помощью студентов, обучающихся по специальности «Актерское искусство», которые в ходе специально срежиссированного видеосюжета отвечали на вопросы Короткого опросника Темной триады (а) в полном соответствии с ключом, (б) в полном расхождении с ключом и (в) в 50 %-ном соответствии ключу. Созданные видеозаписи были оценены тремя экспертами — педагогами по актерскому мастерству, которые оценили созданные образы как соответствующие характеристикам «хорошая», «плохая» и «амбивалентная» личность.

Статистические анализы

Анализ данных осуществлялся в программе JASP 0.16.1 с использованием методов описательной статистики и двухфакторного дисперсионного ANOVA. В дисперсионный анализ в качестве независимых переменных (факторов) включались: (1) условие предъявления целевого объекта (1 — после негативного стимула-дистрактора, 2 — в контрольных условиях, т.е.

без предъявления негативного пре-стимула) и (2) одна из контрольных переменных: пол субъекта восприятия (1 — мужской, 2 — женский), оценка внешности объекта (1 — низкая, 2 — средняя, 3 — высокая), оценка сходства с объектом (1 — низкая, 2 — средняя, 3 — высокая). В качестве зависимых переменных рассматривались оценки целевого объекта по двум методикам — Шкале отношения к объекту восприятия (показатели: когнитивный, эмоциональный, поведенческий компоненты и общее отношение к объекту) и Русской версии вопросника Big Five Inventory (показатели: экстраверсия, доброжелательность, сознательность, нейротизм, открытость опыту).

Результаты

Как показали данные описательной статистики, у большинства показателей в обеих выборках распределение является нормальным ($As, Ex \leq 1$). Исключение составляет переменная психопатии ($Ex = 1,34$), отклонения которой закономерны на небольших выборках. В целом обе выборки можно рассматривать как репрезентативные.

В табл. 1 представлены результаты двухфакторного анализа совместных эффектов негативного пре-стимула и контрольных переменных по показателям оценки целевого амбивалентного объекта.

Таблица 1. Взаимодействие экстремально негативного пре-стимула и контрольных переменных по показателям оценки целевого амбивалентного объекта

Table 1. Extremely negative pre-stimulus and control variables interactions on the ambivalent target object assessment indicators

Показатель оценки целевого амбивалентного объекта	Негативный пре-стимул x Контрольные переменные							
	Оценка внешности объекта		Оценка сходства с объектом		Пол субъекта			
	F	p	F	p	Объект – юноша		Объект – девушка	
	F	p	F	p	F	p	F	p
<i>Показатели отношения к объекту:</i>								
Когнитивный компонент	1,74	0,177	0,86	0,426	0,03	0,854	5,47	0,020*
Эмоциональный компонент	1,14	0,319	0,46	0,630	0,00	0,968	1,33	0,250
Поведенческий компонент	1,51	0,221	1,35	0,259	0,62	0,431	3,41	0,066*
Общее отношение	1,65	0,193	0,88	0,416	0,06	0,814	3,56	0,061*
<i>Оценка личности объекта:</i>								
Экстраверсия	3,54	0,030*	2,29	0,103	0,20	0,657	0,56	0,453
Доброжелательность	0,22	0,799	0,87	0,421	1,11	0,293	2,47	0,118
Сознательность	2,85	0,059*	3,09	0,047*	0,75	0,389	1,93	0,166
Нейротизм	4,82	0,009*	3,08	0,047*	0,76	0,385	0,09	0,763
Открытость опыту	0,20	0,816	1,90	0,151	1,95	0,164	2,42	0,121

Примечание: * — результаты статистически значимого (близкого к значимому) взаимодействия независимых факторов.

Note: * —results of statistically significant (close to significant) interaction of independent factors.

Результаты двухфакторного дисперсионного анализа показали статистически значимые и близкие к значимым взаимодействия негативного пре-стимула с контрольной переменной *привлекательности объекта* по показателям оценки его экстраверсии ($F = 3,54, p < 0,05$), сознательности ($F = 2,85, p < 0,10$) и нейротизма ($F = 4,82, p < 0,01$). Статистически значимые взаимодействия негативного пре-стимула с контрольной переменной *сходства с объектом* были обнаружены по показателям оценки его сознательности ($F = 3,09, p < 0,05$) и нейротиз-

ма ($F = 3,08, p < 0,05$). При восприятии амбивалентной девушки негативный пре-стимул взаимодействовал также с *полом субъекта* по показателю общего отношения ($F = 3,56, p < 0,10$) и его компонентам: когнитивному ($F = 5,47, p < 0,05$) и поведенческому ($F = 3,41, p < 0,10$).

Выраженность показателей оценки целевого амбивалентного объекта в экспериментальных (после пре-стимульной дистракции) и контрольных условиях при разных уровнях контрольных переменных представлена на рис. 1–4.

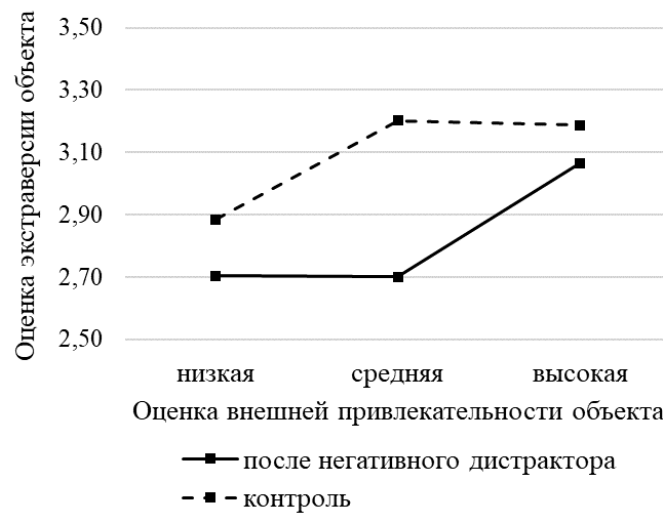

Рис. 1. Восприятие экстраверсии амбивалентного объекта при разной оценке его привлекательности до и после дистракции негативным пре-стимулом

Fig. 1. Perception of an ambivalent person's extraversion under control of his/her attractiveness before and after negative pre-stimulus distraction

По данным *post-hoc* сравнений, наибольший эффект негативной дистракции наблюдался при средней оценке внешности амбивалентного объекта ($p < 0,001$). При низкой оценке внешности эффект дистракции оказался лишь близким к значимому ($p < 0,10$), а при высокой оценке — незначимым ($p > 0,10$). Таким образом, после дистракции экстремально негативным стимулом, которому имплицитно приписывается высокий уровень экстраверсии [Балева М.В. и др., 2019], наблюдается эффект контраста, в результате чего амбивалентный стимул начинает восприниматься как *менее экстравертированный*. Однако данный эффект угасает как при высокой, так и при низкой оценке внешности амбивалентного объекта.

Значимые эффекты негативной дистракции наблюдались при средней ($p < 0,01$) и высокой ($p < 0,01$) оценках внешности и высокой ($p < 0,01$) оценке характерологического сходства с амбивалентным объектом. При низкой оценке внешности а также при низкой и средней оценках сходства эффект дистракции оказался незначимым ($p > 0,10$). Таким образом, после дистракции экстремально негативным стимулом, которому имплицитно приписывается низкий уровень сознательности [Балева М.В. и др., 2019], наблюдается эффект контраста, в результате чего амбивалентный объект начинает восприниматься как *более сознательный*. Однако данный эффект исчезает при низкой оценке внешности целевого объекта, а также

при слабом (или неуверенном) осознании собственного сходства с ним. Другими словами, позитивная оценка внешности и признание вы-

сокого сходства с объектом восприятия усиливает контрастный эффект пре-стимульного воздействия при оценке его сознательности.

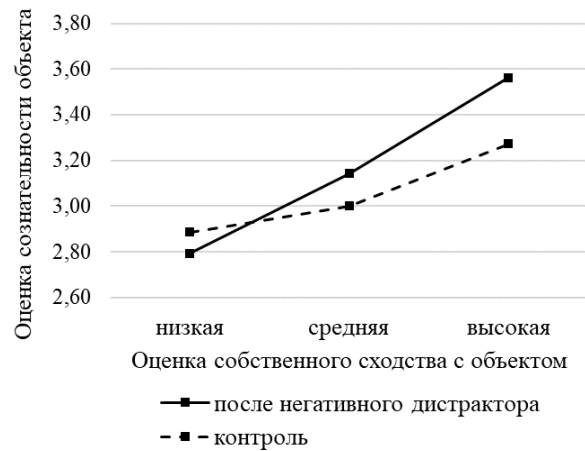
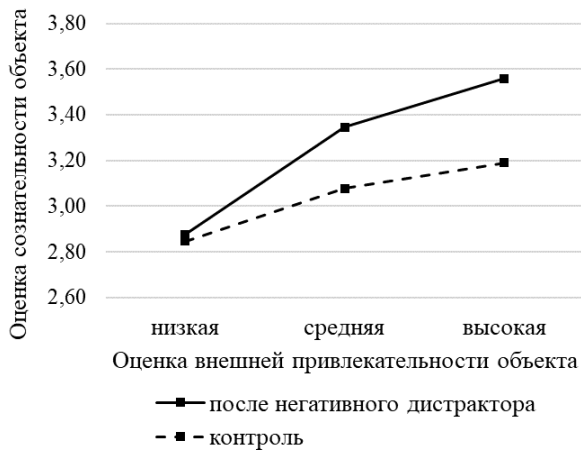

Рис. 2. Восприятие сознательности амбивалентного объекта при разной оценке его привлекательности и сходства с собой до и после дистракции негативным пре-стимулом

Fig. 2. Perception of an ambivalent person's consciousness under control of his/her attractiveness and similarity with the subject before and after negative pre-stimulus distraction

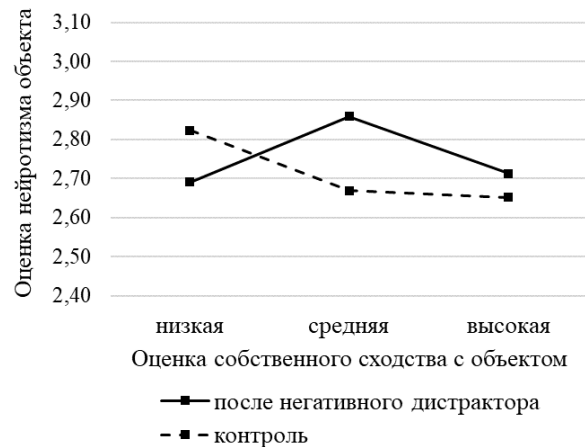
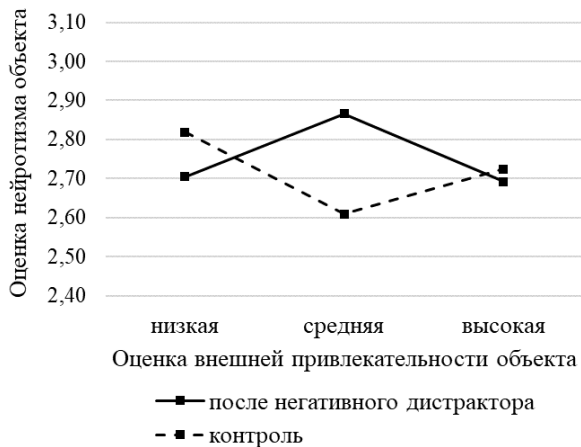

Рис. 3. Восприятие нейротизма амбивалентного объекта при разной оценке его привлекательности и сходства с собой до и после дистракции негативным пре-стимулом

Fig. 3. Perception of an ambivalent person's neuroticism under control of his/her attractiveness and similarity with the subject before and after negative pre-stimulus distraction

Post-hoc анализ показал, что значимые эффекты негативной дистракции наблюдались только при средней оценке внешности амбивалентного объекта ($p < 0,01$) и средней оценке сходства с ним ($p < 0,05$). Таким образом, после дистракции экстремально негативным стимулом имеет место *повышение оценок нейротизма* амбивалентного объекта, что, предположи-

тельно, можно рассматривать как эффект контраста, учитывая, однако, неоднозначную связь между нейротизмом и чертами Темной триады [Егорова М.С. и др., 2015; Lee K., Ashton M.C., 2014]. Данный эффект исчезает как при высокой, так и при низкой оценках внешности и сходства с амбивалентным объектом.

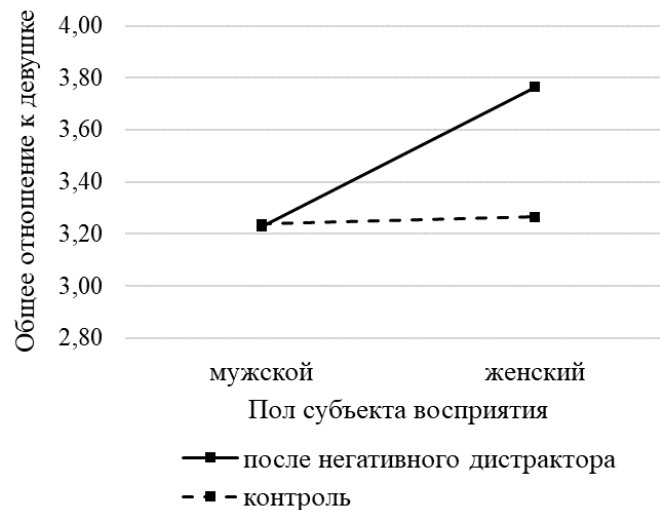

Рис. 4. Общее отношение к амбивалентной девушке у респондентов разного пола до и после дистракции негативным пре-стимулом

Fig. 4. General attitude towards an ambivalent girl under control of respondent gender before and after negative pre-stimulus distraction

Как показали результаты анализа, значимые эффекты негативной дистракции на общее отношение к амбивалентной девушке наблюдались только у девушек ($p < 0,001$), но не у юношей. Другими словами, юноши демонстрировали одинаковое отношение к амбивалентной девушке независимо от дистракции, а у девушек после негативной дистракции отношение к амбивалентному персонажу женского пола обнаруживало значимое улучшение.

В табл. 2 представлены данные о роли дополнительных факторов — пола субъекта вос-

приятия, а также субъективной оценки внешности объекта и сходства с ним — на проявление эффекта контраста после негативной пре-стимульной дистракции при восприятии целевого *валентного* объекта.

Как видно из таблицы, контрольные переменные — пол, оценка внешности и сходства с объектом восприятия — не обнаружили статистически значимого вмешательства в действие эффекта контраста при восприятии экстремально «хорошей» личности.

Таблица 2. Взаимодействие экстремально негативного пре-стимула и контрольных переменных по показателям оценки целевого валентного объекта

Table 2. Extremely negative pre-stimulus and control variables interactions on the valent target object assessment indicators

Показатель отношения к целевому «положительному» объекту	Негативный пре-стимул x Контрольные переменные					
	Оценка внешности объекта		Оценка сходства с объектом		Пол субъекта	
	F	p	F	p	F	p
Когнитивный компонент	1,15	0,321	1,83	0,164	0,87	0,352
Эмоциональный компонент	2,60	0,078	1,37	0,256	0,05	0,828
Поведенческий компонент	0,66	0,521	1,49	0,230	0,02	0,895
Общее отношение	1,69	0,188	1,69	0,187	0,23	0,635

Обсуждение

В исследовании получены факты, свидетельствующие об опосредующей роли субъективно воспринимаемой физической привлекательности

объекта и сходства с ним в улучшении восприятия амбивалентного Другого после негативного пре-стимульного воздействия. Отметим, однако, что положенные в основу наших гипотез представления о механизмах действия факторов

внешности и сходства нашли подтверждение только в случае оценки целевого *амбивалентного* объекта и только по одной (положительной) черте — *сознательности*.

Результаты показали, что оценка сознательности объекта восприятия обнаруживает подверженность эффекту контраста при высоких оценках его внешности и сходства с ним, а оценки его экстраверсии и нейротизма — при средних оценках данных параметров.

На наш взгляд, первый факт можно объяснить следующим образом. Привлекательная внешность и сходство характеров являются факторами, вызывающими симпатию к объекту, способствующими восприятию его образа как более позитивного [Балева М.В., 2019а, 2019б]. Благодаря эффекту ореола [Rosenzweig P., 2014] позитивно воспринимаемые объекты с большей легкостью наделяются «хорошими» чертами (в т.ч. сознательностью), чем негативно воспринимаемые объекты. По всей видимости, при оценке черты, имеющей явные оценочные (позитивные или негативные) коннотации, эффект ореола может способствовать либо препятствовать возникновению перцептивного контраста. В нашем случае перцептивный контраст проявляется в более высоких оценках сознательности амбивалентного объекта после предъявления экстремально негативного пре-стимула. При этом в случае высоких оценок внешности и сходства с объектом эффект контраста содержательно совпадает с эффектом ореола, а при низких оценках — противоречит ему. Судя по всему, в ситуации смыслового конфликта при оценке сознательности эффект ореола оказывается более сильным, чем эффект контраста. Заметим, что в случае оценки доброжелательности (еще одной явно позитивной черты) такого конфликта не наблюдается: эффект ореола не «блокирует» эффект контраста. Вероятно, это связано с содержательными аспектами данных черт — сознательность можно определить как более имманентную характеристику человека, в меньшей степени подверженную ситуативным воздействиям, чем доброжелательность.

Второй факт можно объяснить тем, что выраженная (негативная или позитивная) реакция на внешность Другого, а также полюсные оценки его сходства с собой делают субъекта восприятия нечувствительным к пре-стимульному воздействию. Можно предположить, что выра-

женная реакция на внешность или характерологическую близость делает эти особенности яркими фигурами перцептивного поля, ослабляя тем самым влияние фона, элементом которого является пре-стимульное воздействие. Наоборот, в случае умеренной реакции на внешность объекта и его сходство с собой эти характеристики не «заполняют» перцептивное поле субъекта, освобождая резервы внимания для контекстного пре-стимульного воздействия и обеспечивая тем самым проявление эффекта контраста. Отметим также, что вследствие большей нейтральности экстраверсии и нейротизма (по сравнению с сознательностью и доброжелательностью) они в меньшей степени вовлекаются в орбиту действия эффекта ореола, поэтому их оценки при разных уровнях независимых переменных не содержат признаков смыслового конфликта.

Еще один факт, зафиксированный в нашем исследовании, заключается в том, что юноши демонстрируют одинаковое отношение к амбивалентной девушке независимо от пре-стимульной дистракции, а у девушек после негативной дистракции отношение к амбивалентному персонажу женского пола обнаруживает значимое улучшение. Чем можно объяснить эти результаты? Первоначально мы предположили, что это связано с более яркой реакцией девушек на экстремально негативную личность, предъявленную в качестве пре-стимула. Однако сравнение их оценок пре-стимульного персонажа с оценками юношей не выявило статистически значимых различий ($t = 0,50 \div 1,56, p > 0,10$). Еще один вариант интерпретации заключается в эволюционном объяснении данного феномена. Объекты противоположного пола инстинктивно рассматриваются как потенциальные половые партнеры, поэтому оценка отношения к ним может обладать большей устойчивостью к действию контекстных (фоновых) факторов. Именно эта устойчивость может проявляться при восприятии юношами амбивалентной девушки. В то же время при восприятии девушками амбивалентного юноши аналогичной картины не наблюдается (оценка девушек чувствительна к дистракторному воздействию). Остается предположить, что мужские оценки женщин основываются на меньшем количестве параметров, чем женские оценки мужчин (см.: [Riemer A.R. et al., 2022]) и являются, таким образом, менее полезными и более устойчивыми.

Выводы

Таким образом, проведенное нами исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Эффект контраста, возникающий в результате негативного пре-стимульного воздействия, обладает более высокой устойчивостью к вмешательству промежуточных переменных при восприятии валентной личности, чем при восприятии амбивалентной личности.

2. Позитивная оценка внешности амбивалентного объекта и признание высокого сходства с ним усиливает контрастный эффект пре-стимульного воздействия при оценке его сознательности.

3. Выраженная (положительная или отрицательная) реакция на внешность амбивалентного объекта способствует устойчивости оценок его экстраверсии и нейротизма к эффекту контраста, вызванному негативным пре-стимулом. Наоборот, умеренная (средняя) оценка его внешности способствует более яркому проявлению эффекта контраста при оценке экстраверсии и нейротизма.

4. Выраженная (высокая или низкая) оценка сходства с амбивалентным объектом способствует устойчивости оценок его нейротизма к эффекту контраста, вызванному негативным пре-стимулом. Наоборот, умеренная (средняя) оценка сходства с амбивалентным объектом способствует более яркому проявлению эффекта контраста при оценке его нейротизма.

5. Юноши демонстрируют устойчивое отношение к амбивалентной девушке независимо от негативного пре-стимульного воздействия, в то время как девушки при восприятии амбивалентного объекта женского пола проявляют высокую подверженность негативному пре-стимульному воздействию.

Полученные результаты существенно уточняют и ограничивают круг эффектов негативного пре-стимула в процессе социальной перцепции. Впервые получены данные о половых различиях в подверженности эффекту контраста, описаны медиаторные эффекты внешней привлекательности и сходства с объектом при оценках его разных диспозиционных черт и компонентов отношения. Эти данные позволят повысить точность прогноза перцептивных эффектов, обусловленных негативным предваряющим контекстом, в отношении конкретных субъектов восприятия с учетом их исходных установок.

Ограничением настоящего исследования следует признать возраст и социальный статус респондентов.

Выражение признательности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Пермского края, проект № 20-413-590001.

Acknowledgements

The study was supported by the RFBR and Perm Krai, project no. 20-413-590001.

Список литературы

Балева М.В. Другой, похожий на меня: особенности внутригрупповой перцепции юношей и девушек с разной выраженностью негативных черт личности // Сибирский психологический журнал. 2019. № 74. С. 64–87.

Балева М.В. Хороший, плохой, симпатичный: внешность как опосредующий фактор оценки личности // Лицо человека: познание, общение, деятельность / отв. ред. К.И. Ананьева, В.А. Барабанщиков, А.А. Демидов. М.: Когито-Центр; Моск. ин-т психоанализа, 2019. С. 429–443.

Балева М.В., Ковалева Г.В. Формирование отношения к амбивалентному Другому: какая информация принимается в расчет? // Психологический журнал. 2022. Т. 43, № 1. С. 32–41. DOI: <https://doi.org/10.31857/s020595920018767-9>

Балева М.В., Ковалева Г.В., Полянина О.И. Житейские представления о личности Другого с яркой выраженностью темнотриадических черт. Сравнение с данными научных исследований // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2019. № 2. С. 51–76. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2019-2-51-76>

Егорова М.С., Ситникова М.А., Паришкова О.В. Адаптация Короткого опросника Темной триады // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 43. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/1052> (дата обращения: 03.05.2022). DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v8i43.1052>

Лабунская В.А. Теоретико-эмпирические подходы к исследованию отношения к этнолукизму // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7, № 4. С. 19–33. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2016070402>

Лабунская В.А., Погонцева Д.В. Лукизм: лицо, тело, душа // Лицо человека в пространстве общения / отв. ред. К.И. Ананьева, В.А. Барабанщиков, А.А. Демидов. М.: Когито-Центр; Моск. ин-т психоанализа, 2016. С. 98–110.

- Фоломеева Т.В., Федотова С.В. Дифференциация образов высокостатусного и низкостатусного человека у молодежи // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9, № 3. С. 197–207. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2018090319>
- Щебетенко С.А., Балева М.В., Корниенко Д.С. Стереотип и социальная угроза как факторы восприятия иммигрантов русскими // Вестник Пермского государственного института искусства и культуры. 2006. Т. 2, № 2. С. 138–151.
- Cheng Y.D., O'Toole A.J., Abdi H. Classifying adults' and children's faces by sex: computational investigations of subcategorical feature encoding // Cognitive Science. 2001. Vol. 25, iss. 5. P. 819–838. DOI: https://doi.org/10.1207/s15516709cog2505_8
- Eder A.B., Krishna A., Sebald A., Kunde W. Embodiment of approach-avoidance behavior: Motivational priming of whole-body movements in a virtual world // Motivation Science. 2021. Vol. 7, iss. 2. P. 133–144. DOI: <https://doi.org/10.1037/mot0000205>
- Fay A.J., Maner J.K. Interactive effects of tactile warmth and ambient temperature on the search for social affiliation // Social Psychology. 2020. Vol. 51, no. 3. P. 199–204. DOI: <https://doi.org/10.1027/1864-9335/a000407>
- First Impressions / ed. by N. Ambady, J.J. Skowronski. N.Y.: Guilford Press, 2008. 368 p.
- Förster J., Liberman N., Kuschel S. The effect of global versus local processing styles on assimilation versus contrast in social judgment // Journal of Personality and Social Psychology. 2008. Vol. 94, iss. 4. P. 579–599. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.94.4.579>
- Herr P.M. Consequences of priming: Judgment and behavior // Journal of Personality and Social Psychology. 1986. Vol. 51, iss. 6. P. 1106–1115. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.51.6.1106>
- Ledgerwood A., Chaiken S. Priming us and them: Automatic assimilation and contrast in group attitudes // Journal of Personality and Social Psychology. 2007. Vol. 93, iss. 6. P. 940–956. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.93.6.940>
- Lee K., Ashton M.C. The Dark Triad, the Big Five, and the HEXACO model // Personality and Individual Differences. 2014. Vol. 67. P. 2–5. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2014.01.048>
- Martin C.L., Fabes R.A. The stability and consequences of young children's same-sex peer interactions // Developmental Psychology. 2001. Vol. 37, iss. 3. P. 431–446. DOI: <https://doi.org/10.1037/0012-1649.37.3.431>
- North M.S., Fiske S.T. A prescriptive intergenerational-tension ageism scale: Succession, identity, and consumption (SIC) // Psychological Assessment. 2013. Vol. 25, iss. 3. P. 706–713. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0032367>
- Nosek B., Banaji M.B. The go/no-go association task // Social Cognition. 2002. Vol. 19, iss. 6. P. 625–666. DOI: <https://doi.org/10.1521/soco.19.6.625.20886>
- Phills C.E., Kawakami K., Tabi E., Nadolny D., Inzlicht M. Mind the gap: Increasing associations between the self and blacks with approach behaviors // Journal of Personality and Social Psychology. 2011. Vol. 100, iss. 2. P. 197–210. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0022159>
- Pusen C., Erickson J.R., Hue Ch.-w., Vyas A.P. Priming from category members on retrieval of other category members: Positive and negative effects // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. 1988. Vol. 14, iss. 4. P. 627–640. DOI: <https://doi.org/10.1037/0278-7393.14.4.627>
- Riemer A.R., Sáez G., Brock R.L., Gervais S.J. The development and psychometric evaluation of the Objectification Perpetration Scale // Journal of Counseling Psychology. 2022. Vol. 69, iss. 4. P. 541–553. DOI: <https://doi.org/10.1037/cou0000607>
- Rosenzweig P. The Halo Effect: ... and the Eight Other Business Delusions That Deceive Managers. N.Y.: Free Press, 2014. 288 p.
- Rudman L.A., Greenwald A.G., McGhee D.E. Implicit self-concept and evaluative implicit gender stereotypes: Self and ingroup share desirable traits // Personality and Social Psychology Bulletin. 2001. Vol. 27, iss. 9. P. 1164–1178. DOI: <https://doi.org/10.1177/0146167201279009>
- Rudman L.A., Heppen J. Implicit romantic fantasies and women's interest in personal power: A glass slipper effect? // Personality and Social Psychology Bulletin. 2003. Vol. 29, iss. 11. P. 1357–1370. DOI: <https://doi.org/10.1177/0146167203256906>
- Schwarz N., Bless H. Mental Construal Processes: The Inclusion/Exclusion Model // Assimilation and contrast in social psychology / ed. by D.A. Stapel, J. Suls. N.Y.: Psychology Press, 2007. P. 119–141. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203837832-13>
- Sels L., Ceulemans E., Kuppens P. Partner-expected affect: How you feel now is predicted by how your partner thought you felt before // Emotion. 2017. Vol. 17, iss. 7. P. 1066–1077. DOI: <https://doi.org/10.1037/emo0000304>
- Shchebetenko S.A., Kalugin A.Yu., Mishkevich A.M., Soto C.J., John O. Measurement invariance and sex and age differences of the Big Five Inventory-2: Evidence from the Russian version // Assessment. 2019. Vol. 27, iss. 3. P. 472–486. DOI: <https://doi.org/10.1177/1073191119860901>

Stapel D.A., Koomen W., Zeelenberg M. The impact of accuracy motivation on interpretation, comparison, and correction processes: Accuracy × knowledge accessibility effects // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998. Vol. 74, iss. 4. P. 878–893. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.74.4.878>

Stapel D.A., Suls J. Method Matters: Effects of Explicit Versus Implicit Social Comparisons on Activation, Behavior, and Self-Views // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2004. Vol. 87, iss. 6. P. 860–875. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.87.6.860>

Stevens S.T., Jussim L., Anglin S.M., Contrada R. et al. Political exclusion and discrimination in social psychology: Lived experiences and solutions // *The politics of social psychology* / ed. by J.T. Crawford, L.J. Jussim. N.Y.: Routledge, 2017. P. 210–244. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315112619-13>

Strough J., Covatto A.M. Context and Age Differences in Same- and Other- gender Peer Preferences // *Social Development*. 2002. Vol. 11, iss. 3. P. 346–361. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9507.00204>

Swann W.B., Snyder M. On translating beliefs into action: Theories of ability and their application in an instructional setting // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1980. Vol. 38, iss. 6. P. 879–888. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.38.6.879>

Williams L.E., Bargh J.A. Experiencing physical warmth promotes interpersonal warmth // *Science*. 2008. Vol. 322, iss. 5901. P. 606–607. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.1162548>

Zebrowitz L.A., Montepare J.M. Social psychological face perception: Why appearance matters // *Social and Personality Psychology Compass*. 2008. Vol. 2, iss. 3. P. 1497–1517. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1751-9004.2008.00109.x>

Получена: 04.05.2022. Принята к публикации: 15.06.2022

References

Ambady, N. and Skowronski, J.J. (eds). (2008). *First impressions*. New York: Guilford Press, 368 p.

Baleva, M.V. (2019). [Good, bad, pretty: appearance as a mediating factor in personality assessment]. *Litso cheloveka: poznanie, obschenie, deyatel'nost'*, *otv. red. K.I. Anan'eva, V.A. Barabanschikov, A.A. Demidov* [K.I. Anan'eva, V.A. Barabanschikov, A.A. Demidov (eds.) Human face: cognition, communication, activity]. Moscow: Cogito-Centre Publ.; MIP Publ., pp. 429–443.

Baleva, M.V. (2019). [The other person, similar to me: particularities of intragroup perception of young

men and women with different levels of negative personality traits]. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Psychology]. No. 74, pp. 64–87.

Baleva, M.V. and Kovaleva, G.V. (2022). [Forming an attitude to an ambivalent Other: What information is considered relevant?]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 43, no. 1, pp. 32–41. DOI: <https://doi.org/10.31857/s020595920018767-9>

Baleva, M.V., Kovaleva, G.V. and Polyanina, O.I. (2019). [Implicit judgments about the Other with vivid manifestations of Dark Triad traits. Comparison with research data]. *Vestnik RGGU. Seriya: Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie* [RSUH/RGGU Bulletin. Series: Psychology. Pedagogics. Education]. No. 2, pp. 51–76. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2019-2-51-76>

Cheng, Y.D., O'Toole, A.J. and Abdi, H. (2001). Classifying adults' and children's faces by sex: computational investigations of subcategorical feature encoding. *Cognitive science*. Vol. 25, iss. 5, pp. 819–838. DOI: https://doi.org/10.1207/s15516709cog2505_8

Eder, A.B., Krishna, A., Sebald, A. and Kunde, W. (2021). Embodiment of approach-avoidance behavior: Motivational priming of whole-body movements in a virtual world. *Motivation Science*. Vol. 7, iss. 2, pp. 133–144. DOI: <https://doi.org/10.1037/mot0000205>

Egorova, M.S., Sitnikova, M.A. and Parshikova, O.V. (2015). [Adaptation of the Short Dark Triad]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Studies]. Vol. 8, no. 43. Available at: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/1052> (accessed 03.05.2022). DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v8i43.1052>

Fay, A.J. and Maner, J.K. (2020). Interactive effects of tactile warmth and ambient temperature on the search for social affiliation. *Social Psychology*. Vol. 51, no. 3, pp. 199–204. DOI: <https://doi.org/10.1027/1864-9335/a000407>

Folomeeva, T.V. and Fedotova, S.V. (2018). [Images differentiation of high status and low status person among young people]. *Sotsial'naya psikhologiya i obschestvo* [Social Psychology and Society]. Vol. 9, no. 3, pp. 197–207. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2018090319>

Förster, J., Liberman, N. and Kuschel, S. (2008). The effect of global versus local processing styles on assimilation versus contrast in social judgment. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 94, iss. 4, pp. 579–599. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.94.4.579>

- Herr, P.M. (1986). Consequences of priming: Judgment and behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 51, iss. 6, pp. 1106–1115. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.51.6.1106>
- Labunskaya, V.A. (2016). [Theoretical and empirical approaches to the study of attitude to the discrimination of the ethno lookism]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society]. Vol. 7, no. 4, pp. 19–33. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2016070402>
- Labunskaya, V.A. and Pogontseva, D.V. (2016). [Lookism: face, body, soul]. *Litso cheloveka v prostanstve obshcheniya, otv. red. K.I. Anan'eva, V.A. Barabanshikov, A.A. Demidov* [K.I. Anan'eva, V.A. Barabanshikov, A.A. Demidov (eds.) Human face in the communication space]. Moscow: Cogito-Centre Publ.; MIP Publ., pp. 98–110.
- Ledgerwood, A. and Chaiken, S. (2007). Priming us and them: Automatic assimilation and contrast in group attitudes. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 93, iss. 6, pp. 940–956. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.93.6.940>
- Lee, K. and Ashton, M.C. (2014). The Dark Triad, the Big Five, and the HEXACO model. *Personality and Individual Differences*. Vol. 67, pp. 2–5. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2014.01.048>
- Martin, C.L. and Fabes, R.A. (2001). The stability and consequences of young children's same-sex peer interactions. *Developmental Psychology*. Vol. 37, iss. 3, pp. 431–446. DOI: <https://doi.org/10.1037/0012-1649.37.3.431>
- North, M.S. and Fiske, S.T. (2013). A prescriptive intergenerational-tension ageism scale: Succession, identity, and consumption (SIC). *Psychological Assessment*. Vol. 25, iss. 3, pp. 706–713. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0032367>
- Nosek, B. and Banaji, M.B. (2002). The go/no-go association task. *Social Cognition*. Vol. 19, iss. 6, pp. 625–666. DOI: <https://doi.org/10.1521/soco.19.6.625.20886>
- Phills, C.E., Kawakami, K., Tabi, E., Nadolny, D. and Inzlicht, M. (2011). Mind the gap: Increasing associations between the self and blacks with approach behaviors. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 100, iss. 2, pp. 197–210. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0022159>
- Pusen, C., Erickson, J.R., Hue, C.-w. and Vyas, A.P. (1988). Priming from category members on retrieval of other category members: Positive and negative effects. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. Vol. 14, iss. 4, pp. 627–640. DOI: <https://doi.org/10.1037/0278-7393.14.4.627>
- Riemer, A.R., Sáez, G., Brock, R.L. and Gervais, S.J. (2022). The development and psychometric evaluation of the Objectification Perpetration Scale. *Journal of Counseling Psychology*. Vol. 69, iss. 4, pp. 541–553. DOI: <https://doi.org/10.1037/cou0000607>
- Rosenzweig, P. (2014). *The halo effect: ... and the eight other business delusions that deceive managers*. New York: Free Press, 288 p.
- Rudman, L.A., Greenwald, A.G. and McGhee, D.E. (2001). Implicit self-concept and evaluative implicit gender stereotypes: Self and in-group share desirable traits. *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 27, iss. 9, pp. 1164–1178. DOI: <https://doi.org/10.1177/0146167201279009>
- Rudman, L.A. and Heppen, J. (2003). Implicit romantic fantasies and women's interest in personal power: A glass slipper effect? *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 29, iss. 11, pp. 1357–1370. DOI: <https://doi.org/10.1177/0146167203256906>
- Schwarz, N. and Bless, H. (2007). Mental construal processes: The inclusion/exclusion model. *D.A. Stapel, J. Suls (ed.) Assimilation and contrast in social psychology*. New York: Psychology Press, pp. 119–141. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203837832-13>
- Sels, L., Ceulemans, E. and Kuppens, P. (2017). Partner-expected affect: How you feel now is predicted by how your partner thought you felt before. *Emotion*. Vol. 17, iss. 7, pp. 1066–1077. DOI: <https://doi.org/10.1037/emo0000304>
- Shchebetenko, S.A., Baleva, M.V. and Kornienko, D.S. (2006). [Stereotype and social threat as factors in the perception of immigrants by Russians]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo instituta iskusstva i kul'tury* [Bulletin of the Perm State Institute of Art and Culture]. Vol. 2, no. 2, pp. 138–151.
- Shchebetenko, S.A., Kalugin, A.Yu., Mishkevich, A.M., Soto, C.J. and John, O. (2019). Measurement invariance and sex and age differences of the Big Five Inventory-2: Evidence from the Russian version. *Assessment*. Vol. 27, iss. 3, pp. 472–486. DOI: <https://doi.org/10.1177/1073191119860901>
- Stapel, D.A., Koomen, W. and Zeelenberg, M. (1998). The impact of accuracy motivation on interpretation, comparison, and correction processes: Accuracy × knowledge accessibility effects. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 74, iss. 4, pp. 878–893. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.74.4.878>
- Stapel, D.A. and Suls, J. (2004). Method matters: Effects of explicit versus implicit social comparisons on activation, behavior, and self-views. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 87, iss. 6,

pp. 860–875. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.87.6.860>

Stevens, S.T., Jussim, L., Anglin, S.M., Contrada, R. et al. (2017). Political exclusion and discrimination in social psychology: Lived experiences and solutions. *J.T. Crawford, L.J. Jussim (eds.) The politics of social psychology*. New York: Routledge, pp. 210–244. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315112619-13>

Strough, J. and Covatto, A.M. (2002). Context and age differences in same- and other- gender peer preferences. *Social Development*. Vol. 11, iss. 3, pp. 346–361. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9507.00204>

Swann, W.B. and Snyder, M. (1980). On translating beliefs into action: Theories of ability and their

application in an instructional setting. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 38, iss. 6, pp. 879–888. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.38.6.879>

Williams, L.E. and Bargh, J.A. (2008). Experiencing physical warmth promotes interpersonal warmth. *Science*. Vol. 322, iss. 5901, pp. 606–607. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.1162548>

Zebrowitz, L.A. and Montepare, J.M. (2008). Social psychological face perception: Why appearance matters. *Social and Personality Psychology Compass*. Vol. 2, iss. 3, pp. 1497–1517. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1751-9004.2008.00109.x>

Received: 04.05.2022. Accepted: 15.06.2022

Об авторах

Балева Милена Валерьевна

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры психологии развития

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: milenabaleva@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7334-3635>
ResearcherID: ABE-8676-2020

Полянина Ольга Ивановна

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры психологии развития,
доцент кафедры общей и клинической психологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: helgapol72@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5009-2156>
Researcher ID: AHC-7111-2022

About the authors

Milena V. Baleva

Candidate of Psychology, Docent,
Associate Professor of the Department
of Developmental Psychology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: milenabaleva@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7334-3635>
ResearcherID: ABE-8676-2020

Olga I. Polyanina

Candidate of Psychology, Docent,
Associate Professor of the Department
Developmental Psychology, Associate Professor of the Department
of General and Clinical Psychology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: helgapol72@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5009-2156>
Researcher ID: AHC-7111-2022

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Балева М.В., Полянина О.И. Роль пола, внешности и сходства в проявлениях перцептивного эффекта контраста // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 3. С. 465–478. DOI: 10.17072/2078-7898/2022-3-465-478

For citation:

Baleva M.V., Polyanina O.I. [The role of gender, appearance and similarity in the perceptual contrast effect]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 3, pp. 465–478 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-3-465-478

УДК 159.97:159.922.7

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-3-479-493

**ВЗАИМОСВЯЗЬ БОДИМОДИФИКАЦИЙ
И САМОПОВРЕЖДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ
С ПСИХОЛОГИЧЕСКИМИ ТРАВМАМИ, ПЕРЕЖИТЫМИ
В ДЕТСКОМ ВОЗРАСТЕ**

*Кузнецова Светлана Олеговна, Мустафина Кристина Альбертовна,
Такмакова Марина Валерьевна*

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (Москва)*

В данной статье представлены результаты проведенного эмпирического исследования, посвященного изучению взаимосвязи бодимодификаций и самоповреждающего поведения у людей, переживших психологические травмы в детском возрасте. Актуальность данной проблематики обуславливается частотой случаев реализации самоповреждающего поведения и нарастающей популярностью бодимодификаций в современной популяции. В качестве гипотез исследования принимались следующие утверждения: выраженность бодимодификаций и селфхарма положительно связана с пережитыми в детстве психологическими травмами; психологические травмы, связанные с насилием, пережитым в детстве, сильнее коррелируют с бодимодификациями и самоповреждением во взрослом возрасте по сравнению с другими видами психологических травм. В исследовании приняли участие 105 женщин и 71 мужчина в возрасте от 16 до 50 лет (средний возраст женщин — 21,5 лет, средний возраст мужчин — 25,2). Использованы методы опроса и субъективного шкалирования. Анализ взаимосвязей между переменными осуществлялся с использованием непараметрических методов. Для исследования корреляции применялся непараметрический коэффициент Спирмена. Межгрупповое сравнение шкальных оценок осуществлялось при помощи однофакторного дисперсионного анализа. В результате обработки данных были получены статистически значимые слабые положительные корреляции между количеством бодимодификаций и общим показателем неблагоприятных жизненных событий. Количество бодимодификаций значимо положительно связано с опытом семейных психотравмирующих событий и насилия. Коэффициент самоповреждений был значимо положительно связан с общим показателем неблагоприятных жизненных ситуаций, опытом семейных психотравмирующих ситуаций и насилия. Значения коэффициентов корреляции между самоповреждением и неблагоприятными жизненными ситуациями оказались несколько выше в сравнении с корреляцией бодимодификаций и неблагоприятного детского опыта. Корреляционный анализ показал слабую, но значимую положительную связь между показателем самоповреждения и количеством бодимодификаций. Обнаружены значимые различия в показателе психотравмирующих событий между подгруппами респондентов с пирсингом и без него. У респондентов с пирсингом отмечаются значимо более высокие показатели по общей шкале неблагоприятных жизненных событий, а также по шкале семейных психотравмирующих ситуаций и шкале психотравмирующих событий, связанных с насилием, по сравнению с респондентами без пирсинга. По результатам регрессионного анализа коэффициент самоповреждений был значимо связан с фактором пола, фактором семейных психотравмирующих событий и психотравмирующих событий, связанных с насилием. Эта модель объяснила 16,2 % дисперсии коэффициента самоповреждений. Количество бодимодификаций, в свою очередь, было значимо связано только с фактором пола и фактором психотравмирующих событий, связанных с насилием, данная модель объяснила всего 7,4 % дисперсии количества бодимодификаций.

Ключевые слова: самоповреждающее поведение, бодимодификация, несуицидальное самоповреждение, психологическая травма, травма детства.

THE RELATIONSHIP OF BODY MODIFICATION AND SELF-HARMING BEHAVIOR WITH PSYCHOLOGICAL TRAUMAS EXPERIENCED IN CHILDHOOD

Svetlana O. Kuznetsova, Kristina A. Mustafina, Marina V. Takmakova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow)

This article presents the results of empirical research on the relationship between body modification and self-harming behavior on the one hand and psychological trauma in childhood on the other hand. The problem appears to be topical due to the frequent occurrence of self-harming behavior and the increasing popularity of body modification. The hypotheses of the study were as follows: the extent of body modification and self-harm are positively associated with psychological traumas experienced in childhood; psychological traumas associated with violence experienced in childhood show a stronger correlation with body modification and self-harm in adulthood, compared with other types of psychological traumas. The study involved 105 women and 71 men aged 16 to 50 years (the average age of women was 21.5, the average age of men was 25.2). The survey and subjective scaling methods were used. The analysis of relationships between the variables was carried out with the help of nonparametric methods. The nonparametric Spearman coefficient was used to study the correlation. The intergroup comparison of scale estimates was performed using a one-factor analysis of variance. We obtained statistically significant weak positive correlations between the number of body modifications and the overall indicator of adverse life events. The number of body modifications is significantly positively associated with the experience of family psycho-traumatic events and violence. The self-harm rate is significantly positively associated with the overall indicator of adverse life situations, experience of family psycho-traumatic situations and violence. The coefficients of correlation between self-harm and adverse life situations turned out to be slightly higher compared to the correlation between body modifications and adverse childhood experiences. Correlation analysis showed a weak but significant positive relationship between self-harm and the number of body modifications. Significant differences in the indicator of psycho-traumatic events were found between subgroups of respondents with and without piercings. Respondents with piercings demonstrate significantly higher rates on the general scale of adverse life events, on the scale of family psycho-traumatic situations, and the scale of psycho-traumatic events related to violence, compared with respondents without piercings. Regression analysis showed a significant correlation between the coefficient of self-harm and the gender factor, the factor of family psycho-traumatic events and psycho-traumatic events related to violence. This model explained 16.2% of the variance of the self-injury coefficient. The number of body modifications was significantly related only to the gender factor and the factor of psycho-traumatic events related to violence, which explained only 7.4% of the variance in the number of body modifications.

Keywords: self-harming behavior, body modification, non-suicidal self-harm, psychological trauma, childhood trauma.

Введение

Проблема изучения психологических механизмов самоповреждающего поведения и бодимодификаций является актуальной. В современных условиях, связанных с постоянными стрессами, количество агрессивного и самоповреждающего поведения растет в популяционной выборке [Бойко О.М. и др., 2019, 2020; Qiu J. et al., 2020; Yao H. et al., 2020]. Изучение психологических особенностей людей, совершающих акты самоповреждения, имеет важное значение, поскольку именно этот контингент пациентов часто совершают суицидальные по-

пытки [Eric A.P. et al., 2017]. Во многих исследованиях показано, что несуицидальные самоповреждения выступают в качестве предикторов суицидального риска [Вайт Т., 2017; Холмогорова А.Б., 2016]. Актуальность данной проблематики обуславливается также и нарастающей популярностью бодимодификаций в современном мире. За последние 10 лет приобретение бодимодификаций стало доступнее, вследствие чего возросло количество людей, которые изменяют свою внешность. Проблема взаимосвязи самоповреждающего поведения и бодимодификаций с психологическими травмами, полученными в детском возрасте, на се-

годняшний день не имеет однозначного решения. В ряде исследований [Кузнецова С.О. и др., 2019; Stirn A., Hinz A., 2008; Swannell S. et al., 2012] показана положительная связь селфхарма у взрослых с психологическими травмами, полученными в детском возрасте. Однако есть исследования, в которых такая связь не была выявлена [Wohlrab S. et al., 2007]. Кроме этого, в психологических исследованиях [Stirn A., Hinz A., 2008; Swannell S. et al., 2012], которые рассматривают связь между психологическими травмами и селфхармом, оцениваются только общие показатели, но не рассматривается связь типа психотравмы и вида самоповреждения и бодимодификаций.

Характеристика самоповреждения

Самоповреждение обычно определяется как намеренное причинение физического ущерба собственному телу без суицидальных намерений, которое тем не менее может привести к смерти. Самыми распространенными формами самоповреждения являются нанесение себе порезов, ожогов, ран, проколов, а также щипание, втыкание в себя иглол и т.п. Феномен самоповреждения приравнивается исследователями к деструктивному аутоагрессивному поведению, которое выражается в прямой или косвенной форме и приводит к повреждениям различной степени тяжести — вплоть до непреднамеренного суицида (тяжелая форма самоповреждения).

Самоповреждение необходимо отличать от причинения вреда себе в результате бреда или галлюцинаций (аутокастрация, аутоампутация и др.), а также при шизофрении; действий, направленных на усиление полового возбуждения (садомазохистская практика); суицидального поведения (самоповреждение чаще всего не связано с попыткой самоубийства).

Причины самоповреждения многогранны и включают регуляцию аффекта, поиск ощущений и самонаказание. По данным E. Klonsky и J. Muehlenkamp [Klonsky E., Muehlenkamp J., 2007], самоповреждения чаще всего используются для того, чтобы «временно облегчить сильные негативные эмоции».

Относительно половых различий в количестве и частоте самоповреждений однозначной позиции нет: так, в некоторых работах было выявлено, что самоповреждение чаще встреча-

ется у женщин, чем у мужчин, а в других исследованиях показано, что различий между полами в распространенности самоповреждений нет [Hawton K. et al., 2002; Klonsky E., Muehlenkamp J., 2007].

В исследовании Н.А. Польской было показано, что «наибольшая частота самоповреждений наблюдается в возрасте от 14 лет до 21 года. По мере взросления частота самоповреждений снижается, что подтверждает их связь с процессами социальной идентификации и кризисным характером подросткового и юношеского возраста» [Польская Н.А., 2017, с. 77].

Характеристика бодимодификаций

Первые случаи модификации тела обнаружены за 3000 лет до нашей эры. Некоторые племена (например, маори) были известны тем, что наносили на свое тело пирсинг, татуировки и скарификацию. Бодимодификация (от англ. body — тело; modification — модификация, изменение) — это «искусственное изменение тела, осуществляемое по эстетическим, социально-идентификационным, религиозным или психологическим мотивам» [Польская Н.А., 2017, с. 133]. Исторически сложилось, что бодимодификации использовались людьми с целью подчеркивания различий, обозначения своего статуса или положения в обществе. Позже модификации тела стали служить идентификатором, например в армии; сейчас бодимодификации стали украшением человеческого тела. Такие практики, как пирсинг тела, татуировки и скарификация, когда-то связанные только с маргинальными или девиантными социальными группами, сейчас стали более распространенными. Наибольшая распространенность бодимодификаций (татуировки, пирсинг) наблюдается в возрастной группе 16–24 года.

Основные причины, по которым производятся бодимодификации, можно сгруппировать в несколько общих категорий мотивов: психологические (например, внутренняя уверенность в себе), социальные (например, влияние моды) и медицинские (вынужденные бодимодификации, например удаление родинок). В ряде современных исследований выделяются такие мотивы бодимодификаций, как выражение индивидуальности, повышение привлекательности, аутоагрессия, стремление подчеркнуть взрослость. В обзоре S. Wohlrab, J. Stahl и

М. Kappeler [Wohlrab S. et al., 2007] рассматриваются следующие распространенные мотивы приобретения пирсинга: «красота, искусство и мода», «индивидуальность», «личное повествование», «физическая выносливость», «групповая принадлежность и приверженность», «сопротивление», «духовность и культурный переход», «зависимость» и «сексуальная мотивация». В ряде исследований было высказано предположение, что некоторые люди используют модификации тела, чтобы справиться со стрессом и травмами [De Mello M., 2000; Stirn A., Hinz A., 2008]. В исследовании A. Stirn и A. Hinz отмечается, что 89 % участников сделали пирсинг или татуировки у профессионала. Однако среди тех, кто признался в самоповреждающем поведении, значительно больше людей делали пирсинг у непрофессионалов [Stirn A., Hinz A., 2008].

Сравнение самоповреждающего поведения и бодимодификаций

Самоповреждающее поведение и бодимодификации при всех своих отличиях имеют много общего, в результате чего в ряде клинических исследований модификации тела относят к подвиду самоповреждающего поведения [Stirn A., Hinz A., 2008]. Некоторые испытуемые отмечали, что различные бодимодификации приносят им облегчение от эмоциональной боли. Парадокс в том, что смысл селфхарма заключается по большей части в том же самом. По словам немецких психологов A. Stirn и A. Hinz, в некоторых случаях бодимодификации действительно могут выполнять функции селфхарма [Stirn A., Hinz A., 2008]. На основании их исследования известно, что 27 % информантов (119 из 432 человек) сделали бодимодификацию из-за того, что в детстве они занимались селфхармом, а также признавались, что татуировали кожу или прокалывали тело для того, чтобы помочь себе преодолеть негативные эмоции и пережить негативный опыт, испытывая физическую боль [Stirn A., Hinz A., 2008]. Так, было показано, что многие люди, которые делают модификации тела, утверждают, что татуировки (реже — пирсинг и др.) служат напоминанием о том, какие тяжелые времена или эмоции они пережили, а также увековечивают значимые события на своем теле.

Психологическая травма

Психологическая травма — это реакция человека на одно или несколько тревожных событий, вызывающих чрезмерный стресс, который не удалось преодолеть [Pearlman L.A., Saakvitne K., 1995]. В отличие от обычных жизненных трудностей, травматические события, как правило, являются внезапными и непредсказуемыми, а также могут быть сопряжены с серьезной угрозой для жизни человека, например самоповреждениями или смертью, а также не зависят от него. Важно отметить, что события травмируют в той степени, в какой они подрывают чувство безопасности человека в мире и создают впечатление, что катастрофа может произойти в любой момент. Потеря родителей в детстве, авткатастрофы, физическое насилие, сексуальное насилие, боевые действия, неожиданная потеря близкого — все это, как правило, травмирующие события. Однако является ли то или иное событие травматическим, определяют не объективные обстоятельства, а субъективный эмоциональный опыт человека, который непосредственно связан с этим событием. То есть чем больше испытано страха и беспомощности, тем выше вероятность формирования психологической травмы. Подчеркнем также, что травма определяется опытом выжившего: два человека могут пройти одно и то же событие и один человек будет травмирован, в то время как другой останется относительно невредимым. Следует отметить, что травматические эффекты часто кумулятивны. Какими бы ни были одноразовые травмы, травматические переживания, которые ведут к серьезным проблемам с психическим здоровьем, накапливаются и продолжают беспокоить человека годами.

В клинических исследованиях показано, что люди реагируют на травму по-разному, испытывая широкий спектр физических и эмоциональных реакций, при этом признаки психологической травмы могут быть сгруппированы по четырем типам: 1) навязчивые воспоминания, 2) избегание, 3) негативные изменения в мышлении и настроении, 4) изменения физических и эмоциональных реакций. Признаки могут меняться с течением времени или варьироваться [Posttraumatic stress disorder, 2013].

Взаимосвязь бодимодификаций и самоповреждения с психологическими травмами, пережитыми в детском возрасте

В современных исследованиях самоповреждение часто рассматривается как реакция на психологическую травму [Erozkan A., 2016; Finzi R. et al., 2000]. Взрослому человеку необходимо сублимировать переживания, связанные с детскими травмами, и, к сожалению, большинство людей направляют свои негативные эмоции на себя, причиняя вред. Но такое аутоагрессивное поведение приносит только кратковременное облегчение, что влечет за собой повторение таких действий [Klonsky E., Muehlenkamp J., 2007]. Доказательством этого служит следующее: люди, совершившие одну модификацию тела, чаще всего не останавливаются на ней, а продолжают бодимодификации, иногда доходя до экстремальных. Некоторые западные исследователи, такие как E. Klonsky и J. Muehlenkamp, интересовались взаимосвязью самоповреждения и неблагоприятного детского опыта и пришли к выводу, что, как правило, женщины, которые пережили детский травматический опыт (в особенности сексуальное насилие), были более уязвимы к самоповреждениям, чем мужчины, однако когда опыт жестокого обращения был непрерывен, у женщин и мужчин выявлялся одинаковый уровень склонности к самоповреждениям [Klonsky E., Muehlenkamp J., 2007; Swannell S. et al., 2012].

В современных клинических исследованиях отмечается прямое влияние пережитого в детстве сексуального насилия на возникновение в более старшем возрасте не только поведения с аутоагрессивным самоповреждением, но и целого ряда других негативных поведенческих проявлений, сопутствующих аутоагрессии. При этом установлено, что аутоагрессоры, пережившие в детстве сексуальное насилие, сообщают о более высоком уровне суицидальных мыслей и о неудовлетворенности собственной фигурой, чем аутоагрессоры без истории насилия. Таким образом, пережитое сексуальное злоупотребление выступает в качестве фактора риска провоцирования именно суицидального поведения — от его идеаторной разработки до конкретных попыток исполнения [Кузнецова С.О. и др., 2019].

В исследовании, проведенном A. Stirn и A. Hinz, 34 % участников, занимавшихся бодимодификациями, признались, что в детстве намеренно наносили себе порезы. Интересно, что среди этих людей 13 % респондентов сообщили, что они полностью перестали резать себя, а некоторые участники сообщили о снижении самоповреждающего поведения после приобретения бодимодификаций. Участники с опытом селфхарма сообщили о значительно большем количестве пирсинга, чем участники без такого опыта. Обсуждая снижение самоповреждений, авторы заявили, что есть признаки того, что участники использовали бодимодификации как замену аутоагрессивным действиям [Stirn A., Hinz A., 2008].

Таким образом, на данный момент проведено недостаточно исследований, направленных на изучение связи самоповреждения, бодимодификаций и детских травм, и характер этих связей до конца не ясен.

Цель нашего исследования заключается в изучении количественных и качественных особенностей бодимодификаций и самоповреждающего поведения у людей, переживших психологические травмы в детском возрасте, и их взаимосвязи. В качестве общей гипотезы исследования принималось утверждение, что выраженность бодимодификаций и селфхарма положительно связана с пережитыми в детстве психологическими травмами. Частная гипотеза: психологические травмы, связанные с насилием, пережитым в детстве, сильнее коррелируют с бодимодификациями и самоповреждением во взрослом возрасте по сравнению с другими видами психологических травм.

Методика

Процедура исследования представляла собой онлайн-исследование через Google-формы (исследование проводилось при содействии С. Репринца). Анкета респондента включала несколько модулей: демографические данные; исследование модификаций тела; частота и причины самоповреждений; пережитые сложные жизненные ситуации; опрос, касающийся детства респондента. Все участники исследования подписали добровольное информированное согласие на включение в исследование. Персональные данные участников были полностью скрыты, участники идентифицированы по кодам.

Отношение к бодимодификациям и самоповреждениям изучалось с помощью анкеты «Модификации тела и самоповреждения» [Польская Н.А., 2017, с. 409]. Анкета предназначена для качественной оценки проблем, связанных с самоповреждением, их корреляции с бодимодификациями, социальными девиациями и личностными особенностями. Анкета включает 22 вопроса с вариантами ответа. Методика прошла процедуру валидизации, необходимую для использования в исследовательских целях.

Для определения пережитых сложных жизненных ситуаций была использована анкета «Неблагоприятные жизненные события» (НЖС) [Польская Н.А., 2017, с. 415]. Короткий опросник представляет собой список сложных жизненных ситуаций и обстоятельств, сгруппированных по трем признакам: социальные и природные психотравмирующие события (1), семейные психотравмирующие события (2) и психотравмирующие события, связанные с насилием (3).

Интерпретация полученных данных была проведена с помощью стандартного пакета программ SPSS for Windows, версия 11.0. Анализ взаимосвязей между переменными осуществлялся с использованием непараметриче-

ских методов. Для исследования корреляции применялся непараметрический коэффициент Спирмена. Межгрупповое сравнение шкальных оценок выполнялось при помощи однофакторного дисперсионного анализа. Для оценки влияния независимых переменных (разные виды неблагоприятного жизненного опыта) на коэффициенты бодимодификаций и самоповреждения использовался линейный регрессионный анализ. В качестве критерия статистической достоверности рассматривался уровень значимости $p \leq 0,05$. В ходе предварительной обработки данных было обнаружено значимое влияние фактора «пол» на некоторые независимые переменные (количество бодимодификаций, наличие татуировок и пирсинга), ввиду чего пол был включен в качестве независимой переменной в регрессионный анализ.

Результаты и обсуждение

В исследовании приняли участие 105 женщин и 71 мужчина в возрасте от 16 до 50 лет (см. табл. 1). Данные четырех респондентов были исключены из анализа ввиду возраста, превышающего значение трех стандартных отклонений от среднего значения.

Таблица 1. Численность и средний возраст выборки

Table 1. Number and average age of the sample

	Женщины	Мужчины
N	105 (59,7 %)	71 (40,3 %)
Возраст (M ± SD)	21,5 ± 5,9	25,2 ± 7,4

В результате проведенного исследования нами были получены следующие данные.

По результатам самоотчета у 36,9 % респондентов отсутствуют БМ (табл. 2). Одна бодимодификация имеется у 19,9 % респондентов, от двух до пяти — у 27,8 % респондентов. Свыше пяти бодимодификаций имеется у 15,3 % респондентов. Наиболее распространенными типами бодимодификаций являются татуировки (39,2 %) и пирсинг (38,6 %), тогда как факт хирургического вмешательства (пластическая хирургия и/или инъекции красоты) подтвердили 13,6 % респондентов. Наличие декоративного шрамирования было подтверждено всего 2,8 % респондентов.

Самоповреждающее поведение анализировалось по ответам на вопросы по шкале «Самоповреждение» из анкеты «Модификации тела и самоповреждения» (табл. 3, см. примеч.). Полное отсутствие опыта самоповреждения отметили 17 % респондентов. Среди респондентов, указавших на наличие опыта самоповреждения, превалирующим оказался коэффициент, равный единице: 29,5 % респондентов ответили утвердительно на один из четырех вопросов, касающихся самоповреждения. Частота коэффициента самоповреждения от двух до четырех составила от 11,9 % до 22,2 %.

Таблица 2. Распространенность бодимодификаций

Table 2. The prevalence of body modifications

Общее количество бодимодификаций	Отсутствуют	65 (36,9 %)
	Одна	35 (19,9 %)
	От двух до пяти	49 (27,8 %)
	Более пяти	27 (15,3 %)
Бодимодификации		
	Есть	Нет
Татуировки	69 (39,2 %)	107 (60,8 %)
Пирсинг	68 (38,6 %)	108 (61,4 %)
Шрамирование	5 (2,8 %)	171 (97,2 %)
Пластика	24 (13,6 %)	152 (86,4 %)

Таблица 3. Значение коэффициента самоповреждения и частота ответов по шкале самоповреждения в анкете «Модификации тела и самоповреждения»

Table 3. The value of the coefficient of self-harm and the frequency of responses on the scale of self-harm in the questionnaire «Body modifications and self-harm»

Коэффициент самоповреждения	Значение	Стд. отклонение	Мин. значение	Макс. значение
	1,93	1,4	0	4
Количество утвердительных ответов на вопросы по шкале СП				n (%)
0 (нет утвердительных ответов)				30 (17 %)
1 (один утвердительный ответ из четырех)				52 (29,5 %)
2 (два утвердительных ответа из четырех)				34 (19,3 %)
3 (три утвердительных ответа из четырех)				21 (11,9 %)
4 (четыре утвердительных ответа из четырех)				39 (22,2 %)

Примечание: Коэффициент самоповреждения рассчитывался как сумма ответов на четыре вопроса анкеты «Модификации тела и самоповреждения», которые напрямую связаны с самоповреждающим поведением. В частности: (1) Бывает ли у Вас непреодолимое желание нанести себе повреждения? (2) Под влиянием сильных эмоций Вы можете себя ударить, укусить, сделать порезы, причинить иной вред? (3) Бывает ли так, что при волнении Вы кусаете губы, заламываете руки, грызете ногти и др.? (4) В Вашей жизни были случаи самоповреждения своего тела (нанесение порезов, прижигание, сковыривание болячек и др.)? За каждый утвердительный ответ респондент получал один балл. Таким образом, максимальное значение по шкале самоповреждения — 4 балла, минимальное — 0 баллов.

Note: The coefficient of self-harm was calculated as the sum of the answers to four questions of the questionnaire «Body modifications and self-harm», directly related to self-harm behavior. In particular: (1) Do you have an overwhelming urge to hurt yourself? (2) Under the influence of strong emotions, can you hit, bite, cut, or otherwise harm yourself? (3) Do you sometimes bite your lips, wring your hands, bite your nails, etc. when you get excited? (4) In your life, have there been cases of self-harm of your body (cutting, cauterization, picking off sores, etc.)? For each affirmative answer, the respondent received one point. Thus, the maximum value on the self-harm scale is 4 points, the minimum is 0 points.

При анализе неблагоприятных жизненных событий (см. табл. 4), наиболее частым стал показатель семейных психотравмирующих событий (частые конфликты между родителями; развод родителей; уход (побеги) из дома; злоупотребление алкоголем близкого человека; употребление близким человеком наркотических веществ; разлука с близким человеком; тяжелая болезнь; тяжелая болезнь близкого человека; тюремное заключение близкого человека; смерть близкого человека). Значение показателя семейных психотравмирующих событий составило $0,25 \pm 0,18$ (стд. отклонение). Вторыми по

величине стали социальные и природные психотравмирующие события (стихийные бедствия — пожар, наводнение, землетрясение; террористический акт, военные действия; дорожно-транспортное происшествие; железнодорожная или авиакатастрофа): значение показателя составило $0,18 \pm 0,2$ (стд. отклонение). Показатель психотравмирующих событий, связанных с насилием (сексуальное насилие, физическое насилие, похищение, разбойное поведение), получил наименьшее значение, равное $0,06 \pm 0,13$ (стд. отклонение).

Таблица 4. Значение ответов по анкете «Неблагоприятные жизненные события»

Table 4. Meaning of responses to the questionnaire «Adverse life events»

Тип психотравмирующего опыта	Значение	Стд. отклонение	Мин. значение	Макс. значение
Социальные и природные психотравмирующие события	0,18	0,20	0	1
Семейные психотравмирующие события	0,25	0,18	0	0,90
Психотравмирующие события, связанные с насилием	0,06	0,13	0	0,75
Общий показатель психотравмирующих событий	0,19	0,13	0,56	0,89

Примечание: Показатель неблагоприятных жизненных событий рассчитывался следующим образом: каждый положительный ответ оценивался в 1 балл, отрицательный — в 0 баллов. Респонденты могли выбрать от нуля до всех неблагоприятных жизненных событий в зависимости от личного опыта. Далее был рассчитан общий показатель психотравматизации (сумма положительных ответов, разделенная на число пунктов анкеты). Таким образом, величина коэффициента неблагоприятных жизненных событий варьируется от нуля (минимум) до единицы (максимум).

Note: The indicator of adverse life events was calculated as follows: each positive response in the methodology «Adverse life events» was assessed as «1 point», negative — «0 points». Respondents could choose from zero to all adverse life events, depending on personal experience. Next, the overall indicator of psychotraumatization was calculated (the sum of positive answers divided by the number of questionnaire items). Thus, the value of the coefficient of adverse life events varies from zero (minimum) to one (maximum).

Взаимосвязь бодимодификаций и саповреждающего поведения

Корреляционный анализ показал слабую, но значимую положительную связь между показателем самоповреждения и количеством бодимодификаций ($r = 0,21$, $p = 0,005$). Данная связь позволяет выявить некоторую схожесть изучаемых феноменов. Однако слабая связь скорее указывает на необходимость дополнительного изучения общих звеньев между самоповреждением и бодимодификациями (например, исследование мотивации или функции). Также было проведено сравнение групп участников с бодимодификациями и без них по значению коэффициента самоповреждения. Сравнение показателя самоповреждения было произведено только в отношении пирсинга и татуировок, поскольку группы респондентов с наличи-

ем/отсутствием шрамирования и хирургических вмешательств неэквивалентны. Результаты сравнения показателей коэффициента самоповреждающего поведения между подгруппами с разными бодимодификациями представлены в табл. 5. Как видно из полученных данных, не все типы бодимодификаций, которые были взяты нами, имеют статистически значимую корреляцию с самоповреждением (значимая связь только с пирсингом), что делает взаимосвязь бодимодификаций и самоповреждения не такой однозначной. Вероятно, существуют и другие модификации своего тела, которые также будут связаны с перенесенными в детстве психологическими травмами, которые не были представлены в данном исследовании, что, в свою очередь, оставляет простор для дальнейших исследований по этой теме.

Таблица 5. Сравнение средних показателей самоповреждения в группах с и без бодимодификаций (пирсинг, татуировки) (ANOVA)

Table 5. Comparison of mean self-harm scores in groups with and without body modification (piercings, tattoos) (ANOVA)

Пирсинг				Татуировки							
Есть (n = 68)		Нет (n = 108)		F	p	Есть (n = 69)		Нет (n = 107)		F	p
M	SD	M	SD			M	SD	M	SD		
2,41	1,45	1,62	1,3	14,12	0,001*	2,09	1,5	1,82	1,35	1,48	0,23

Примечание: * — статистически значимые связи.

Note: * — statistically significant relationships.

Как видно из табл. 5, в группе испытуемых с пирсингом наблюдаются статистически значимо более высокие показатели самоповреждающего поведения по сравнению с группой без пирсинга. При этом в подгруппах с татуировками и без них статистически значимых различий не выявлено.

Взаимосвязь бодимодификаций, самоповреждающего поведения и неблагоприятных жизненных событий

По результатам корреляционного анализа была обнаружена значимая связь между неблагоприятными жизненными событиями, бодимодификациями и самоповреждением (см. табл. 6). Статистически значимые коэффициенты корреляции указывают на наличие слабой связи между количеством бодимодификаций и общим показателем неблагоприятных жизненных событий ($r = 0,17$, $p = 0,02$), при этом количество бодимодификаций значимо связано с опытом семейных психотравмирующих событий ($r = 0,16$, $p = 0,03$) и насилия ($r = 0,18$, $p = 0,02$). Полученные данные согласуются с исследованием Е. Klonsky и J. Muehlenkamp, в котором показано, что самоповреждения чаще всего используются для того, чтобы «временно облег-

чить сильные негативные эмоции» [Klonsky E., Muehlenkamp J., 2007]. Эти данные подтверждаются клиническими исследованиями, в которых выявлено, что пережитый в детстве опыт сексуального насилия влияет на возникновение поведения с аутоагрессивным самоповреждением [Кузнецова С.О. и др., 2019]. Можно предположить, что насилие является значимой психотравмирующей ситуацией и фактором, который способствует формированию самоповреждающего поведения и стремления к бодимодификациям.

Аналогично коэффициент самоповреждения был значимо связан с общим показателем неблагоприятных жизненных событий ($r = 0,31$, $p = 0,00$), опытом семейных психотравмирующих ситуаций ($r = 0,32$, $p = 0,00$) и пережитым насилием ($r = 0,22$, $p = 0,01$). Значения коэффициентов корреляции между самоповреждением и неблагоприятными жизненными событиями оказались несколько выше по сравнению с корреляцией бодимодификаций и неблагоприятных жизненных событий (см. табл. 6). Полученные данные показали, что самоповреждение в большей степени, чем бодимодификации, связано с наличием психотравмирующего опыта.

Таблица 6. Взаимосвязь количества бодимодификаций, самоповреждений и неблагоприятных жизненных событий

Table 6. The relationship between the number of body modifications, self-harm and adverse life events

Сравниваемые показатели	Коэффициент корреляции	p
Число бодимодификаций и неблагоприятные жизненные события (общий показатель)	0,17	0,02*
Число бодимодификаций и неблагоприятные жизненные события (социальные и природные психотравмирующие события)	-0,01	0,85
Число бодимодификаций и неблагоприятные жизненные события (семейные психотравмирующие события)	0,16	0,03*
Число бодимодификаций и неблагоприятные жизненные события (психотравмирующие события, связанные с насилием)	0,18	0,02*
Коэффициент самоповреждений и неблагоприятные жизненные события (общий показатель)	0,31	0,00*
Коэффициент самоповреждений и неблагоприятные жизненные события (социальные и природные психотравмирующие события)	-0,02	0,76
Коэффициент самоповреждений и неблагоприятные жизненные события (семейные психотравмирующие события)	0,32	0,00*
Коэффициент самоповреждений и неблагоприятные жизненные события (психотравмирующие события, связанные с насилием)	0,22	0,01*

Примечание: * — статистически значимые связи.

Note: * — statistically significant relationships.

Для проверки связи между определенными типами самоповреждений и неблагоприятными жизненными событиями мы сравнили средние показатели неблагоприятных жизненных событий в группах с наличием/отсутствием модификаций (татуировки, пирсинг) (см. табл. 7 и 8). Обнаружены значимые различия показателя неблагоприятных жизненных событий между подгруппами респондентов с наличием/отсутствием пирсинга. В частности, у респондентов с наличием/отсутствием пирсинга отмечены значимые различия в общем показателе неблагоприятных жизненных событий ($F = 10,47$, $p = 0,01$), а также в показателях семейных психотравмирующих ситуаций ($F = 10,66$, $p = 0,00$) и психотравмирующих событий, связанных с насилием ($F = 7,62$,

$p = 0,00$). Полученные связи между бодимодификациями и самоповреждением и такими психотравмирующими событиями, как семейные травмы и опыт насилия, подтверждают значимость этих ситуаций, т.к. они имеют индивидуалистическую природу (в отличие от социальных и природных психотравмирующих событий, имеющих коллективистский опыт переживания), что способствует менее травматичному переживанию этих событий. Данные результаты согласуются с исследованиями В. Kolk [Kolk В., 2015].

Значимых различий между показателями неблагоприятных жизненных событий в группах испытуемых с татуировками и без них не было обнаружено (табл. 8).

Таблица 7. Средние значения неблагоприятных жизненных событий в группах с пирсингом и без

Table 7. Mean values of adverse life events in groups with and without piercing

Неблагоприятный жизненный опыт (коэффициент)	Среднее значение				F	p
	Группа с пирсингом		Группа без пирсинга			
	M	SD	M	SD		
Социальные и природные психотравмирующие события	0,18	0,21	0,19	0,20	0,06	0,82
Семейные психотравмирующие события	0,31	0,20	0,22	0,17	10,66	0,001*
Психотравмирующие события, связанные с насилием	0,09	0,16	0,04	0,09	7,62	0,006*
Психотравмирующие события (общий показатель)	0,23	0,14	0,17	0,10	10,47	0,01*

Примечание: * — статистически значимые связи.

Note: * — statistically significant relationships.

Таблица 8. Средние значения неблагоприятных жизненных событий в группах с татуировками и без

Table 8. Mean values of adverse life events in groups with and without tattoos

Неблагоприятный жизненный опыт (коэффициент)	Среднее значение				F	p
	Группа с татуировками		Группа без татуировок			
	M	SD	M	SD		
Социальные и природные психотравмирующие события	0,21	0,20	0,17	0,20	1,82	0,18
Семейные психотравмирующие события	0,27	0,21	0,24	0,16	1,02	0,32
Психотравмирующие события, связанные с насилием	0,08	0,14	0,05	0,12	2,94	0,09*
Психотравмирующие события (общий показатель)	0,21	0,14	0,18	0,11	2,84	0,09*

Примечание: * — статистически значимые связи.

Note: * — statistically significant relationships.

Для оценки влияния неблагоприятных жизненных событий на количество бодимодификаций и коэффициент самоповреждения была построена регрессионная модель. Количество бодимодификаций и коэффициент самоповреждения выступили в качестве зависимой переменной; разные типы неблагоприятных жизненных событий — в качестве предикторов. Регрессионная модель была построена с помощью шаговой регрессии (stepwise regression). Таким образом, не все предикторы были включены в финальную модель самоповреждений/бодимодификаций.

По результатам анализа коэффициент самоповреждений был значимо связан с факторами

пола, семейных психотравмирующих событий и психотравмирующих событий, связанных с насилием. Эта модель объяснила 16,2 % дисперсии коэффициента самоповреждений.

Количество бодимодификаций, в свою очередь, было значимо связано только с факторами пола и психотравмирующих событий, связанных с насилием. Модель, включающая в себя эти факторы объяснила всего 7,4 % дисперсии количества бодимодификаций (см. табл. 9). Психотравмирующие события, связанные с насилием, по всей видимости, оказывают влияние как на бодимодификации, так и на самоповреждающее поведение.

Таблица 9. Вклад фактора неблагоприятных жизненных событий в коэффициент самоповреждений и в количество бодимодификаций во взрослом возрасте

Table 9. The contribution of the factor of adverse life events to the rate of self-harm and the number of body modifications in adulthood

Предикторы	Число самоповреждений			Количество бодимодификаций		
	β коэф.	SE (стд. ошибка)	p	β коэф.	SE (стд. ошибка)	p
Пол	- 0,54	0,20	0,08*	- 0,42	0,16	0,01*
Социальные и природные психотравмирующие события	-	-	-	-	-	-
Семейные психотравмирующие события	2	0,57	0,08*	-	-	-
Психотравмирующие события, связанные с насилием	1,84	0,82	0,03*	1,69	0,65	0,01*
Психотравмирующие события (все)	-	-	-	-	-	-
R ²	0,162			0,074		

Полученные результаты наметили траекторию дальнейшего исследования: прежде всего, перспективу исследования половых различий в проявлении самоповреждений и бодимодификаций и их связи с психотравмирующим детским опытом. Было установлено, что пол связан и с самоповреждением, и с бодимодификациями. Эти данные согласуются с выводами E. Klonsky и J. Muehlenkamp [Klonsky E., Muehlenkamp J., 2007], согласно которым женщины, пережившие сексуальное насилие в детстве, были более уязвимы к самоповреждениям, чем мужчины.

Следует отметить, что требуется более детальное изучение данной проблемной области, так как наше исследование не отвечает на вопросы о влиянии и характере взаимосвязи исследуемых феноменов, а лишь намечает пути дальнейшей работы.

Выводы

Статистически значимые слабые положительные корреляции наблюдаются между количеством бодимодификаций и общим показателем неблагоприятных жизненных событий. Количество бодимодификаций значимо положительно связано с опытом семейных психотравмирующих событий и пережитого насилия. Аналогично коэффициент самоповреждений был значимо положительно связан с общим показателем неблагополучных жизненных ситуаций, опытом семейных психотравмирующих ситуаций и пережитого насилия.

Значения коэффициентов корреляции между самоповреждением и неблагоприятными жизненными ситуациями оказались несколько выше по сравнению с корреляцией бодимодификаций и неблагоприятного детского опыта.

Корреляционный анализ показал слабую, но значимую положительную связь между показателем самоповреждений и количеством бодимодификаций.

Обнаружены значимые различия показателя психотравмирующих событий между подгруппами респондентов с пирсингом и без. У респондентов с пирсингом отмечаются значимо более высокие показатели по общей шкале неблагоприятных жизненных событий, а также по шкале семейных психотравмирующих ситуаций и шкале психотравмирующих событий, связанных с насилием, по сравнению с респондентами без пирсинга.

По результатам регрессионного анализа коэффициент самоповреждений был значимо связан с факторами пола, семейных психотравмирующих событий и психотравмирующих событий, связанных с насилием. Эта модель объяснила 16,2 % дисперсии коэффициента самоповреждений. Количество бодимодификаций, в свою очередь, было значимо связано только с факторами пола и психотравмирующих событий, связанных с насилием. Данная модель объяснила всего 7,4 % дисперсии количества бодимодификаций.

Таким образом, полученные данные подтверждают выдвинутые нами гипотезы, а сделанные выводы намечают перспективы дальнейшей исследовательской работы в рамках данной проблематики.

Авторы полагают, что требуются дальнейшие исследования по данной проблематике, поскольку представленные результаты не позволяют ответить на вопрос о влиянии, характере взаимосвязи исследуемых феноменов, а лишь намечают пути дальнейшего их изучения.

Список литературы

Бойко О.М., Медведева Т.И., Ениколопов С.Н., Воронцова О.Ю. и др. Использование интернет-исследования (google-опроса) в изучении самоповреждающего поведения // Медицинская психология в России. 2019. Т. 11, № 6(59). URL: http://mprj.ru/archiv_global/2019_6_59/nomer05.php (дата обращения: 25.06.2022).

Бойко О.М., Медведева Т.И., Ениколопов С.Н., Воронцова О.Ю., Казьмина О.Ю. Психологическое состояние в период пандемии COVID-19 и мишени психологической работы // Психологические исследования. 2020. Т. 13, № 70. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/196>

(дата обращения: 25.06.2022). DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v13i70.196>

Вайт Т. Работа с суицидальными личностями. Руководство к пониманию, оценке и поддержке. Киев: НВП «Интерсервис», 2017. 366 с.

Кузнецова С.О., Абрамова А.А., Ефремов А.Г., Ениколопов С.Н. Исследование особенностей аутоагрессивного поведения у лиц, переживших сексуальное злоупотребление в детском возрасте // Национальный психологический журнал. 2019. № 3(35). С. 88–100. DOI: <https://doi.org/10.11621/prj.2019.0310>

Польская Н.А. Феноменология и функции самоповреждающего поведения при нормативном и нарушенном психическом развитии: дис. ... д-ра психол. наук. М., 2017. 423 с.

Холмогорова А.Б. Суицидальное поведение: теоретическая модель и практика помощи в когнитивно-бихевиоральной терапии // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24, № 3. С. 144–163. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2016240309>

De Mello M. Bodies of inscription. A cultural history of the modern tattoo community. Durham, NC: Duke University Press, 2000. 256 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctv1168d0t>

Eric A.P., Eric I., Curkovic M., Dodig-Curkovic K. et al. The temperament and character traits in patients with major depressive disorder and bipolar affective disorder with and without suicide attempt // Psychiatria Danubina. 2017. Vol. 29, iss. 2. P. 171–178. DOI: <https://doi.org/10.24869/psyd.2017.171>

Erozkan A. The Link between Types of Attachment and Childhood Trauma // Universal Journal of Educational Research. 2016. Vol. 4, iss. 5. P. 1071–1079. DOI: <https://doi.org/10.13189/ujer.2016.040517>

Finzi R., Cohen O., Sapir Y., Weizman A. Attachment Styles in Maltreated Children: A Comparative Study // Child Psychiatry & Human Development. 2000. Vol. 31, iss. 2. P. 113–128. DOI: <https://doi.org/10.1023/a:1001944509409>

Hawton K., Rodham K., Evans E., Weatherall R. Deliberate self harm in adolescents: self report survey in schools in England // British Medical Journal. 2002. Vol. 325, iss. 7374. P. 1207–1211. DOI: <https://doi.org/10.1136/bmj.325.7374.1207>

Klonsky E., Muehlenkamp J. Self-Injury: a research review for the practitioner // Journal of Clinical Psychology. 2007. Vol. 63, iss. 11. P. 1045–1056. DOI: <https://doi.org/10.1002/jclp.20412>

Kolk B. The Body Keeps the Score: Brain, Mind, and Body in the Healing of Trauma. N.Y.: Penguin Books, 2015. 464 p.

Pearlman L.A., Saakvitne K. Trauma and the Therapist. N.Y.: W.W. Norton, 1995. 474 p.

Posttraumatic stress disorder // Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders. 5th ed. (DSM-5). Arlington, VA: American Psychiatric Association. 2013. P. 271–280.

Qiu J., Shen B., Zhao M., Wang Zh., Xie B., Xu Y. A nationwide survey of psychological distress among Chinese people in the COVID-19 epidemic: implications and policy recommendations // General Psychiatry. 2020. Vol. 33, iss. 2. URL: <https://gpsych.bmj.com/content/33/2/e100213> (accessed: 25.06.2022). DOI: <https://doi.org/10.1136/gpsych-2020-100213>

Stirn A., Hinz A. Tattoos, body piercings, and self-injury: Is there a connection? Investigations on a core group of participants practicing body modification // Psychotherapy Research. 2008. Vol. 18, iss. 3. P. 326–333. DOI: <https://doi.org/10.1080/10503300701506938>

Swannell S., Martin G., Page A., Hasking P. et al. Child maltreatment, subsequent non-suicidal self-injury and the mediating roles of dissociation, alexithymia and self-blame // Child Abuse & Neglect. 2012. Vol. 36, iss. 7–8. P. 572–584. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chiabu.2012.05.005>

Wohlrab S., Stahl J., Rammsayer T.H., Kappeler P.M. Differences in personality characteristics between body- modified and non- modified individuals: associations with individual personality traits and their possible evolutionary implications // European Journal of Personality. 2007. Vol. 21, iss. 7. P. 931–951. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.642>

Yao H., Chen J.-H., Xu Y.-F. Patients with mental health disorders in the COVID-19 epidemic // The Lancet Psychiatry. 2020. Vol. 7, iss. 4. URL: [https://www.thelancet.com/journals/lanpsy/article/PIIS2215-0366\(20\)30090-0/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lanpsy/article/PIIS2215-0366(20)30090-0/fulltext) (accessed: 25.06.2022). DOI: [https://doi.org/10.1016/s2215-0366\(20\)30090-0](https://doi.org/10.1016/s2215-0366(20)30090-0)

Получена: 18.07.2022. Принята к публикации: 29.08.2022

References

Boyko, O.M., Medvedeva, T.E., Enikolopov, S.N., Vorontsova, O.Yu. et al. (2019). [Using web-based data collection (Google-forms) for the exploration of the self-harm]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii* [Medical Psychology in Russia] Vol. 11, no. 6(59). Available at: http://mprj.ru/archiv_global/2019_6_59/nomer05.php (accessed 25.06.2022).

Boyko, O.M., Medvedeva, T.I., Enikolopov, S.N., Vorontsova, O.Yu. and Kazmina, O.Yu. (2020). [The psychological state of people during the COVID-19 pandemic and the target of psychological work]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Studies]. Vol. 13, no. 70. Available at: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/196> (accessed 25.06.2022). DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v13i70.196>

De Mello, M. (2000). *Bodies of inscription. A cultural history of the modern tattoo community*. Durham, NC: Duke University Press, 256 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctv1168d0t>

Eric, A.P., Eric, I., Curkovic, M., Dodig-Curkovic, K. et al. (2017). The temperament and character traits in patients with major depressive disorder and bipolar affective disorder with and without suicide attempt. *Psychiatria Danubina*. Vol. 29, iss. 2, pp. 171–178. DOI: <https://doi.org/10.24869/psyd.2017.171>

Erozkan, A. (2016). The link between types of attachment and childhood trauma. *Universal Journal of Educational Research*. Vol. 4, iss. 5, pp. 1071–1079. DOI: <https://doi.org/10.13189/ujer.2016.040517>

Finzi, R., Cohen, O., Sapir, Y. and Weizman, A. (2000). Attachment styles in maltreated children: a comparative study. *Child Psychiatry and Human Development*. Vol. 31, iss. 2, pp. 113–128. DOI: <https://doi.org/10.1023/a:1001944509409>

Hawton, K., Rodham, K., Evans, E. and Weatherall, R. (2002). Deliberate self harm in adolescents: self report survey in schools in England. *British Medical Journal*. Vol. 325, iss. 7374, pp. 1207–1211. DOI: <https://doi.org/10.1136/bmj.325.7374.1207>

Kholmogorova, A.B. (2016). [Suicidal behavior: theoretic model and practical implications in cognitive-behavioral therapy]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy]. Vol. 24, no. 3, pp. 144–163. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2016240309>

Klonsky, E. and Muehlenkamp, J. (2007). Self-Injury: a research review for the practitioner. *Journal of Clinical Psychology*. Vol. 63, iss. 11, pp. 1045–1056. DOI: <https://doi.org/10.1002/jclp.20412>

Kolk, B. (2015). *The body keeps the score: Brain, mind, and body in the healing of trauma*. New York: Penguin Books Publ., 464 p.

Kuznetsova, S.O., Abramova, A.A., Efremov, A.G. and Enikolopov, S.N. (2019). [The study of the auto-aggressive behaviour in individuals who survived sexual abuse in childhood]. *Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal* [National Psychological Journal].

No. 3(35), pp. 88–100. DOI: <https://doi.org/10.11621/npj.2019.0310>

Pearlman, L.A. and Saakvitne, K. (1995). *Trauma and the therapist*. New York: W.W. Norton Publ., 474 p.

Pol'skaya, N.A. (2017). *Fenomenologiya i funktsii samopovrezhdayushchego povedeniya pri normativnom i narushennom psikhicheskom razvitii: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Phenomenology and functions of self-injurious behavior in normative and impaired mental development: dissertation]. Moscow, 423 p.

Posttraumatic stress disorder (2013). *Diagnostic and statistical manual of mental disorders*. 5th ed. (DSM-5). Arlington, VA: American Psychiatric Association Publ., pp. 271–280.

Qiu, J., Shen, B., Zhao, M., Wang, Z., Xie, B. and Xu, Y. (2020). A nationwide survey of psychological distress among Chinese people in the COVID-19 epidemic: implications and policy recommendations. *General Psychiatry*. Vol. 33, iss. 2. Available at: <https://gpsych.bmj.com/content/33/2/e100213> (accessed 25.06.2022). DOI: <https://doi.org/10.1136/gpsych-2020-100213>

Stirn, A. and Hinz, A. (2008). Tattoos, body piercings, and self-injury: Is there a connection? Investigations on a core group of participants practicing body modification. *Psychotherapy Research*. Vol. 18, iss. 3, pp. 326–333. DOI: <https://doi.org/10.1080/10503300701506938>

Swannell, S., Martin, G., Page, A., Hasking, P. et al. (2012). Child maltreatment, subsequent non-suicidal self-injury and the mediating roles of dissociation, alexithymia and self-blame. *Child Abuse and Neglect*. Vol. 36, iss. 7–8, pp. 572–584. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chiabu.2012.05.005>

White, T. (2017). *Rabota s suitsidal'nymi lichnostyami. Rukovodstvo k ponimaniyu, otsenke i podderzhke* [Working with suicidal individuals. A guide to understanding, appreciation and support]. Kiev: NVP «Interservis» Publ., 366 p.

Wohlrab, S., Stahl, J., Rammsayer, T.H. and Kappler, P.M. (2007). Differences in personality characteristics between body- modified and non- modified individuals: associations with individual personality traits and their possible evolutionary implications. *European Journal of Personality*. Vol. 21, iss. 7, pp. 931–951. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.642>

Yao, H., Chen, J.-H. and Xu, Y.-F. (2020). Patients with mental health disorders in the COVID-19 epidemic. *The Lancet Psychiatry*. Vol. 7, iss. 4. Available at: [https://www.thelancet.com/journals/lanpsy/article/PIIS2215-0366\(20\)30090-0/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lanpsy/article/PIIS2215-0366(20)30090-0/fulltext) (accessed 25.06.2022). DOI: [https://doi.org/10.1016/s2215-0366\(20\)30090-0](https://doi.org/10.1016/s2215-0366(20)30090-0)

Received: 18.07.2022. Accepted: 29.08.2022

Об авторах

Кузнецова Светлана Олеговна
кандидат психологических наук,
доцент факультета психологии
Института общественных наук

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
119571, Москва, пр. Вернадского, 82;
e-mail: kash-kuznezova@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3737-7595>
ResearcherID: AAY-9689-2021

Мустафина Кристина Альбертовна
преподаватель факультета психологии
Института общественных наук

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
119571, Москва, пр. Вернадского, 82;
e-mail: kristina.a.mustafina@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5165-0367>
ResearcherID: GQZ-0680-2022

About the authors

Svetlana O. Kuznetsova
Candidate of Psychology,
Associate Professor of the Faculty of Psychology,
Institute for Social Sciences

Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
82, Vernadskiy av., Moscow, 119571, Russia;
e-mail: kash-kuznezova@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3737-7595>
ResearcherID: AAY-9689-2021

Kristina A. Mustafina
Lecturer of the Faculty of Psychology,
Institute for Social Sciences

Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
82, Vernadskiy av., Moscow, 119571, Russia;
e-mail: kristina.a.mustafina@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5165-0367>
ResearcherID: GQZ-0680-2022

Такмакова Марина Валерьевна

кандидат психологических наук,
старший научный сотрудник
Центра экономического правосудия
Высшей школы правоведения Института государственной службы и управления

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
119571, Москва, пр. Вернадского, 82;
e-mail: 60605060@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7471-0596>
ResearcherID: AAZ-2265-2021

Marina V. Takmakova

Candidate of Psychology, Senior Researcher
of the High School of Law, IPACS

Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
82, Vernadskiy av., Moscow, 119571, Russia;
e-mail: 60605060@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7471-0596>
ResearcherID: AAZ-2265-2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Кузнецова С.О., Мустафина К.А., Такмакова М.В. Взаимосвязь бодимодификаций и самоповреждающего поведения с психологическими травмами, пережитыми в детском возрасте // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 3. С. 479–493. DOI: 10.17072/2078-7898/2022-3-479-493

For citation:

Kuznetsova S.O., Mustafina K.A., Takmakova M.V. [The relationship of body modification and self-harming behavior with psychological traumas experienced in childhood]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 3, pp. 479–493 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-3-479-493

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.3

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-3-494-503

**КУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ДОВЕРИЯ В ОРГАНИЗАЦИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ***Гордеева Светлана Сергеевна, Шарыпова Софья Юрьевна**Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)*

Актуальность исследования обусловлена высокой конкуренцией среди организаций, которая заставляет руководителей искать новые методы для повышения эффективности деятельности. Одним из наиболее значимых факторов успешной деятельности является высокий уровень организационного доверия, в связи с чем активно исследуются различные факторы формирования доверия в организации. На сегодняшний день достаточное количество работ посвящено организационным и индивидуальным условиям формирования организационного доверия. Меньше внимания уделяется культурным предпосылкам, таким как обобщенное доверие, социальный контроль и ценности коллективизма и индивидуализма в обществе. На основе теоретического обзора были описаны механизмы формирования доверия посредством указанных культурных предпосылок. Выявлено, что организационное доверие связано с восприятием поведения со стороны других сотрудников (обобщенное доверие), но не идентично доверию на поведенческом уровне. Сотрудники могут демонстрировать высокий уровень обобщенного доверия, но при этом — готовность быть уязвимыми перед другими в совместной деятельности. Установлено, что социальный контроль в обществе отрицательно влияет на организационное доверие, поскольку нарушает неформальные связи и не позволяет формироваться неформальным нормам и правилам, которые являются важными условиями для создания доверия. И наконец, обнаружено, что организационное доверие положительно связано с индивидуализмом и с ориентацией на коллективную деятельность. При этом доверие коллективистов ограничено людьми с тесными социальными связями, доверие индивидуалистов выходит за рамки этих отношений. Исходя из этого, особую роль приобретает поведенческая стратегия формирования положительной репутации «хорошего» человека, которая способствует благополучию индивида, обеспечивая ему помощь и поддержку со стороны других. Сформулированные выводы позволяют говорить о значимости культурных предпосылок при формировании доверия в организации, что в последующем должно учитываться в эмпирических исследованиях.

Ключевые слова: организационное доверие, факторы доверия, обобщенное доверие, социальный контроль, коллективизм, индивидуализм.

**CULTURAL FACTORS IN TRUST FORMATION IN ORGANIZATIONS:
A SOCIOLOGICAL ANALYSIS***Svetlana S. Gordeyeva, Sofya Yu. Sharypova**Perm State University (Perm)*

The relevance of the study is due to the high competition among organizations, which forces managers to look for new methods of improving the performance. A high level of organizational trust is one of the most significant factors in efficient operation of companies. This explains interest in research on various

factors in the formation of trust in organizations. To date, there have been published quite many works devoted to organizational and individual conditions ensuring the formation of organizational trust. Less attention is paid by researchers to cultural prerequisites such as generalized trust, social control, and the values of collectivism and individualism in society. On the basis of a theoretical review, we describe the mechanisms of trust formation through these cultural prerequisites. It was revealed that organizational trust is related to the perception of behavior by others (generalized trust), but is not identical to trust at the behavioral level. Employees can demonstrate a high level of generalized trust, but at the same time show a willingness to be vulnerable to others in joint activities. It was also found that social control in society negatively affects organizational trust as it violates informal ties and does not allow the formation of informal norms and rules that are important for trust. Finally, it was found that organizational trust is positively associated with individualism and with a focus on collective activity (team work). The trust of collectivists is limited to people with close social ties, while the trust of individualists goes beyond these relationships. Thus, the behavioral strategy that acquires a special role is building up a positive reputation of a «good» person, which contributes to the well-being of an individual since it provides him/her with help and support from others. The formulated conclusions indicate the importance of cultural prerequisites in the formation of trust in an organization, which should be taken into account in empirical studies.

Keywords: organizational trust, trust factors, generalized trust, social control, collectivism, individualism.

Введение

Тематика доверия обсуждается в социологической науке достаточно давно, накоплен большой положительный опыт по исследованию данного вопроса. Один из классиков социологии и авторов теории доверия Ф. Фукуяма рассматривал доверие как ожидание членами группы честного поведения с соблюдением неформальных общих правил от других участников [Фукуяма Ф., 2004]. Он выделял институциональное и межличностное доверие. Межличностное доверие, в свою очередь, подразделяется на личное — доверие к друзьям, близким, родственникам и обобщенное (генерализированное) — доверие к незнакомым людям, о которых нет никакой априорной информации [Рукавишников В.О., 2008]. Личное доверие — это моральная ценность человека, которая вырабатывается в ходе социализации индивида и представляет собой ожидание искренности, честности и надежности другого человека. Если ожидания не оправдываются, то уровень личного доверия может уменьшаться. Обобщенное доверие, как правило, не зависит напрямую от личного жизненного опыта человека: это восприятие других людей, основанное на установке «другие люди такие же, как и я». Кроме этого, уровень межличностного доверия можно рассматривать с позиции субъекта и объекта доверия: оценка собственного поведения (trustworthiness) и ожидание определенного поведения от окружающих (trust).

Сегодня в социологии доверие подразделяется на реальное и потенциальное [Сасаки М. и др., 2010]. Потенциальное (декларируемое) доверие основано на принципе «все мои усилия должны быть отплачены тем же». Индивид способен оценить свой уровень доверия исходя из количества невыполненных обязательств других перед ним. Фактическое доверие (реципрокное) — это доверие, основанное на норме взаимности, уровень которой различен при взаимодействии с разными социальными группами. Например, чаще всего родственникам мы доверяем больше, чем коллегам по работе.

В эмпирической социологии доверие также активно исследуется. Существует две группы методов измерения доверия (см., напр., [Шейна М.В., Паклина С.Н., 2015]). Первая группа методов — опросные, в рамках которых применяются формализованные и неформализованные инструменты. Особое распространение получили прямые вопросы об оценке уровня доверия. Однако Е. Glaeser утверждает, что прямые вопросы о доверии и недоверии не могут расцениваться индивидом адекватно, так как они абстрактны и предсказывают лишь способность вызывать доверие (trustworthiness) [Glaeser E., 1999]. Автор предлагает использовать косвенные вопросы — вопросы о прошлом поведении, которые помогают определить уровень доверия через опосредованные действия. М. Paldam отмечает, что при измерении уровня доверия нужно учитывать, выигрыш от доверия (trust payoff), который индивид может получить, в частности, человек может вести себя по-

другому, если в ситуации присутствует денежный стимул [Paldam M., 2000].

Кроме использования опросов, которые выявляют умозрительное представление индивида о доверии, необходимо анализировать конкретные действия и поведение, характеризующие уровень доверия, что возможно с помощью экспериментальных методов. Одним из показательных экспериментальных методов можно считать игровой. Так, «Trust game» — игра для оценивания уровня личного доверия, суть ее заключается в оценке выигрыша инвестора и заемщика от изначально переданных им денег [Lazzarini S. et al., 2004]. Другая игра — «Envelope drop» — оценивает уровень обобщенного доверия [Paldam M., 2000]. Суть ее в том, что человеку представляется ситуация о забытой ценной вещи в общественном месте, ему необходимо оценить, будет ли доставлена эта вещь адресату.

В центре социологического дискурса находится проблема формирования и поддержания доверия в организации. Организационное доверие выступает значимой детерминантой высокой производительности труда, внедрения инновационных процессов, приверженности сотрудников организации, позитивного отношения к работе и др. К подобным выводам приходят зарубежные исследователи, ссылаясь на обширную доказательную базу, полученную в ходе эмпирических исследований [Malinen S. et al., 2013; Judeh M., 2016]. В то же время, результаты отечественных социологов указывают на высокий уровень организационного доверия, с одной стороны, и отсутствие желаемых положительных эффектов, связанных с высокими показателями результативности организации, с другой. В связи с этим возникает вопрос: что обуславливает различное влияние организационного доверия на эффективность деятельности организаций в различных социокультурных контекстах?

Организационное доверие рассматривается как сложное обобщенное суждение доверителя в отношении доверенного лица с учетом его доброжелательности и компетентности [Cook J., Wall T., 1980], где доброжелательность — это позитивные намерения по отношению к доверителю и искренняя забота о его благополучии, а компетентность — способность (с точки зрения наличия необходимых навыков и знаний) выполнять свои обязанно-

сти. Доброжелательность характеризуется намерением делать добро для доверителя и сопряжена с такими категориями, как лояльность, открытость, забота и поддержка. Компетентность имеет более рациональную природу, тесно связана с чувством справедливости и обеспечивает предсказуемость действий доверителя в условиях неопределенности. Доброжелательность, в свою очередь, создает эмоциональную привязанность к доверенному лицу, а сопутствующие доброжелательности забота и поддержка способствуют формированию ощущения позитивного эффекта. Исследователи указывают, что организационное доверие формируется за счет организационных, индивидуальных и культурных предпосылок [Khouya M., Benabdelhadi A., 2021]. Организационные и индивидуальные детерминанты часто рассматриваются при изучении доверия в организациях. Однако фактически вне зоны внимания остаются культурные детерминанты. На наш взгляд, социокультурный контекст, культурные ценности и стандарты общества являются важными составляющими деятельности организации и, соответственно, оказывают весомое влияние на такие значимые организационные характеристики, как доверие.

Цель настоящей статьи — обзор исследований о влиянии культурных условий (обобщенное доверие, социальный контроль, ценности коллективизма или индивидуализма) на организационное доверие. В перспективе данный обзор даст возможность сформулировать гипотезы для их проверки на выборке российских организаций.

Обобщенное и организационное доверие

Одним из факторов, обуславливающих формирование организационного доверия, выступает *предрасположенность к доверию* в обществе (обобщенное доверие). Исследователями термин «предрасположенность к доверию» определяется как обобщенное ожидание в отношении того, что слова и обещания других являются надежными [Rotter J.B., 1967]. Выступая важным фактором формирования доверия, предрасположенность к доверию устанавливает начальный уровень доверия индивида к незнакомым ему людям. В понимании сущности обобщенного доверия внес свой вклад представитель теории социального обмена Н.А. Simon, который считал, что в основе повторного обме-

на лежит опыт. В случае повторения ситуации, которая случилась ранее и имела благополучный исход, повышается вероятность того, что человек будет действовать аналогичным образом [Simon H.A., 1957]. Другими словами, человек руководствуется прошлым опытом своего индивидуального доверия, опираясь на знания, накопленные в ходе длительной практики взаимодействия с другими людьми. Поскольку доверие формируется с течением времени и основывается на прошлом опыте взаимодействий, временной фактор, выраженный в возрасте доверителя и его опыте, может определять склонность, предрасположенность к доверию [Colquitt J.A. et al., 2007]. В ситуации, связанной с доверием, всегда существует фактор уязвимости, неопределенности и риска, поскольку доверие предполагает передачу ресурсов в руки человека, который будет действовать в своих интересах или интересах доверителя [Coleman J.S., 1990]. Следовательно, доверие определяется как готовность человека ожидать, что другой будет действовать в твоих интересах и не воспользуется сложившейся ситуацией не в твою пользу. Кроме того, когда речь идет об обобщенном доверии, доверитель не имеет предварительной информации о другой стороне и не имеет возможности ее контролировать. А значит, доверие — это расчет на выигрыш в будущем, ожидание успеха. Как отмечает T.R. Tyler, доверие есть субъективный вероятностный расчет потенциальных затрат и выгоды от будущих взаимодействий [Kramer R.M., Tyler T.R., 1996].

Работники со склонностью доверять другим и приписывать им доброжелательные намерения с большей вероятностью будут вовлечены в коллективную работу и будут отмечать положительный эффект от коллективных действий членов группы. Существуют исследования, которые доказывают, что люди с более высоким уровнем обобщенного доверия не являются наивными и бесхитростными, а наоборот, действуют осмотрительно, опираясь на доступную информацию о доверенном лице, в случае же отсутствия информации — на прошлый опыт [Yamagishi T. et al., 1990]. Таким образом, обобщенное доверие является следствием, «побочным продуктом» развития у индивида социального интеллекта («social intelligence»), который способен считывать сигналы неблагона-

дежности у других. Формирование социального интеллекта предполагает развитие у индивида способности оценивать такие качества потенциальных партнеров, как честность и надежность, что позволяет преодолевать риски в процессе взаимодействия. Кроме того, индивид должен придерживаться этих качеств в собственном поведении, что повышает эффективность коммуникации и увеличивает его потребность во взаимодействии. Полученный социальный интеллект позволяет индивиду осознать, что доверие — это правильная (разумная, логичная) практика, которую стоит выбрать [Cain D.M. et al., 2014]. Проявление доверия при сотрудничестве во многом зависит от культурного контекста интерпретации различных составляющих доверия в организации [Organizational trust..., 2010]. Сотрудники могут демонстрировать доверительные отношения из чувства долга, так как практика выражения недоверия в коллективе считается проявлением невежливости, подрывает репутацию «положительного сотрудника» [Goffman E., 1959]. Намерение не следовать принятой норме доверять может вызвать у индивида напряженность, тревожность, чувство вины [Higgin E.T., 1989].

Ценности коллективизма/индивидуализма и организационное доверие

Ценности коллективизма и индивидуализма как наиболее существенные отличительные признаки культур впервые выделил G.H. Hofstede [Hofstede G.H., 1980]. Исследователь определил общности с развитым индивидуализмом как те, в которых связи между индивидами свободны и каждый из них проявляет заботу о себе и о своем ближайшем окружении. В обществах с индивидуалистическими ценностями доминируют отношения «на расстоянии вытянутой руки» [Samaha S.A. et al., 2014]. При индивидуализме члены общностей становятся независимыми друг от друга и от действий других. Важно различать эгоистический индивидуализм и индивидуализм солидарный, поскольку последний может быть основанием для признания, уважения, принятия людей с другими ценностями [Rothstein B., 2002]. Рост индивидуализма, автономии, самодостаточности является важным условием развития межличностного сотрудничества, взаимной зависимости и солидарности [Realo A. et al., 2002].

Коллективизм выступает противоположностью индивидуализма и проявляется в обществах, где люди с рождения интегрированы в сплоченные группы, в которых индивид чувствует защищенность в обмен на абсолютную лояльность, приверженность коллективу, а отношения между сотрудниками и руководством подобны отношениям между детьми и родителями. Лояльность по отношению к группе в обмен на защиту — важная характеристика общностей с ориентацией на коллективные действия. Коллективная работа часто связана с зависимыми отношениями включенных в нее сотрудников, а значит, зависимость и коллективизм людей являются благоприятной предпосылкой для совместной деятельности, ориентированной на достижение личных и организационных целей [Hardin R., 2006].

Коллективизм и индивидуализм в большей степени определяют предрасположенность к доверию. Установлено, что представители одних культур склонны больше доверять людям, чем представители других [Kramer R.M., Tyler T.R., 1996]. Существуют исследования, доказывающие взаимосвязь индивидуализма/коллективизма не только на уровне культуры, но и на уровне межличностного взаимодействия [Triandis H.C., 2001]. Например, коллективные установки в обществе позволяют терпимее относиться к обвинениям и критике, что минимизирует их негативное влияние и не нарушает доверие между индивидами [Leung K. et al., 2001]. Исходя из этого, было выдвинуто предположение, что в обществах с ориентацией на коллективные ценности люди будут демонстрировать больший уровень доверия, чем в тех, где развита культура индивидуализма, — в том числе и на организационном уровне. Однако подобное утверждение ставится под сомнение. Интересный пример приводит Ф. Фукуяма. Он пишет, что высокий уровень доверия характерен для США с индивидуалистскими ценностями и Японии с развитой культурой коллективизма; в то же время к обществам с низким уровнем доверия относят «индивидуалистическую» Италию и Китай с ярко выраженным коллективизмом [Фукуяма Ф., 2004]. Кроме того, L. Huff, L. Kelley приходят к выводу, что американские менеджеры демонстрируют более высокий уровень доверия и клиентоориентированности, чем азиатские [Huff L., Kelley L.,

2005]. Авторы, изучая доверие в организациях в условиях коллективизма/индивидуализма, убедительно доказывают, что организации с культурой индивидуализма скорее положительно, чем отрицательно связаны с высоким уровнем доверия [Huff L., Kelley L., 2003]. Однако в случае высокого уровня доверия в организациях с установкой на индивидуализм рассматриваются горизонтальные отношения (между сотрудниками), а не вертикальные (между сотрудниками и руководством). В то же время в других исследованиях показано, что сотрудники организаций, ориентированных на индивидуальные ценности, демонстрируют меньшую удовлетворенность работой и приверженность организации [Kirkman B.L., Shapiro D.L., 2001].

Социальный контроль и организационное доверие

Значимым культурным фактором формирования склонности к доверию в организации выступает культурная плотность, то есть степень социального контроля и действующие в обществе социальные нормы и санкции. Отсутствие социального контроля приводит к социальной фрагментации и уменьшает социальную сплоченность. Такие показатели, в свою очередь, приводят к отказу в разделении общих ценностей и норм, а также к разрушению социальных связей между людьми и внутри отдельных сообществ, организаций. Эти процессы не позволяют развиваться коллективной эффективности и отрицательно сказываются на отношениях внутри организации, особенно на доверии между сотрудниками.

Любые сообщества зависят от системы взаимного контроля и социальных санкций, которые обязывают следовать социальным нормам [Gelfand M.J. et al., 2006]. Для формирования социального порядка в организации необходимы такие ценностные ориентации, как исполнительность, чувство ответственности за организацию в целом, зависимость от общественного мнения, чувство долга и лояльность к групповым лидерам. При этом важно понимать, что коллективная система взаимного контроля хоть и способствует тесному сотрудничеству членов в сплоченных коллективах, однако не обеспечивает защищенность в более широкой социальной среде [Yamagishi T. et al., 1999]. Например, было доказано, что «сильный» обществен-

ный контроль повышает циничность индивидов, в последующем это сказывается на их доверии внутри организации [Bahadır M., Levent A.F., 2022]. Кроме этого, установлено, что социальный контроль отрицательно влияет на отношения внутри организации, т.е. уменьшает вовлеченность будущих сотрудников в ее деятельность [Julian J., 1968].

Выводы

Исходя из обзора зарубежных исследований, можно сделать следующие выводы о влиянии культурных предпосылок на организационное доверие. Во-первых, высокое организационное доверие проявляется не в силу того, что сотрудники ориентированы на конечный результат или положительные эффекты от взаимодействий, основанных на доверии, а потому, что они обеспокоены, как будет воспринято их поведение другими. Именно восприятие, оценка поведения со стороны, а не конечный результат взаимодействия являются более значимыми для индивида в реализации трудового поведения. Важно уточнить, что когнитивный уровень доверия, связанный с восприятием доверителем объекта доверия, убеждениями, мнением о доверенном лице не идентичен доверию на поведенческом уровне. Следовательно, люди могут придерживаться мнения о других как о неблагонадежных, но при этом демонстрировать готовность быть уязвимыми перед другими в совместной деятельности. Во-вторых, высокий уровень формального социального регулирования выступает индикатором низкого организационного доверия, при котором члены организации не полагаются на систему неформальных социальных норм. Таким образом, соблюдение правил членами коллектива обуславливает предсказуемость их поведения, но не характеризует уровень организационного доверия. В-третьих, корреляция между коллективистскими ценностями и предрасположенностью к организационному доверию имеет ограниченный характер, поскольку коллективизм ориентирован на формирование устойчивых групповых связей, которые обеспечивают безопасность индивидов в группе, но не формируют доверие. «Коллективизм обеспечивает безопасность и разрушает доверие» — пишет Т. Yamagishi. Для групп с коллективистскими ценностями характерна предрасположенность к доверию по отношению к тем, с кем они знакомы лично, с

кем их связывают непосредственные контакты. Обобщенное доверие среди тех, кто разделяет ценности индивидуализма, связано с не групповым доверием, с теми, с кем нет личных отношений. Другими словами, доверие коллективистов ограничено людьми с тесными социальными связями, доверие индивидуалистов выходит за рамки этих отношений. Люди, не имеющие достаточных собственных ресурсов для преодоления трудностей, в том числе профессиональных, присоединяются к группам с сильными социальными связями. Социальный капитал обеспечивает безопасность людей благодаря прочным, плотным социальным связям. Социальный капитал, основанный на сети устойчивых связей узкого круга лиц, преобладает в сообществах с ценностями коллективизма, где люди зависят друг от друга, поскольку не имеют возможности самостоятельно решать задачи и справляться с рисками. Члены коллективистских общностей помогают и защищают друг друга, обмениваются ресурсами с теми, кто входит в их сеть тесных контактов. Члены таких коллективов разделяют убеждение о целесообразности зависимости от других и необходимости ценить крепкие связи внутри коллектива. Особую роль приобретает поведенческая стратегия формирования положительной репутации «хорошего» человека, которая способствует благополучию индивида, поскольку обеспечивает ему помощь и поддержку со стороны других.

Таким образом, значимым фактором формирования организационного доверия является потребность в безопасности и намерение/возможности использовать социальные связи узкого круга лиц, обеспечивающие доступ к ресурсам, поддержке, взаимопомощь.

Выражение признательности

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Социокультурные условия модернизации российских промышленных предприятий: роль организационного доверия», № 20-011-00488.

Acknowledgements

The publication was supported by RFBR, project No 20-011-00488 “Socio-cultural Conditions of Modernisation of Russian Industrial Enterprises: Role of Organisational Trust”.

Список литературы

Рукавишников В.О. Межличностное доверие: измерение и межстрановые сравнения // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 17–25.

Сасаки М., Давыденко В.А., Латов Ю.В., Ромашкин Г.С. Доверие как элемент социального капитала современной России (компаративистский анализ) // Мир России. Социология. Этнология. 2010. Т. 19, № 2. С. 78–97.

Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: пер. с англ. М.: АСТ, 2004. 736 с.

Шешна М.В., Паклина С.Н. Социальный капитал: подходы к определению и измерению // Российский экономический интернет-журнал. 2015. № 3. URL: <https://www.e-rej.ru/upload/iblock/b49/b49e35b554d6024de9c39b18c0709c2b.pdf> (дата обращения: 02.06.2022).

Bahadir M., Levent A.F. The mediating role of the locus of control in the impact of organizational trust on organizational cynicism // International Journal of Modern Education Studies. 2022. Iss. 6, no. 1. P. 133–158. DOI: <https://doi.org/10.51383/ijonmes.2022.167>

Cain D.M., Dana J., Newman G.E. Giving versus giving in // The Academy of Management Annals. 2014. Vol. 8, no. 1. P. 505–533. DOI: <https://doi.org/10.5465/19416520.2014.911576>

Coleman J.S. Foundations of social theory. Cambridge, MA; London, UK: Belknap Press of Harvard University press, 1990. 993 p.

Colquitt J.A., Scott B.A., LePine J. Trust, trustworthiness, and trust propensity: A meta-analytic test of their unique relationships with risk taking and job performance // Journal of Applied Psychology. Vol. 92, iss. 4. P. 909–927. DOI: <https://doi.org/10.1037/0021-9010.92.4.909>

Cook J., Wall T. New work attitude measures of trust, organizational commitment and personal need non-fulfilment // Journal of Occupational Psychology. 1980. Vol. 53, iss. 1. P. 39–52. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.2044-8325.1980.tb00005.x>

Gelfand M.J., Nishii L.H., Raver J.L. On the nature and importance of cultural tightness-looseness // The Journal of Applied Psychology. 2006. Vol. 91, iss. 6. P. 1225–1244. DOI: <https://doi.org/10.1037/0021-9010.91.6.1225>

Glaeser E., Laibson D., Scheinkman J.A., Soutter C.L. What is social capital? The determinants of trust and trust worthiness // NBER Working Paper. 1999. No. 7216. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w7216/w7216.pdf (accessed: 07.07.2022). DOI: <https://doi.org/10.3386/w7216>

Goffman E. The presentation of self in everyday life. N.Y.: Anchor Books, 1959. 259 p.

Hardin R. Trust. Cambridge, UK: Polity Press, 2006. 216 p.

Higgins E.T. Continuities and discontinuities in self-regulatory and self-evaluative processes: a developmental theory relating self and affect // Journal of Personality. 1989. Vol. 57, iss. 2. P. 407–444. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1989.tb00488.x>

Hofstede G.H. Culture's consequences: international differences in work-related values. Beverly Hills, CA: Sage, 1980. 475 p.

Huff L., Kelley L. Is collectivism a liability? The impact of culture on organizational trust and customer orientation: a seven-nation study // Journal of Business Research. 2005. Vol. 58, iss. 1. P. 96–102. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0148-2963\(02\)00478-2](https://doi.org/10.1016/s0148-2963(02)00478-2)

Huff L., Kelley L. Levels of organizational trust in individualist versus collectivist societies: a seven-nation study // Organization Science. 2003. Vol. 14, no. 1. P. 81–90. DOI: <https://doi.org/10.1287/orsc.14.1.81.12807>

Judeh M. The influence of organizational trust on job performance: mediating role of employee engagement // International Journal of Business Research. 2016. Vol. 16, iss. 5. P. 53–66. DOI: <https://doi.org/10.18374/ijbr-16-5.4>

Julian J. Organizational involvement and social control // Social Forces. 1968. Vol. 47, iss. 1. P. 12–16. DOI: <https://doi.org/10.2307/2574706>

Khouya M., Benabdelhadi A. A holistic overview on the antecedents of organizational trust: Aggregated theoretical framework // International Journal of Accounting, Finance, Auditing, Management and Economics. 2021. Vol. 2, iss. 6–1. P. 518–530. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.5736469>

Kirkman B.L., Shapiro D.L. The impact of cultural values on job satisfaction and organizational commitment in self-managing work teams: the mediating role of employee resistance // The Academy of Management Journal. 2001. Vol. 44, no. 3. P. 557–569. DOI: <https://doi.org/10.5465/3069370>

Kramer R.M., Tyler T.R. Trust in organizations: frontiers of theory and research. Thousand Oaks, CA: Sage, 1996. 440 p. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781452243610>

Lazzarini S., Madalozzo R., Artes R. Siqueira J. Measuring trust: An experiment in Brazil // Insper Working Paper / Insper Instituto de Ensino e Pesquisas. São Paulo, 2004. Vol. 49. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/6228649.pdf> (accessed: 04.07.2022).

Leung K., Su S., Morris M.W. When is criticism not constructive? The roles of fairness perceptions and dispositional attributions in employee acceptance of critical supervisory feedback // Human Relations.

2001. Vol. 54, iss. 9. P. 1155–1187. DOI: <https://doi.org/10.1177/0018726701549002>
- Malinen S., Wright S., Cammock P. What drives organizational engagement? A case study on trust, justice perceptions and withdrawal attitudes // Evidence-based HRM. 2013. Vol. 1, iss. 1. P. 96–108. DOI: <https://doi.org/10.1108/20493981311318638>
- Organizational trust: a cultural perspective / ed. by M.N.K. Saunders, D. Skinner, G. Dietz, N. Gillespie, R. Lewicki. N.Y.: Cambridge University press. 2010. 456 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9780511763106>
- Paldam M. Social Capital: One or Many? Definition and Measurement // Journal of Economic Surveys. 2000. Vol. 14, iss. 5. P. 629–653. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-6419.00127>
- Realo A., Koido K., Ceulemans E., Allik J. Three components of individualism // European Journal of Personality. 2002. Vol. 16, iss. 3. P. 163–184. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.437>
- Rothstein B. Sweden: social capital in the social democratic state // Democracies in Flux: The Evolution of Social Capital in Contemporary Society / ed. by R.D. Putnam. N.Y.: Oxford University Press, 2002. P.289–332. DOI: <https://doi.org/10.1093/0195150899.003.0008>
- Rotter J.B. A new scale for the measurement of interpersonal trust // Journal of Personality. 1967. Vol. 35, iss. 4. P. 651–665. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1967.tb01454.x>
- Samaha S.A., Beck J.T., Palmatier R.W. The role of culture in international relationship marketing // Journal of Marketing. 2014. Vol. 78, iss. 5. P. 78–98. DOI: <https://doi.org/10.1509/jm.13.0185>
- Simon H.A. Models of man: social and rational. N.Y.: John Wiley and Sons, 1957. 287 p.
- Triandis H.C. Individualism-collectivism and personality // Journal of Personality. 2001. Vol. 69, iss. 6. P. 907–924. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-6494.696169>
- Yamagishi T., Kikuchi M., Kosugi M. Trust, gullibility, and social intelligence // Asian Journal of Social Psychology. 1999. Vol. 2, iss. 1. P. 145–161. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-839x.00030>
- Получена: 26.04.2022. Доработана после рецензирования: 18.07.2022. Принята к публикации: 12.08.2022
- References
- Bahadir, M. and Levent, A.F. (2022). The mediating role of the locus of control in the impact of organizational trust on organizational cynicism. *International Journal of Modern Education Studies*. Vol. 6, no. 1, pp. 133–158. DOI: <https://doi.org/10.51383/ijonmes.2022.167>
- Cain, D.M., Dana, J. and Newman, G.E. (2014). Giving versus giving in. *The Academy of Management Annals*. Vol. 8, no. 1, pp. 505–533. DOI: <https://doi.org/10.5465/19416520.2014.911576>
- Coleman, J.S. (1990). *Foundations of social theory*. Cambridge, MA; London, UK: Belknap Press of Harvard University Press, 993 p.
- Colquitt, J.A., Scott, B.A. and LePine, J. (2007). Trust, trustworthiness, and trust propensity: A meta-analytic test of their unique relationships with risk taking and job performance. *Journal of Applied Psychology*. Vol. 92, iss. 4, pp. 909–927. DOI: <https://doi.org/10.1037/0021-9010.92.4.909>
- Cook, J. and Wall, T. (1980). New work attitude measures of trust, organizational commitment and personal need non-fulfilment. *Journal of Occupational Psychology*. Vol. 53, iss. 1, pp. 39–52. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.2044-8325.1980.tb00005.x>
- Fukuyama, F. (2004). *Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu* [Trust: the social virtues and the creation of prosperity]. Moscow: AST Publ., 736 p.
- Gelfand, M.J., Nishii, L.H. and Raver, J.L. (2006). On the nature and importance of cultural tightness-looseness. *The Journal of Applied Psychology*. Vol. 91, iss. 6, pp. 1225–1244. DOI: <https://doi.org/10.1037/0021-9010.91.6.1225>
- Glaeser, E., Laibson, D., Scheinkman, J.A., Soutter, C.L. (1999). What is social capital? The determinants of trust and trust worthiness. *NBER Working Paper*. No. 7216. Available at: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w7216/w7216.pdf (accessed 07.07.2022). DOI: <https://doi.org/10.3386/w7216>
- Goffman, E. (1959). *The presentation of self in everyday life*. New York: Anchor Books Publ., 259 p.
- Hardin, R. (2006). *Trust*. Cambridge, UK: Polity Press, 216 p.
- Higgins, E.T. (1989). Continuities and discontinuities in self-regulatory and self-evaluative processes: a developmental theory relating self and affect. *Journal of Personality*. Vol. 57, iss. 2, pp. 407–444. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1989.tb00488.x>
- Hofstede, G.H. (1980). *Culture's consequences: international differences in work-related values*. Beverly Hills, CA: Sage Publ., 475 p.
- Huff, L. and Kelley, L. (2003). Levels of organizational trust in individualist versus collectivist societies: a seven-nation study. *Organization Science*. Vol. 14, no. 1, pp. 81–90. DOI: <https://doi.org/10.1287/orsc.14.1.81.12807>

- Huff, L. and Kelley, L. (2005). Is collectivism a liability? The impact of culture on organizational trust and customer orientation: a seven-nation study. *Journal of Business Research*. Vol. 58, iss. 1, pp. 96–102. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0148-2963\(02\)00478-2](https://doi.org/10.1016/s0148-2963(02)00478-2)
- Judeh, M. (2016). The influence of organizational trust on job performance: mediating role of employee engagement. *International Journal of Business Research*. Vol. 16, iss. 5, pp. 53–66. DOI: <https://doi.org/10.18374/ijbr-16-5.4>
- Julian J. (1968). Organizational involvement and social control. *Social Forces*. Vol. 47, iss. 1, pp. 12–16. DOI: <https://doi.org/10.2307/2574706>
- Khouya, M. and Benabdelhadi, A. (2021). A holistic overview on the antecedents of organizational trust: Aggregated theoretical framework. *International Journal of Accounting, Finance, Auditing, Management and Economics*. Vol. 2, iss. 6–1, pp. 518–530. DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.5736469>
- Kirkman, B.L. and Shapiro, D.L. (2001). The impact of cultural values on job satisfaction and organizational commitment in self-managing work teams: the mediating role of employee resistance. *The Academy of Management Journal*. Vol. 44, no. 3, pp. 557–569. DOI: <https://doi.org/10.5465/3069370>
- Kramer, R.M. and Tyler, T.R. (1996). *Trust in organizations: frontiers of theory and research*. Thousand Oaks, CA: Sage Publ., 440 p. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781452243610>
- Lazzarini, S., Madalozzo, R., Artes, R. and Siqueira, J. (2004). Measuring trust: An experiment in Brazil. *Inspere Working Papers*. São Paulo: Insper Instituto de Ensino e Pesquisas Publ., vol. 49. Available at: URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/6228649.pdf> (accessed: 04.07.2022).
- Leung, K., Su, S. and Morris, M.W. (2001). When is criticism not constructive? The roles of fairness perceptions and dispositional attributions in employee acceptance of critical supervisory feedback. *Human Relations*. Vol. 54, iss. 9, pp. 1155–1187. DOI: <https://doi.org/10.1177/0018726701549002>
- Malinen, S., Wright, S. and Cammock, P. (2013). What drives organizational engagement? A case study on trust, justice perceptions and withdrawal attitudes. *Evidence-based HRM: a Global Forum for Empirical Scholarship*. Vol. 1, iss. 1, pp. 96–108. DOI: <https://doi.org/10.1108/20493981311318638>
- Paldam, M. (2000). Social capital: One or many? Definition and measurement. *Journal of Economic Surveys*. Vol. 14, iss. 5, pp. 629–653. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-6419.00127>
- Realo, A., Koido, K., Ceulemans, E. and Allik, J. (2002). Three components of individualism. *European Journal of Personality*. Vol. 16, iss. 3, pp. 163–184. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.437>
- Rothstein, B. (2002). Sweden: social capital in the social democratic state. R.D. Putnam (ed.) *Democracies in flux: the evolution of social capital in contemporary society*. New York: Oxford University Press, pp. 289–332. DOI: <https://doi.org/10.1093/0195150899.003.0008>
- Rotter, J.B. (1967). A new scale for the measurement of interpersonal trust. *Journal of Personality*. Vol. 35, iss. 4, pp. 651–665. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1967.tb01454.x>
- Rukavishnikov, V.O. (2008). [Interpersonal trust: measurement and cross-country comparisons]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2, pp. 17–25.
- Samaha, S.A., Beck, J.T. and Palmatier, R.W. (2014). The role of culture in international relationship marketing. *Journal of Marketing*. Vol. 78, iss. 5, pp. 78–98. DOI: <https://doi.org/10.1509/jm.13.0185>
- Sasaki, M., Davydenko, V.A., Latov, Yu.V. and Romashkin, G.S. (2010). [Trust as an element of social capital in contemporary Russia (a comparative analysis)]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. Vol. 19, no. 2, pp. 78–97.
- Saunders, M.N.K., Skinner, D., Dietz, G., Gillespie, N. and Lewicki, R. (eds.) (2010). *Organizational trust: a cultural perspective*. New York: Cambridge University Press, 456 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9780511763106>
- Sheina, M.V. and Paklina, S.N. (2015). [Social capital: approaches to definition and measurement]. *Rossiyskiy ekonomicheskiy internet-zhurnal* [Russian economic online journal]. No. 3. Available at: <https://www.e-rej.ru/upload/iblock/b49/b49e35b554d6024de9c39b18c0709c2b.pdf> (accessed 02.06.2022).
- Simon, H.A. (1957). *Models of man: social and rational*. New York: John Wiley and Sons Publ., 287 p.
- Triandis, H.C. (2001). Individualism-collectivism and personality. *Journal of Personality*. Vol. 69, iss. 6, pp. 907–924. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-6494.696169>
- Yamagishi, T., Kikuchi, M. and Kosugi, M. (1999). Trust, gullibility, and social intelligence. *Asian Journal of Social Psychology*. Vol. 2, iss. 1, pp. 145–161. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-839x.00030>

Received: 26.04.2022. Revised: 18.07.2022. Accepted: 12.08.2022

Об авторах

Гордеева Светлана Сергеевна
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: ssgordeyeva@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5309-8318>
ResearcherID: AAJ-6327-2021

Шарыпова Софья Юрьевна
преподаватель кафедры социологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: sonia.eliseeva@bk.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3519-8531>
ResearcherID: АНА-4394-2022

About the authors

Svetlana S. Gordeyeva
Candidate of Sociology, Associate Professor
of the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: ssgordeyeva@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5309-8318>
ResearcherID: AAJ-6327-2021

Sofya Yu. Sharypova
Lecturer of the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: sonia.eliseeva@bk.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3519-8531>
ResearcherID: АНА-4394-2022

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Гордеева С.С., Шарыпова С.Ю. Культурные факторы формирования доверия в организации: социологический анализ // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 3. С. 494–503.
DOI: 10.17072/2078-7898/2022-3-494-503

For citation:

Gordeyeva S.S., Sharypova S.Yu. [Cultural factors in trust formation in organizations: a sociological analysis]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 3, pp. 494–503 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-3-494-503

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) приглашает опубликовать статьи, содержащие оригинальные идеи и результаты исследований, а также переводы и литературные обзоры. Журнал включен в **Перечень рецензируемых научных изданий ВАК России**.

Редакционная коллегия принимает к рассмотрению оригинальные статьи на русском и английском языке по следующим отраслям науки и соответствующим научным специальностям:

- 5.7.1 Онтология и теория познания
- 5.7.2 История философии
- 5.7.7 Социальная и политическая философия
- 5.7.8 Философская антропология, философия культуры
- 5.3.1 Общая психология, психология личности, история психологии
- 5.4.1 Теория, методология и история социологии
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.7 Социология управления

Издание включено в международные базы данных **Ulrich's Periodicals Directory** и **EBSCO Discovery Service**, в электронные библиотеки «**IPRbooks**», «**Университетская библиотека on-line**», «**КиберЛенинка**», «**Руконт**», в электронную систему **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Правила оформления текста

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже). Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Имя файла — фамилия автора (первого из соавторов).

Параметры страницы. Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов — 1,25 см.

Заглавие статьи набирается строчными буквами жирным шрифтом и форматируется по центру.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Объем статьи от 20000 знаков до 40000 знаков с пробелами. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

В журнал не принимаются материалы в формате эссе. Рекомендуется разбить текст статьи на **разделы**:

- введение;
- основное содержание (рекомендуется разбить тело статьи на несколько тематических частей и присвоить каждой собственное наименование);
- результаты/обсуждение;
- заключение /выводы.

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится. Русская версия заголовка, названия таблицы и примечания (при наличии) к таблице должна сопровождаться ее переводом на английский язык.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде вневдренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится. Подписи и примечания (при наличии) к рисункам должны приводиться как на русском, так и на английском языках. Рисунки, графики, диаграммы должны быть четкими, легко читаемыми.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографические ссылки в тексте оформляются на языке источников согласно принципами **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) с указанием страниц источника цитирования (в случае прямого цитирования на конкретных страницах или обращения к конкретному фрагменту источника без прямого цитирования). При этом ссылки на использованную литературу даются в самом тексте статьи в квадратных скобках. В списке литературы не должно быть источников, на которые отсутствуют ссылки в тексте статьи. В списке литературы должны быть все источники, на которые дается ссылка в тексте статьи.

Постраничные сноски для ссылок на литературу *не допускаются*. После завершения основного текста статьи автор может добавить раздел Выражение признательности на русском и английском языках, в которых указывается ссылка на *программу*, в рамках которой выполнена работа, или *фонд поддержки*.

Ссылки в тексте оформляются в следующем виде:

- один автор: [Новиков А.М., 2002, с. 52], [Vernaleken A., 2006, p. 7];
- два автора: [Обухов, Иванова, 1999, с. 130];
- несколько авторов: указывается имя первого автора с последующим «и др.» [Иванова и др., 2002], но в списке литературы издание должно включать все имена авторов;
- несколько ссылок в алфавитном порядке разделяются точкой с запятой: [Орлов, Васильева, 2006; Рябухин, 2009], [Социология города..., 2010, с. 71; Петров, 2010, с. 55];
- две или более работ одного автора: [Береснева, 2014, 2016], [Внутских, 2017а, 2017б];
- книги под редакцией, материалы конференций, энциклопедии, словари, иные публикации: [Психолого-педагогическая..., 2014, с. 198], [Sociology and the end..., 2011].

Список литературы в соответствии с практикой международных научных журналов, рекомендуется составлять как минимум из **15–20 источников**; рекомендуется включать в него ссылки на современные журналы и монографии на иностранных языках.

Список литературы в конце статьи оформляется *автором (авторами)* в двух вариантах: в русском, согласно ГОСТ 7.07-2021 (<http://www.internet-law.ru/gosts/gost/1560/>), но без нумерации источников, и в *английском*, согласно принципам **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) также без нумерации источников.

Русский вариант списка литературы должен содержать все источники, оформленные по ГОСТ 7.07-2021 *в алфавитном (русско-го языка) порядке без нумерации*. Обязательно указывается: для книг — фамилия и инициалы автора (выделенные курсивом), название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; для журнальных статей, сборников трудов — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, страницы; для материалов конференций — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

Внимание: если источник, помещенный в библиографический список, имеет **идентификатор DOI**, то его указание в разделе Библиографический список в виде активной гиперссылки является обязательным! DOI указывается в конце библиографической записи, отделяясь от страниц точкой и пробелом. Информацию о DOI источников можно найти по адресу: <https://www.crossref.org/>.

Пример:

Внутских А.Ю. Глобальные катастрофические риски в свете концепции единого закономерного мирового процесса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 528–536. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2017-4-528-536>.

Bard, P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. 1934, vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

Ссылки на кириллице в не русском варианте (белорусском, украинском, словенском и т.д.) должны сопровождаться переводом на русский или английский язык.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники**, список литературы делается только **один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Английский вариант списка литературы («References») должен быть выполнен в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления** и содержать все источники *в алфавитном (английского языка) порядке без нумерации*.

Необходимо указывать всех авторов цитируемой работы, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в базе данных. Используйте союз and для связи имен последних двух авторов. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «>», «<», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т.п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н.Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Просим сверяться с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия. Основное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, — это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления References:

а б в г д е ё ж з и й к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ь ы ь э ю я

a b v g d e e zh z i y k l m n o p r s t u f kh ts ch sh sch y e yu ya

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом <https://translitoline.com/nastrojki/> настроив транслитерацию в соответствии с указанными выше правилами (следует особо проверить транслитерированное отображение буквы щ).

Русские имена можно транслитерировать либо по приведенным правилам (например, «Ivanov», «Ignatev»), либо по другим, если их иное написание встречается в других источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi»), «Marx», а не «Marks»).

По правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

Шаблон для оформления книг:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие. Сведения об издании (информация о переиздании, номер издания, серия)*, Место издания, Издательство. Объем — количество страниц.

Название русскоязычной книги приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных книг приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Panina, T.S. and Vavilova, L.N. (2008). *Sovremennnye sposoby aktivizacii obucheniya* [Modern ways of activating learning]. Moscow: Akademiya Publ., 176 p.

Black, B., Kraakman, R. and Tarasova A. (1999). *Kommentariy Federal'nogo zakona «Ob aktsionernykh obshchestvakh»* [Commentary to the Federal Law «On Joint-Stock Companies»]. Moscow: COLPI Labirint, 720 p.

Porter, M. (2008). *Konkurentnaya strategiya: metodika analiza otraslei i konkurentov. Per. s angl. 3-e izd.* [Competitive strategy: methodology for analyzing industries and competitors. Trans. from Eng. 3rd ed.]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 453 p.

Turner, A. (2006). *Introduction to Neogeography*. London, O'Reilly Media, 56 p.

Шаблон для оформления статей или отдельных глав с указанием разных авторов из книги или сборника:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи: сведения, относящиеся к заглавию. *Заглавие книги: сведения, сведения, относящиеся к заглавию*. Место издания, Издательство, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в переводе на английский язык (для переводных изданий приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Gonobolin, F.N. (1962) *Psihologicheskij analiz pedagogicheskikh sposobnostey* [Psychological analysis of pedagogical abilities]. *Sposobnosti i interesy* [Abilities and interests]. Moscow, APN RSFSR Publ., pp. 63–72.

Шаблон для оформления диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Ph.D. Thesis/D.Sc. Thesis*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Voskresenskaya, E.V. (2003). *Pravovoe regulirovanie otsenочноi deyatel'nosti: dis. ... kand. jurid. nauk* [Legal regulation of valuation activities: dissertation]. St. Petersburg, 187 p.

Meadows, K. (2017). *Aristotle on ontological priority: Ph.D. Thesis*. Stanford: Stanford University, 185 p.

Шаблон для оформления авторефератов диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Abstract of Ph.D./D.Sc. dissertation*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Bezrodnaya, V.F. (2004). *Osobennosti formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v protsesse politicheskoi modernizatsii Ukrainy: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Features of civil society development in the process of political modernization of Ukraine: Abstract of Ph.D. dissertation]. Odessa, 16 p.

Шаблон для оформления статей из газет или журналов:

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи в переводе на английский язык в квадратных скобках: сведения, относящиеся к заглавию. *Название журнала*. Номер выпуска, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Nazarchuk, A.V. (2011). [Network research in the social sciences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1, pp. 39–51.

Fedosiuk, O. (2005). Trafficking in human beings in criminal law and practice of courts. *Law*. No. 54, pp. 72–73.

Шаблон для оформления источников электронного ресурса удаленного доступа:

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год. Заглавие. Available at: URL (без знаков препинания в конце) (accessed — дата обращения).

Примеры:

Bauman, Z. (2011). *Tekuchaya modernost: vzglyad iz 2011 goda* [Flowing Modernity: view from 2011]. Available at: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (accessed 21.07.2017).

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только один, в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления**.

Для источников **на других языках** (например, немецком) данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz, F. (1892). *Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns* [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только **один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Допускается указание в формате постраничной сноски на **программу**, в рамках которой выполнена работа, или наименование **фонда поддержки**.

Статья должна сопровождаться:

- **индексом УДК;**

- **аннотацией** на русском и английском языках состоящей минимум из 200 слов;

- **ключевыми словами** (до 15 слов) на русском и английском языках (ключевые слова просим разделять запятыми) с заголовком *Ключевые слова/Keywords*;

- **информацией об авторе** в отдельном файле (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, полный почтовый адрес (с индексом) — рабочий и адрес, на который будет выслан авторский экземпляр журнала, телефон, адрес электронной почты;

- **информацией об идентификаторах автора в виде активных гиперссылок: ORCID и ResearchID** (в обязательном порядке, регистрация возможна на сайте <http://orcid.org/> и <https://publons.com/account/login/>);

- **скан-копией справки об обучении в аспирантуре**, заверенной руководителем учреждения (только для аспирантов).

Текст аннотации не следует разбивать на абзацы. В аннотации следует избегать лишних вводных фраз (например, «В статье рассматриваются...» или «Автором рассматривается...») Аннотация должна раскрывать содержание исследования и включать информацию:

– предмет, тема, цели работы (если они не очевидны из названия статьи);

– метод или методологию проведения работы (если они отличаются новизной и представляют специальный интерес);

– результаты работы;

– область применения результатов;

– выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье).

При подготовке аннотации на английском языке следует избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: «The study tested», а не «It was tested in the study».

Подробные рекомендации по подготовке качественной аннотации можно найти в работе эксперта БД SCOPUS О.В. Кирилловой (<http://www.elsevierscience.ru/files/add-journal-to-scopus-2013.pdf>).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи и сопутствующие материалы отправляются автором на электронный адрес fsf-vestnik@yandex.ru Датой поступления статьи считается день получения рукописи статьи редакцией.

В соответствии с «Положением об этических стандартах редакционной политики Пермского государственного национального исследовательского университета», автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ.

В связи с формированием Министерством юстиции РФ реестров организаций, физических лиц и СМИ, выполняющих функции иностранного агента, убедительно просим авторов проверять текст предоставляемых статей и ссылок в них на предмет включения соответствующих субъектов в следующие реестры:

- Реестр иностранных средств массовой информации и физических лиц, выполняющих функции иностранного агента — <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7755/>
- Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории РФ — <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7756/>
- Сведения реестра НКО, выполняющих функции иностранного агента — <http://unro.minjust.ru/NKOForeignAgent.aspx>

При наличии указаний/ссылок на физических лиц, организации и СМИ, из указанных реестров необходимо после ФИО, наименования организации или СМИ ставить знак сноски * (звездочку) и на этой же странице под текстом указывать Включен в Реестр такой-то Министерством юстиции РФ и дату включения.

Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями, и готов подписать лицензионный договор с Издателем (с текстом лицензионного договора можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/nauka-na-fsf/nauchnyj-zhurnal-fsf/89-nauka/282-litsenzionnyj-dogovor-s-avtorami>).

Предоставление авторами сторонних рецензий не требуется. Все статьи в обязательном порядке подвергаются процедуре двойного «слепого» рецензирования. Принятые статьи рейтинуются и отбираются к публикации в ближайших выпусках.

Публикации для авторов бесплатные.

Сроки представления рукописей статей и запланированные сроки выхода издания в 2022 году:

Сроки представления рукописей статей	Запланированный срок выхода соответствующего номера Вестника
в № 1 — до 01 февраля	31 марта
в № 2 — до 01 мая	30 июня
в № 3 — до 01 августа	4 октября
в № 4 — до 01 октября	30 ноября

С электронными версиями опубликованных ранее выпусков Вестника можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Контактная информация редколлегии:

e-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, тел. +7(342) 2396-305

GUIDELINES FOR ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

The Editorial Board of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) invites authors of original research to publish their findings in the journal. The journal is on the Russian list of the leading peer-reviewed scientific journals and periodicals where the results of scientific research required for getting the scientific degree of Candidate or Doctor of Sciences (PhD) must be published.

The Editorial Board of the journal accepts original papers in Russian and in English accordingly study fields as follows:

5.7.1 Ontology and theory of knowledge

5.7.2 History of philosophy

5.7.7 Social and Political philosophy

5.7.8 Philosophical anthropology, philosophy of culture

5.3.1 General psychology, personality psychology, history of psychology

5.4.1 Theory, methodology and history of sociology

5.4.4. Social structure, social institutions and processes

5.4.7 Sociology of management

The journal is included in the international databases *Ulrich's Periodicals Directory* and *EBSCO Discovery Service*, in the digital library *IPRbooks*, *electronic library system «The University Library On-line»*, *open access scientific library «CyberLeninka»*, *national digital resource «RUCONT»* and *national information-analytical system «Russian Science Citation Index (RSCI)»*.

Guidelines for submission

Articles should be submitted electronically in Microsoft Word (version 2003 or earlier) as a Rich Text File (rtf). The file should be named after the surname of the author (or the first coauthor).

Page Parameters. Please use A4 page size with 2 cm margins on each side with 1.25 cm to headers and footers.

The title of your contribution should be placed centrally in lowercase letters and in bold type.

The main text of your contribution should be typed in Normal style: Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1 cm. Articles should aim for a target length of 20 000 to 40 000 characters with spaces. You may use **boldface** or *italic*. Special symbols should be introduced by means of Symbol fonts. Please make sure that there observed distinctions between O (the letter) and 0 (zero); 1 (one), I (Roman figure) and l (Latin letter); intra-word hyphen (-) and dash (—). Centuries should be represented by with Roman numerals (e.g. XIX century). Recommended quotation marks are «...»; inside the quotations please use a different type of quotation marks (e.g. «...”...”...»).

The materials in the essay format are not accepted in the journal. We urge to divide the text of your article into the following parts:

– introduction;

– principal content (we recommend subdivide the article body into several components giving a title to each of them);

– results / discussion;

– conclusions / statements.

Headings of the main sections of your paper should be in one style. Please do not use automatic lists. Numbered lists should be done manually.

Tables should be signed as follows «Table 1. Name of Table». Words in tables should not be contracted. Full stop should not be used at the end of headings and in table cells.

Pictures should be placed in the text as embedded objects. Captions should be placed under the pictures (e.g. «Pic. 1. Name of the picture»). Full stop should not be used at the end of headings and captions to pictures. Pictures, graphs, diagrams should be clear, easy to read.

Formulas should be written in Microsoft Word Equation, version 3.0 or earlier.

References should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>) If a quotation is included, the page of the source should also be mentioned in square brackets, e.g.: [Vernaleken A., 2006, p. 7].

We recommend including from 15 to 20 citations in Reference list as minimum. These citations should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>). Generally, Harvard Reference List citations follow this format: Last name, First Initial. (Year published). *Title*. City: Publisher, Page(s), e.g.: Turner, A. (2006), *Introduction to Neogeography*, London, O'Reilly Media, 56 p.

Citations are listed in alphabetical order by the author's last name without numbering. If there are multiple sources by the same author, then citations are listed in the order of the date of publication.

Each resource should be mentioned in the list of references just once. The list of references should contain only those resources, which were cited in the text. All the resources cited in the text should be included in the list of references. Please provide Russian or English translation to non-Russian Cyrillic references.

Note: If cited source has DOI, then DOI name should be given in References as active hyperlink. DOI name should be placed at the end of the item, and it should be divided from the previous text by dot and void interval.

For example:

Bard, P. (1934). On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. Vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

For **resources in English** the imprint should be given in English only.

For example:

Head, H. and Holmes, G. (1911–1912). Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*. Vol. 34, p. 102.

For **resources in other languages** (e.g. German) the imprint should be given both in English and in the resource language

For example:

Goltz, F. (1892). Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Please **do not use footnotes**. The author can add a section Acknowledgements after the main text of the article to indicate a **project, scholarship or foundation** supporting his or her research.

Your contribution should be accompanied by:

- the index of the Universal Decimal Classification;
- abstract of 200 words (as minimum); abstract should include information about subject, objectives, methodology of the article, discussion of results and conclusion;
- key words (up to 15);
- information about the author (in separate file): surname and first name; place of work and position; academic degree; academic title; information about author's ID as active hyperlink (ORCID and Researcher ID); mail address (with postal code) for your author's copy to be sent to; phone number and e-mail address;
- scanned copy of verified certificate of study (for PhD students only).

Please take notice that submissions received by the Editorial Board will not return to the authors. The editorship may edit the text of the article and make minor amendments, which do not change the general meaning of the text, without the author's consent. Opinions of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the author.

Submissions should be sent **to the e-mail address of the Herald**: fsf-vestnik@yandex.ru. The date when the Editorial Board receives the manuscript is considered to be the date of the submission receipt.

According to «Regulations of Ethical Standards of Editorial Policy of Perm State University» the author of the article is responsible for the originality of research and authenticity of the information presented. The author is equally responsible for all copyright permissions in accordance with national and international legislation. By sending his or her article the author confirms that the manuscript has not been published previously and has not been sent to other journals for consideration before and will not be sent to other journals for publication afterwards. By sending his or her article the author confirms that he or she agrees with the requirements of the Guidelines, and is ready to sign the license agreement with the Publisher (see the text of the agreement at web-site: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>).

All articles are exposed to double «blind» reviewing. The approved articles are ranked for selection to the publication in the next issues. The publication of manuscript is **free**.

Submission deadlines in 2022

Submission deadlines	Planned date of publication
No 1 February 1	March 31
No 2 May 1	June 30
No 3 August 1	October 4
No 4 October 1	November 30

Electronic versions of the previously published issues of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* may be found here: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Contacts

Phone: +7(342) 2396-305

E-mail of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru

Научное издание
Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2022
Выпуск 3

Редактор *А.С. Беляева*
Компьютерная верстка *И.Н. Черемных*
(ответственный секретарь коллегии)
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 30.09.2022
Дата выхода в свет 04.10.2022
Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 17,9
Тираж 500 экз. Заказ 1339

Адрес учредителя и издателя:

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д.15
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Адрес редакции:

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
(Философско-социологический факультет).
Тел. +7 (342) 239-63-05

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел.+7 (342) 239-66-36

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии издательства
Пермского национального исследовательского политехнического университета.

614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, к. 113. Тел. (342) 219-80-33

Распространяется бесплатно и по подписке